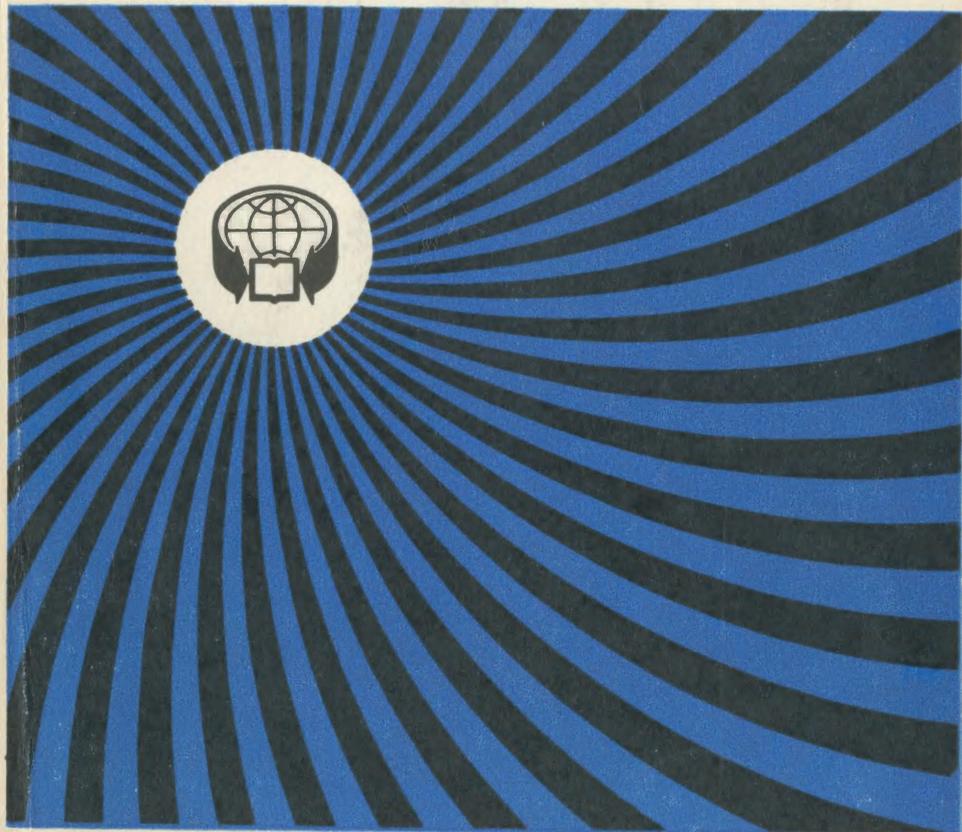

РС

**ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
ПРОТИВ СТРАНЫ СОВЕТОВ**

(ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
ПРОТИВ СТРАНЫ СОВЕТОВ
(Зарубежная историография)

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва · 1989

Серия: ИСТОРИЯ СССР

**Сборник подготовлен Отделом
исторических наук ИНИОН АН СССР**

Редакционная коллегия сборника:

**кандидат исторических наук В.К. БАГДАСАРОВ
кандидат исторических наук А.А. ТВЕРДОХЛЕБ
кандидат исторических наук В.М. ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук А.С. ЯКУШЕВСКИЙ**

Редактор—составитель: Е.Б. КУДРЯКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Кеттл М. Россия и союзники, 1917-1920. Т. 2: Путь к интервенции, март-ноябрь 1918 г.	18
Голдхерст Р. Полуночная война: Американская интервенция в России, 1918-1920	30
Оказавшиеся в пекле: Очерк об американских экспедиционных войсках на Севере России в 1918-1919 годах	46
Американская историография участия США в антисоветской интервенции. (Обзор)	57
Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию; Консул, который взбунтовался	75
Манхоллэнд Дж. К. Французская армия и интервенция в Южную Россию, 1918-1919 гг.	95
Роджи Э. Участие Италии в попытке задушить революцию в колыбели	116
Ютака Ё. Интервенционная война японского империализма в Сибири: К проблеме взаимосвязи положения дел на фронте и внутреннего положения в стране	121
Скирда А. Казаки свободы: Нестор, Махно, казак анархии и гражданская война в России, 1917-1921	125
Вагнер Г. Германия и польско-советская война 1920 г.	133
Гиларди Ф. Некоторые аспекты англо-советских отношений	146
Советско-шведские отношения в период иностранной интервенции (Шведская историография) (Обзор)	152

ВВЕДЕНИЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России до основания потрясла капитализм, способствовала обострению его общего кризиса. В появлении на мировой арене первого социалистического государства, в его внешней и внутренней политике империалистические державы увидели угрозу незыблемости капиталистических устоев и серьезнейшую преграду своей колониальной политике. Их отношение к новой, Советской России определялось интересами монополистической буржуазии, классовой ненавистью капиталистов к пролетариату.

Типичной для империалистической буржуазии реакцией на социалистическую революцию в России были действия американского посла в Петрограде Д. Фрэнсиса. Его направление в 1916 г. послом в Петроград было связано с планами более широкого проникновения американского капитала в Россию. Будучи крупным торговцем зерном, он приложил немало усилий в этом направлении, Экспорт США в Россию в 1917 г. увеличился по сравнению с уровнем 1913 г. в 16 раз ¹⁾. Октябрьская революция явилась сокрушительным ударом по планам американских монополий, направленным на экономическое подчинение России. Д. Фрэнсис крайне от-

¹⁾ Kennan J. Russia leaves the war.-Princeton, 1956.-P.33-35.

рицательно оценил создание Советского правительства во главе с Лениным. Отражая интересы империалистов всех стран, он считал необходимым свержение такого правительства, выступал против каких-либо деловых контактов с ним¹⁾.

Правящие круги всех крупнейших капиталистических стран сразу же стали на путь борьбы против Советской России. Ими применялись разнообразные формы и методы, чтобы устранить с политической арены Страну Советов. Антисоветизм империалистов нашел выражение в политике непризнания и дипломатической изоляции Советского государства, подготовке различных контрреволюционных заговоров и выступлений, экономической блокаде, подрывных антисоветских действиях в граничащих с молодой республикой странах, подавлении движения в поддержку Советской России в собственных странах. Однако главный упор империалистами был сделан на ликвидацию Советской республики путем военной интервенции в Россию.

Хотя до ноября 1918 г. основные империалистические державы были заняты войной между собой, их политическое и военное руководство находило возможности и в этот период для разработки планов и организации военных походов против Советской России. Причем, эти планы антисоветской военной интервенции предусматривали тесное взаимодействие вооруженных сил империалистических держав с силами внутренней российской контрреволюции.

В.И. Ленин, рассматривая историю вооруженного вмешательства международного империализма в дела русской революции, отмечал наличие "двух, коренным образом расходящихся по приему деятельности Антанты, периодов или двух основных методов ее военных действия против России"²⁾. Первый период (конец 1917 - начало 1919 г.) характеризовался попытками империалистических государств свергнуть

1) Fischer L. The Soviets in world affairs.-L., 1930.-Vol.1.-P. 18.

2) Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 39. - С. 344.

Советскую власть главным образом с помощью собственных войск. Правда, при этом правящие круги империалистических государств исходили из того, что интервенционистские войска явятся ядром для создания крупных белогвардейских армий во главе с царскими генералами. Предполагалось, что само появление войск Антанты немедленно приведет к созданию широкого внутреннего контрреволюционного фронта, который сметет власть Советов, восстановит капиталистические порядки и включится в войну против Германии. Основную массу вооруженных сил империалисты Антанты первоначально наметали послать за счет Японии, не участвовавшей в войне в Европе, и США, имевших огромные людские ресурсы. Интервенцию было решено осуществить морским путем на севере России через Мурманск и Архангельск и на Дальнем Востоке через Владивосток в Сибирь. Только эти районы были для Антанты вполне доступны, пока шла первая мировая война.

Для оправдания вооруженного нашествия на Страну Советов империалисты прибегли к заявлениям о "спасении России" от угрозы со стороны кайзеровской Германии. Буржуазная пропаганда стран Антанты требовала "защитить" российские порты от возможного захвата немецкими войсками, призывала оказать помощь чехословакам, которым на территории Советской России якобы угрожало "нападение вооруженных австрийских и немецких военнопленных"¹⁾.

Взгляды правящих кругов различных государств Антанты на интервенцию не во всем совпадали. США, например, возражали против использования крупных японских сил для интервенции в Сибири, на чем настаивали Англия и Франция. В лице Японии, которая за годы первой мировой войны сумела укрепиться в Китае и Океании, США видели своего основного конкурента в Азии. Поэтому привлечь Японию к интервенции в Сибири, куда она давно стремилась, означало для США ограничить сферу своих экспансионистских целей на Дальнем Востоке.

1) Papers relating to the foreign relations of the United States. Vol. 2: 1918, Russia.-Wash., 1931.-P. 328.

Несмотря на все эти противоречия, подготовка вооруженной интервенции стран Антанты против Советского государства осуществлялась довольно интенсивно. В конце зимы и весной 1918 г. военно-политическое руководство Англии, США, Франции, Италии, Японии разрабатывало и согласовывало планы вторжения на Дальний Восток и на Север России. Одновременно подготавливались антисоветские мятежи внутри страны.

Окончательное решение о вооруженной интервенции против Советской Республики в Сибири и на Севере правительства Англии, Франции, Италии приняли на конференции премьер-министров и министров иностранных дел, состоявшейся в Лондоне 15 марта 1918 г. Фактически вторжение войск Антанты началось уже 6 марта, когда с английского линейного корабля "Глори" в Мурманске высадились рота морской пехоты численностью 130 человек. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке под предлогом "защиты" японских подданных высадились шесть японских рот, а 6 апреля в дополнение к ним — отряд английских солдат.

В борьбе против Советской власти страны Антанты решили также использовать чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных на территории России еще до Октябрьской революции и насчитывавший до 50 тыс. хорошо вооруженных и обученных солдат и офицеров. На 5-й сессии Высшего военного совета Антанты 2 мая 1918 г. было решено оставить большую часть чехословацкого корпуса, двигавшегося на Владивосток, и направить на Архангельск и Мурманск. Основными пунктами сосредоточения для выполнения новой задачи были Пенза, Челябинск и Омск¹⁾. Для соединения с чехословацким корпусом Англия, США, Франция, Италия направили свои войска в Архангельск, который был захвачен ими с помощью белогвардейцев 2 августа 1918 г. Англия с согласия правительств других стран Антанты также направила

1) См.: Военно-блоковая политика империализма: История и современность. — М., 1980. — С. 61-62.

в первой половине 1918 г. свои войска на территорию советского Закавказья и Туркестана¹⁾).

В то время как империалисты Антанты организовали военную интервенцию против Советской России с севера, востока и юго-востока, германский блок, вопреки Брестскому миру, осуществлял интервенцию с запада и юго-запада. В марте 1918 г. австро-германские войска оккупировали Донбасс, в апреле - Крым. В начале мая германские войска захватили Ростов-на-Дону и заключили договор с генералом Красновым, который обязался принять общее стратегическое руководство немцев и двинуть белоказачьи войска против Советской власти. К концу 1918 г. германские и турецкие войска вторглись в Закавказье и оккупировали Грузию и Армению.

Окончание в ноябре 1918 г. мировой войны империалисты Антанты решили использовать для расширения вооруженной интервенции против Советской России. Главными ее объектами на этот раз были избраны Юг Украины, Крым и Северный Кавказ. В конце ноября 1918 г. интервенты начали высадку десантов в Одессе, Севастополе и Новороссийске. К десяткам тысяч американских, английских, японских, французских солдат на Севере и Дальнем Востоке, в Сибири и на Каспии прибавились войска Антанты на Украине и Северном Кавказе, достигшие к 15 февраля 1919 г. 130 тыс. человек²⁾).

Одновременно со своими войсками страны Антанты решили использовать и вооруженные силы Германии против Советской России. Вопрос об этом обсуждался Высшим военным советом Антанты в конце октября - начале ноября 1918 г. при выработке условий перемирия с Германией. Условиями Компьенского соглашения о перемирии, подписанного 11 но-

1) Ullman R. Anglo-Soviet relations 1917-1921.-Princeton, 1961.- Vol. 1.-P. 305-306.

2) Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. - М., 1961. - Т. 1. - С. 92.

ября 1918 г., предусматривалось оставить германские войска на оккупированной ими советской территории (в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии). Кроме германских на территории Советской России в соответствии с решением Антанты была оставлена часть турецких войск (в Закавказье)¹⁾.

К весне 1919 г. правящим кругам Антанты удалось добиться некоторой координации действий контрреволюционных фронтов. Однако разношерстная империалистическая коалиция, сколоченная из сил, преследовавших порой различные интересы, не могла быть прочной. И хотя интервенты всюду развернули наступление, им не удалось добиться четкого стратегического взаимодействия фронтов, одновременного натиска на Советскую республику. Кроме того, империалистам Антанты приходилось считаться с собственным тылом. В США, Англии, Франции и других странах возникло движение "Руки прочь от Советской России". В войсках Антанты, находившихся в России, началось революционное брожение. Правительства некоторых стран (Канады, Италии и др.), исходя из требований внутривосточной обстановки, стали выступать за вывод своих интервенционистских войск из России.

С весны 1919 г. начался второй период антисоветской интервенции, характеризовавшийся попытками империалистов объединить силы внутренней контрреволюции и небольших буржуазных государств, граничивших с Советской Россией.. "Первая попытка, — говорил В.И. Ленин об антисоветской интервенции Антанты, — победить нас своими войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма"²⁾. С начала

1) Thompson J. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace.-Princeton, 1966.- P. 25-31.

2) Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 326.

1919 г. развивается активный процесс смыкания всех контрреволюционных сил. На востоке страны он был завершен под главенством Колчака, на юге Деникина, на северо-западе — Юденича и на севере — Миллера. Парижская мирная конференция в мае 1919 г. с участием основных империалистических держав и главарей российской контрреволюции наделила Колчака полномочиями "верховного правителя Российского государства и главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России". Практически же общее руководство осуществлением плана, намечавшего полное окружение военными силами Советской республики и нанесение основного удара на Москву, оставалось за Антантой.

По обоюдному соглашению западные державы обеспечивали белогвардейские армии и армии буржуазных государств — участников интервенции вооружением, снаряжением и продовольствием. Военная помощь осуществлялась через посредство военных миссий. Она имела решающее значение для формирования контрреволюционных вооруженных сил.

Правительства стран Антанты согласились с предложенным французским президентом Клемансо курсом на создание вокруг Советского государства "санитарного кордона". Они решили всячески поддерживать антисоветские устремления буржуазно-помещичьей Польши. Ими вынашивались также планы создания федерации антибольшевистских государств, которая бы включала Финляндию, Польшу, Румынию, государства Прибалтики и Закавказья. Этим государствам оказывалась Антантой финансовая и военная помощь. При поддержке Германии, а затем и стран Антанты в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве и Польше в 1918—1919 гг. формируются армии, призванные стать не только орудием подавления революционного движения на местах, но и активными участниками интервенции против Советской России.

Попытки организации крестового похода против Страны Советов в 1919 г. вылились в двухкратное нашествие сил интервентов: весной — во главе с Колчаком и осенью — с Деникиным.

Широкий антисоветский блок малых государств с участием Финляндии, Прибалтийских стран, Польши и Румынии Ан-

танта пыталась сколотить в конце 1919 - начале 1920 г. Однако правительства большинства этих стран войны не хотели. Лишь Польша начала в 1920 г. войну против Советской России, но поставленных задач достичь не сумела.

Таким образом, новое наступление против Советской республики, предпринятое Антантой в 1919-1920 гг., успеха не имело. Стремление правящих кругов Антанты втянуть в антисоветскую авантюру малые государства натолкнулось на сопротивление этих стран, опасавшихся превратиться в послушное орудие Антанты. В.И. Ленин писал, что эта попытка Антанты создать единый антисоветский фронт для продолжения интервенции окончилась неудачей: "... оказалось, что ни одно из этих маленьких государств к такой войне не способно. И еще более - в каждом маленьком государстве укрепились ненависть к Антанте"¹⁾.

После прекращения войны с Польшей империалисты Антанты возложили главную роль в борьбе против Советской власти на Врангеля, обосновавшегося в Крыму. Ему стала оказываться всяческая помощь. Основываясь на поддержке Антанты, Врангель в октябре 1920 г. предпринял новое крупное наступление, стремясь уничтожить советские войска на правом берегу Днепра до прихода к ним подкреплений. Однако эта попытка Врангеля закончилась через месяц полным разгромом контрреволюционных сил и освобождением Крыма.

Разгромом Врангеля завершился исключительно напряженный и ответственный для Советской России период иностранной военной интервенции и гражданской войны. В ожесточенной борьбе молодое Советское государство отстояло свою свободу и независимость, завоевало возможность существования рядом с капиталистическими странами.

Этому периоду новейшей истории всегда уделялось большое внимание не только советскими, но и зарубежными историками, особенно исследователями тех стран, которые

¹⁾ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 39. - С. 326.

принимали участие в интервенции против Советской России. Немало публикаций появилось об антисоветской интервенции в последнее десятилетие в капиталистических странах. Они принадлежат к различным течениям и школам, отражающим многообразие буржуазного общества. В работах этих авторов можно встретить немало ценных фактических данных, раскрывающих подготовку и ход антисоветской интервенции, участие в ней отдельных империалистических государств. Вместе с тем для значительного числа западных исследователей характерен односторонний, не всегда объективный подход к изображению антисоветской интервенции.

Это находит проявление прежде всего в стремлении оправдать интервенцию, приукрасить позицию отдельных ее участников. Рядом буржуазных историков выдвинута концепция, согласно которой вооруженное вмешательство государств Антанты во внутренние дела России было предпринято главным образом из военно-стратегических соображений для спасения ее от германского вторжения. Так, американский историк М. Кеттл в своем многотомном издании, два из которых уже увидели свет (второй том издан в 1988 г.), анализируя причины интервенции, проводит мысль, что в условиях массированного проникновения в Россию германских войск не существовало иного средства ее спасения за исключением военной интервенции союзников.

Детально исследуя позиции отдельных стран-участниц интервенции, многие авторы обращают внимание на то, что задачи, которые ставили перед собой союзники, во многом различались. М. Кеттл, например, указывает на экспансионистские цели Великобритании в России. Еще до Октябрьской революции Англия рассматривала Россию как важнейшую сферу своих экономических интересов, контролируя на основе секретных соглашений деятельность практически всех крупнейших русских банков, а также торговлю зерном в Европейской России и Сибири. В случае падения большевиков в результате военной интервенции, считает американский историк, Великобритания получила бы возможность действенного контроля над всей экономикой новой "белой" России. Другой американский историк Р. Голдхерст отмечает, что Велико-

британия настаивала на интервенции в значительной степени из-за опасения, что революционные события в России окажут влияние на положение в английских колониях в Индии.

Что же касается США, которые, как известно, приняли решение об участии в интервенции позже других держав, то наиболее распространенной в западной историографии является точка зрения, что это решение носило случайный характер, а не являлось закономерным актом американской администрации. Такого мнения придерживается Р. Голдхерст, который среди других причин, почему США присоединились к интервенции, называет стремление помешать Японии закрепиться на Дальнем Востоке. Американский историк Д. Гордон, подчеркивая ведущую роль Англии в организации антисоветской интервенции, указывает на существенное отличие ее целей от целей США, которые испытывали большие сомнения относительно участия в интервенции. Решение США, считает он, было продиктовано желанием снова открыть в Европе Восточный фронт союзников.

Помещенный в настоящем реферативном сборнике обзор американской историографии участия США в антисоветской интервенции имеет целью показать несостоятельность попыток приукрасить роль США в антисоветской интервенции. Книга английского историка-марксиста Э. Ротштейна, посвященная английской интервенции в Северную Россию, реферат на которую также включен в данный сборник, опровергает концепции буржуазных авторов о "случайности" и "непреднамеренности" интервенции.

Итальянскую историографию представляют рефераты на работы Ф. Гиларди, посвященную англо-советским отношениям в рассматриваемый период, и Э. Роджи, характеризующую участие Италии в антисоветской интервенции. Э. Роджи указывает, что Италия, выступая за ограниченные действия союзников, свои цели видела в борьбе с большевизмом и поддержке сил антинемецкой ориентации. Ее позицию, по замечанию Э. Роджи, определяло стремление ни при каких обстоятельствах не оказаться в стороне "при дележе русского пирога".

Современной японской историографии удалось преодолеть органиченный чисто дипломатический подход к проблеме японской интервенции в Россию, который господствовал в 50-е годы. Показывая многоаспектность этой проблемы, японский историк Ё. Ютака отмечает в качестве первоочередной задачи японской историографии разоблачение интервенционистского характера вторжения японских войск в Сибири, которому до сих пор японские авторы уделяли недостаточно внимания.

Как можно заметить в работах зарубежных авторов, посвященных этому периоду, тезис о "германской угрозе" как факторе, влияющем на политику держав Антанты, присутствует довольно широко. В новейших исследованиях финского историка К. Хови попытка создания "санитарного кордона" вокруг Советской республики, предпринятая западными державами, объясняется их стремлением преградить распространение германского влияния. Идея, выдвинутая странами Антанты в 1919 г., об альянсе прибалтийских государств в работах западных авторов (английского историка Дж.Хайдена и др.) обосновывается желанием помешать Германии навести в этом регионе мосты с потенциальной союзницей Россией.

Для оценки роли "германской угрозы" интересна работа западногерманского историка Г. Вагнера, посвященная отношению Германии к польско-советской войне 1920 г. В его книге показываются позиции различных общественных сил Германии. Что же касается правящих кругов Германии, то они, как пишет автор, хотя и видели в лице России противовес политике Антанты, относились к большевизму крайне враждебно.

В последнее время под давлением фактов западные историки вынуждены все более объективно освещать истинные причины антисоветской интервенции, признавать, что ее поражение было закономерно обусловлено, а не являлось следствием случайных факторов и обстоятельств, неблагоприятных для интервентов. В этом смысле наиболее характерной является работа Дж. Манхоллэнда, посвященная выяснению причин поражения французской интервенции в Южную Россию. Оценивая ее в основном с военно-стратегической точки зре-

ния, автор совершенно справедливо считает неправомерным выдвижение на передний план одних и замалчивание других факторов, способствовавших провалу описываемой им зимне-весенней кампании 1918–1919 г. на Юге России. Военная усталость войск, переброшенных сюда с фронтов мировой войны, противоречия между французскими интервентами и белогвардейцами, невозможность создания единого антибольшевистского фронта из-за соперничества между различными антибольшевистскими силами, слабая организация интервенции, плохое снабжение, отсутствие четко поставленных целей и задач у интервентов, противоречия внутри французского руководства, враждебное отношение к интервентам со стороны местного населения, опасность восстания рабочих в городах, занятых оккупационными войсками, успешные действия советских сил под командованием атамана Григорьева, большевистская пропаганда среди солдат-интервентов и, наконец, крайняя непопулярность интервенции не только среди рядового состава, но и среди офицеров, в ряде случаев приведшая к переходу на сторону большевиков и мятежам в армии и на военных кораблях, – все это, подчеркивает Дж. Манхоллэнд, повлияло на решение французского командования об эвакуации.

На столкновение между интервентами, в данном случае англичанами, и белогвардейцами в ходе интервенции в Северную Россию как фактор, дестабилизирующий действия интервентов, указывает также Д. Гордон. Суровые климатические условия, считает Э. Роджи, мешали осуществлению итальянской интервенции в Сибири и на Севере России.

По мнению западных авторов, одной из причин, затрудняющих действия армии интервентов, являлись противоречия между участниками интервенции. О столкновениях между американскими и английскими интервентами во время интервенции на Севере России рассказывается в книге Д. Гордона. М. Кеттл показывает разногласия по поводу использования чехословацкого корпуса, возникшие между Францией, которая хотела использовать его в военных действиях против Германии на Западном фронте, и Великобританией, стремящейся с его помощью реализовать свои цели в России.

Совершенно справедливо многие историки указывают на непопулярность антисоветской интервенции в Россию среди солдат-интервентов. Об этом говорят Р.Голдхерст и Дж.Манхоллэнд, об этом свидетельствуют статьи, включенные в сборник под редакцией Д. Гордона. Последние имеют особую ценность, так как их авторы принадлежат к бывшим участникам интервенции в Советскую Россию. Как Р. Голдхерст, так и Дж. Манхоллэнд объясняют непопулярность интервенции "неясностью" целей для солдат.

В связи с большим интересом к личности Нестора Махно, игравшего заметную роль в гражданской войне в России, в настоящий реферативный сборник помещен реферат на книгу А. Скирды, в котором освещается, в частности, участие Махно в разгроме иностранной интервенции.

Представленные в сборнике рефераты наглядно свидетельствуют об основных тенденциях буржуазной историографии иностранной интервенции против Страны Советов в 1918-1920 гг.

А.С. Якушевский
Е.Б. Кудрякова

КЕТТЛ М.
РОССИЯ И СОЮЗНИКИ, 1917-1920.
Т. 2: ПУТЬ К ИНТЕРВЕНЦИИ: МАРТ-НОЯБРЬ 1918 Г.

KETTLE M.
RUSSIA AND ALLIES 1917-1920.
VOL. 2: THE ROAD TO INTERVENTION:
MARCH-NOVEMBER 1918.-L.-N.Y.:
Routledge. 1988.- 401 p.

Монография "Путь к интервенции: март-ноябрь 1918 г." американского историка и публициста М. Кеттла (Центр русских исследований Гарвардского ун-та) продолжает серию исследований, посвященных анализу взаимоотношений России и стран Антанты в 1917-1920 гг. (в 1981 г. был издан первый том этой серии "Союзники и падение России: март 1917-март 1918 гг.", в ближайшее время автор предполагает опубликовать еще три тома, доведя изложение событий до эвакуации остатков деникинской армии из Новороссийска весной 1920 г., означавшей, по его мнению, конец прямого военного вмешательства союзников во внутренние дела России). В реферируемой книге, написанной на основе неопубликованных материалов, главным образом из архивов Министерства иностранных дел, Министерства обороны и Адмиралтейства Великобритании и других стран Антанты, а также воспоминаний современников и др., рассматриваются причины иностранной интервенции против Страны Советов, ход военных действий на всех фронтах гражданской войны от Сибири до Балтики, подробно характеризуются отношения

Великобритании, Франции, США и Японии с Советской Россией, а также противоречия между союзниками по вопросам о формах поддержки белого движения, сроках и месте высадки союзнических войск, особое внимание уделяется роли чехословацкого корпуса и морского флота в гражданской войне в СССР.

Анализируя причины военной интервенции стран Антанты в Россию, автор подчеркивает значение Брест-Литовского мирного договора, в результате заключения которого Россия вышла из первой мировой войны, Восточный фронт прекратил свое существование, а Германия получила возможность массированного наступления на Западном фронте. Именно эта ситуация предопределила, по его мнению, путь союзников, и прежде всего Великобритании, к прямому военному вмешательству во внутренние дела России. "В то время как немецкие войска успешно действовали в Прибалтике, на Украине и на Юге России, Великобритания, как отмечается в книге, была вынуждена принять решительные меры для того, чтобы предотвратить захват Германией природных богатств, прежде всего минеральных ресурсов и зерна Европейской России и Сибири, поставлявшихся союзникам главным образом через порты севера России и Владивосток, а также предотвратить переход русского флота в руки немецкого командования" (с. 1).

С другой стороны, М. Кеттл выделяет экономическую подоплеку заинтересованности правительства Великобритании в прямом вмешательстве во внутренние дела России. Еще до Октябрьской революции Англия рассматривала Россию как важнейшую сферу своих экономических интересов, контролируя на основе секретных соглашений деятельность практически всех крупнейших русских банков, а также торговлю зерном в Европейской России и Сибири. В случае падения большевиков в результате военной интервенции Великобритания, как считает автор, получила бы возможность действительного контроля над всей экономикой новой "белой" России.

Еще в январе 1918 г. правительство Великобритании приняло решение сделать все возможное, чтобы восстановить сообщение между Владивостоком и юго-восточными районами

Европейской России для оказания поддержки восставшим против большевистского режима донским казакам и добровольческой армии. С этой целью оно предполагало обязать Японию в качестве мандатария стран Антанты (т.е. государства, получившего мандат на часть территории побежденной страны) осуществлять военный контроль над Транссибирской магистралью от Владивостока до Челябинска, так как лишь Япония обладала в то время необходимыми для этого человеческими ресурсами. Однако, поскольку всем были хорошо известны территориальные притязания Японии к России (и их отсутствие, как подчеркивается в книге, у Великобритании), военная интервенция Японии не могла начаться без согласия всех союзников, прежде всего США. Таким образом, ключ к военной интервенции против страны Советов находился, как считает автор, в руках у Вашингтона. В феврале 1918 г. предложение Великобритании о японской интервенции в Сибири было отвергнуто правительством США, однако уже в начале марта президент Вильсон дал свое устное согласие на высадку японских войск. Тогда же мурманский совет с одобрения Троцкого согласился на сотрудничество с англичанами в борьбе против войск Германии и находившейся под ее влиянием Финляндии. Получив согласие как Вашингтона, так и Петрограда британский военный кабинет отдал приказ о вводе в Россию небольшого отряда английских войск. 6 марта 1918 г. в Мурманске высадилась рота морской пехоты численностью 130 человек.

15 марта состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Франции, Великобритании, Италии, участники которой пришли к выводу о том, что "в условиях массированного проникновения в Россию германских войск не существует иного средства спасения за исключением военной интервенции союзников. Поскольку Россия не может помочь себе сама, ей должны помочь ее друзья" (с. 8). Конференция наметила два возможных пункта высадки союзнических войск, включая также Японию; северные морские порты (Мурманск и Архангельск) и дальневосточное побережье Сибири. Отдавая предпочтение Сибири как более важному и доступному для действий войск Антанты направ-

лению, союзники в то же время высказывали серьезные опасения, что Япония может представлять для России такую же враждебную силу на востоке, как Германия на западе. Президент Вильсон полагал, что при условии согласия большевистского правительства японские войска должна сопровождать гражданская американская комиссия. Таким образом, в середине марта 1918 г., подчеркивает автор, сформировалась точка зрения, согласно которой начало интервенции союзников ставилось "в зависимость от согласия большевистского правительства, а ее цели ограничивались защитой северных и дальневосточных морских портов (Мурманска и Владивостока) от нападения Германии" (с. 4).

После заключения Брест-Литовского мира, который автор определяет как "полный дипломатический триумф Германии" (с. 26), политика большевистского правительства (прежде нейтрального) была резко переориентирована в пользу Германии, контролировавшей в то время все западные районы России в ущерб влиянию союзников, прежде всего Великобритании. "Маятник симпатий правительства Советской России особенно резко качнулся в сторону Германии после эвакуации посольств стран Антанты из Петрограда, что отчетливо проявилось, как подчеркивает Кеттл, в финансовой политике Советской России, серьезно ущемлявшей, по его мнению, интересы банковского капитала Великобритании. В ответ правительство Великобритании направило в середине апреля Троцкому, занимавшему пост министра иностранных дел, ультиматум, гласивший, что если в течение двух недель правительство Советской России не изменит свой политический курс, британское правительство будет вынуждено пересмотреть свое отношение к большевистскому правительству, т.е., как отмечает автор, прибегнуть к военному вмешательству на стороне противников советской власти. В послании в Вашингтон Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, таким образом аргументировал необходимость немедленной военной интервенции союзников на Дальнем Востоке: 1) переброска немецких войск из России во Францию может быть приостановлена только лишь путем создания сильной власти в России; 2) существует большой риск того, что Германия

получит доступ к запасам продовольствия в Сибири, не говоря уже о военных складах во Владивостоке, Архангельске, Петрограде, Москве; 3) Советская Россия своим существованием представляет угрозу английскому владычеству в Индии; 4) велика опасность того, что продолжительный хаос в России бросит его жертвы в объятия Гемании (с. 48). Если бы эти планы британского правительства были приняты Вашингтоном, военная интервенция союзников могла бы начаться на 6–8 недель раньше, чем это случилось в реальной действительности. Как считает Кетти, это его предположение полностью подтверждает не использовавшиеся прежде историками документы из архива Министерства иностранных дел Великобритании.

Анализируя взаимоотношения Великобритании с Советской Россией в апреле–мае 1918 г., автор подчеркивает, что британское правительство одновременно рассматривало два варианта действий: "как все более тесное сотрудничество с большевиками, так и подготовку государственного переворота, направленного на свержение большевистского правительства" (с. 52).

Не менее важное место по сравнению с японской интервенцией в Сибири занимал в военных планах союзников чехословацкий корпус, состоявший преимущественно из солдат Австро–Венгерской армии, отказавшихся воевать против своих братьев–славян или захваченных в плен во время боевых действий против русской армии. Характеризуя роль чехословацкого корпуса в расстановке политических сил в этот период, автор цитирует донесение британского эmissара в России Фитцвильямса, который оценивал чехословацкий корпус как "самую лучшую и наиболее вероятную силу для установления сильной власти в России" (с. 53), исходя из того, что чехи, которые в ближайшее время должны покинуть Россию (существовала договоренность об эвакуации чехословацкого корпуса во Францию через Владивосток), могут наиболее беспристрастно оценивать ситуацию в стране, не будучи связаны никакими предубеждениями и обещаниями по отношению к какой–либо партии. Чехи имеют в своем распоряжении две дисциплинированные и хорошо экипированные дивизии

(это больше того, на что может рассчитывать какая-либо политическая партия. И, наконец, их организационная структура лучше, а руководство умнее и трудолюбивее, чем у русских).

Оказывая чехословацкому корпусу финансовую и дипломатическую поддержку страны Антанты предполагали использовать его для защиты собственных интересов в России, а именно: для защиты персонала английского и французского посольств в Вологде, куда они эвакуировались после наступления немецких войск на Петроград, для охраны продовольственных складов на севере России и обеспечения бесперебойного снабжения союзников через Мурманск и Архангельск, а также предотвращения захвата русского военного флота Германией.

Однако в данном вопросе между Францией (осуществлявшей формальный контроль над действиями чехословацкого корпуса и в силу этого считавшей его "своим") и Великобританией существовали, как подчеркивается в книге, существенные разногласия, суть которых можно свести к следующему: Париж хотел как можно скорее эвакуировать чехословацкий корпус из России, с тем чтобы использовать его в военных действиях против Германии на Западном фронте, тогда как Лондон стремился использовать чехословацкий корпус в борьбе с немцами на территории СССР (на севере Европейской России и в Сибири). Первоначально предполагалось эвакуировать чехословацкий корпус во Францию через порты Дальнего Востока (именно поэтому части чехословацкого корпуса оказались растянуты по всей территории Европейской России и вдоль Транссибирской магистрали в Сибири). Однако в конце апреля было принято решение об эвакуации через Владивосток лишь той части чешских войск, которые располагались восточнее Омска (так называемые "французские" чехи). Части же, находившиеся западнее Омска, предполагалось перегруппировать и направить в Мурманск и Архангельск (так называемые "английские" чехи).

Троцкий, страстно желающий, как подчеркивается в книге, натравить Великобританию на Германию, первоначально поддерживал планы британского правительства использовать

чехословацкий корпус для защиты северных портов России от немецких войск и находившихся под влиянием Германии белофиннов, а также приостановить проникновение немецких войск на территорию Украины. Однако вскоре обеспокоенный тем, что он чуть было не попал в ловушку союзников, Троцкий резко изменил свою позицию, отдав приказ о разоружении и роспуске чехословацкого корпуса, тем самым спровоцировав его вооруженное выступление против большевиков. Как считает автор, на изменение позиции большевистского правительства, прежде всего точки зрения Троцкого и Чичерина, оказало влияние заявление французского посла в России Нуланса, выступившего решительным противником переговоров Великобритании с Советской Россией, и открыто предупредившего большевистское правительство, о том, что военная интервенция стран Антанты ("чисто дружественного характера") начнется в Сибири, хотя точные сроки ее неизвестны. С точки зрения Кеттла, эти действия французского посла создали у Ленина и Троцкого впечатление, что союзники вновь заняли по отношению к большевистскому правительству резко враждебную позицию или, по крайней мере, что в данном вопросе правительство Франции находится в прямой оппозиции к британскому кабинету. В результате вмешательства Франции большевистское правительство стало относиться с большим подозрением ко всем предложениям, исходившим от дипломатических представителей стран Антанты, а советско-английские переговоры, в ходе которых Великобритания рассчитывала получить официальное согласие большевиков на военную интервенцию союзников, были прерваны. Ленин, по мнению автора, хорошо осознавал, что угроза дальнейшего продвижения немецких войск вглубь России, а также возросшее дипломатическое давление стран Антанты на правительство Советской России, требуют немедленного изменения внешнеполитического курса большевистского правительства для сохранения непрочного равновесия между различными империалистическими державами, прежде всего Великобританией и Германией. В данный момент взаимоотношения Советской России со странами Антанты определялись, как подчеркивается в книге, двумя факторами: во-первых, борьбой

между Великобританией и Германией, острота противоречий между ними исключала, по мнению автора, всякую возможность их совместных действий против Советской России, а во-вторых, затяжным экономическим соперничеством между США и Японией за господство в бассейне Тихого океана, что неизбежно вело к конфликту между ними и задерживало начало японской интервенции в Россию (с. 123).

В середине мая британский кабинет также в свою очередь изменил внешнеполитический курс. "Новая политика" Великобритании строилась на ошибочном, как считает автор, предположении, что в настоящий момент Троцкий занимает гораздо более просоюзническую позицию, чем прежде, и что лишь присутствие немецких войск на территории России не дает ему возможности просить союзников об оказании военной помощи России. На заседании кабинета министров 11 мая было решено, что Великобритания может начать военную интервенцию и без соответствующей просьбы большевистского правительства, высадив незначительный контингент союзнических войск на севере России, который будет взаимодействовать с чехословацким корпусом и ускорит начало японской, с затем и американской интервенции. Члены военного кабинета разделяли опасное, с точки зрения автора, заблуждение, что само присутствие небольшого контингента союзнических войск "обеспечит" немедленную консолидацию в России мощной группировки просоюзнически настроенных политических партий и общественных сил. Было также принято решение не эвакуировать чехословацкий корпус из России, но не сообщать об этом решении Франции, продолжая с ней игру в кошки-мышки. И, наконец, военный кабинет наделил чрезвычайными полномочиями капитана Кроми, поручив ему взорвать балтийский флот в случае наступления немцев на Петроград. Эта акция могла бы иметь, как считает автор, катастрофические последствия, бросила бы всех русских, а не только большевиков в объятия немцев и таким образом полностью свела бы на нет все попытки Великобритании поддержать борьбу Советской России с Германией (с. 107).

Когда президент Вильсон окончательно отверг предложение Великобритании об использовании японских войск для

военной интервенции в Сибири, британский кабинет, обеспокоенный серьезными улучшениями во взаимоотношениях России и Германии, принял решение использовать чехословацкий корпус для начала военной интервенции в России. Однако выступление чехословацкого корпуса, которое столь долго и тщательно планировал британский кабинет, началось стихийно. 7 июня части чехословацкого корпуса в знак протеста против изменения маршрута следования частей чехословацкого корпуса и их предполагаемой отправки в Мурманск и Архангельск атаковали Омск, столицу Сибири, и Самару, где находился комитет членов Учредительного собрания. Это событие, как считает автор, полностью подтвердило интуицию и мудрость политики британского правительства. Однако Лондон не предполагал, что восстание чешского корпуса произойдет именно таким образом. "Трагедия союзников заключалась, по мнению автора, — в том, что они не знали что командование чехословацкого корпуса протестовало против отправки их войск в северные русские порты. Если бы решение чехов о сохранении единства корпуса было бы известно союзникам, они приняли бы необходимые меры, с целью изменить его" (182).

В середине лета президент Вильсон изменил свою позицию относительно форм и начала интервенции союзников на Дальнем Востоке, а в августе во Владивостоке высадился экспедиционный корпус союзников. Однако, как считает автор, американо-японские войска были посланы в Россию слишком поздно и в слишком незначительном количестве. Их высадка на Дальнем Востоке не имела решающих последствий для хода первой мировой войны, поскольку совпала с окончательным разгромом Германии на Западном фронте.

Изменилась и позиция Франции относительно чехословацкого корпуса. В начале августа Клемансо направил директиву командующему французскими и чешскими войсками в Сибири генералу М. Жанену, предписывающую ему вступить во взаимодействие с союзническими войсками, установить связь между базами интервентов Сибири и на севере, а также просоюзническими группировками на юге России. Конечною целью действий чехословацкого корпуса правительство

Франции видело в восстановлении контроля над Транссибирской магистралью и создании по всей России от Белого до Черного моря разветвленной и прочной сети центров сопротивления, способных остановить германскую экспансию на восток. Однако достижение этих целей, как подчеркивается в книге, зависело от полного согласия между союзниками и могло произойти лишь поэтапно (с. 302).

Восстание чехословацкого корпуса, высадка войск стран Антанты в Мурманске и Владивостоке существенно изменили, как отмечает автор, внутривосточную ситуацию в России, что проявилось прежде всего в активизации различных антибольшевистских сил. Анализируя обстановку в стране, британский кабинет пришел к выводу, что "установить порядок в России — геркулесов подвиг. Никакой половинчатый конституционный режим здесь существовать не может. Единственно возможный путь — временное военное правительство, которое, установив порядок в стране, может затем уступить свое место Учредительному собранию. Если военная диктатура, пришедшая к власти, будет согласна сложить с себя полномочия, что впрочем представляется весьма сомнительным, можно с уверенностью утверждать, — отметил британский премьер-министр, — что это произойдет лишь под влиянием западной демократии" (с. 342). Подчеркнув необходимость оказания военной и финансовой помощи русским военным лидерам, среди которых наиболее перспективными представлялись ему Алексеев и Деникин, он в тоже время указал, что "постоянная военная диктатура в России будет представлять серьезную угрозу всему миру" (с. 342).

Давая детальную характеристику заговора левых эсеров в Москве и в Поволжье, приводя факты многочисленных покушений на советских государственных и партийных лидеров, автор отмечает значительную роль финансовой и политической поддержки, которую оказывало британское правительство всем просоюзнически настроенным общественным силам и организациям. Подробно анализируя деятельность известного английского разведчика Рейли, Кеттл отмечает, что его задача состояла не только в организации заговора, направленного на свержение большевистского правительства, но также

в срыве всех попыток установить открытое советско-германское сотрудничество. Провал заговора в Москве и Петрограде, неудачная попытка чехословацкого корпуса установить контакт с союзническими войсками в Архангельске, негативные последствия которой удваивались из-за малочисленности войск стран Антанты и нехватки у них продовольствия, привели, как считает автор, к возникновению на севере России кризисной ситуации, начало которой он датирует концом августа – началом сентября 1918 г. Стремясь найти выход из этой ситуации и усилить свои позиции на севере, правительства Великобритании и США осуществили в Архангельске высадку дополнительного контингента войск.

Анализируя ситуацию в Сибири, Кеттл отмечает, что высадка войск Антанты и успешные действия чехословацкого корпуса внесли раскол в лагерь антибольшевистских сил, что серьезно обеспокоило союзников. "Если русские оппозиционные силы не будут едины, – отмечал министр иностранных дел Великобритании, – они неизбежно придут к поражению" (с. 345). В то же время британский кабинет стремился сохранить видимость нейтралитета, стремясь, как подчеркивается в книге, избежать тех ситуаций, когда ему придется открыто навязывать мнение одной части русских политических группировок другим или же пойти на военную оккупацию страны.

Отмечая рост противоречий среди стран Антанты осенью 1918 г., Кеттл указывает, что после серьезных поражений немцев на Западном фронте Лондон стал проводить внешнеполитический курс, полностью независимый от Вашингтона. В то же время Япония, желая использовать разногласия между Великобританией и США, пыталась увеличить число своих войск на территории Восточной Сибири. В преддверии скорого и неизбежного поражения Германии Япония придерживалась проамериканской ориентации, опасаясь установления в Сибири, которую она рассматривала как законную сферу своих интересов, сильного пробританского правительства. В условиях присутствия на Дальнем Востоке и в Сибири значительного контингента японских войск Токио предпочитал иметь дело с марионетками, которыми он мог бы легко манипули-

ровать в зависимости от хода военных действий на фронтах гражданской войны.

В октябре—ноябре 1918 г. центр событий переместился, по мнению автора, на юг России. И страны Антанты, и правительство Советской России полагали, как подчеркивается в книге, что судьбы России решаются теперь не на севере и не в Сибири, а на Украине, где продолжалось массированное проникновение немецких войск, продолжавших "защищать" Киев и Харьков, и на Черном море, где после открытия Дарданелльского пролива союзники получили возможность провести свои корабли в Черное море и высадить на юге страны большой экспедиционный корпус.

Подводя итоги, Кеттл подчеркивает, что после заключения Брест-Литовского мирного договора Великобритания шаг за шагом повторяла политику Германии по отношению к России, хотя двойственная политика Берлина, который одновременно поддерживал две соперничающие политические группировки в России, оказалась более удачной, несмотря даже на игравшее на руку британскому кабинету восстание чехословацкого корпуса. К моменту заключения перемирия с Германией авантюристическая, по определению автора, высадка незначительного контингента союзнических войск при враждебном отношении США и непредсказуемой позиции Японии, провалилась. Осенью 1918 г. главную угрозу существованию Советской республики представляли военно-морской флот Антанты, получивший доступ в Черное море, и готовящаяся высадка союзнических войск на юге России для совместных действий с добровольческой армией и донским казачеством. Подводя итоги своего исследования, автор задается вопросом: "Собирались ли союзники после заключения перемирия с Германией и еще более враждебном, чем прежде, отношении Америки к военной интервенции разыграть карту средне- или даже крупномасштабной интервенции?" (с. 375).

Т.Л. Моисеенко

ГОЛДХЕРСТ Р.
ПОЛУНОЧНАЯ ВОЙНА:
АМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ,
1918-1920

GOLDHURST R.
The midnight war: The American intervention
in Russia, 1918-1920.-N.Y. etc.:
McGraw-Hill Book. 1978.-XV, 288 p.-
Bibliogr.: p. 272-275.

Американский историк и публицист Ричард Голдхерст, сотрудник Фейэрфильдского университета, для своей книги об антисоветской интервенции США в 1918-1920 гг. использовал значительное количество ранее не опубликованных материалов, хранящихся в США в фондах Гуверского института войны, революции и мира (Стэнфорд), Национального архива США (Вашингтон) и библиотеки военной академии в Уэст-Пойнте, а также изданную в США и Англии литературу по данной проблеме. Книга имеет две вкладки фотоиллюстраций и снабжена картами районов СССР, где высаживались и действовали американские интервенционистские войска. В книге тесно переплетается освещение политических решений правительства США по вопросам антисоветской интервенции и детальное описание поведения и действий американских интервенционистских войск на Севере и Дальнем Востоке Советской России. Значительное место автором уделено также изображению мятежа чехословацкого корпуса, его связи с антисоветской интервенцией США.

В самом начале книги автор отмечает, что интервенция в Советскую Россию не была первым вмешательством американских правящих кругов во внутренние дела других государств. В апреле 1914 г. по приказу президента Вудро Вильсона американцы совершили интервенцию в Мексику, чтобы попытаться задушить там революцию, а в 1915 г. — интервенцию против Гаити. Еще раньше президент Уильям Маккинли вмешался в 1898 г. в дела Кубы, а президент Теодор Рузвельт — в дела Китая в 1900 г. Каждая из этих интервенций была связана с большим политическим, военным и моральным риском, но все они закончились для США успешно. Интервенция в Россию, говорится в книге, завершилась полным и позорным провалом. В этом, по мнению автора, состоит принципиальное отличие антисоветской интервенции США от интервенций, предпринимавшихся их правительствами ранее (с. XIV-XV).

Первые главы книги посвящены реакции военно-политического руководства США и их союзников по первой мировой войне на революцию в России, на приход там к власти большевиков. В большевиках, провозгласивших сразу мир и призвавших трудящихся всех стран к борьбе против эксплуататоров, союзники (государства Антанты и США) усмотрели угрозу для себя и поэтому для них сразу же возник вопрос об организации интервенции против большевиков. "Из всех союзников, — пишет автор, — больше всех на интервенции в Россию настаивали англичане" (с. 7). Они опасались, говорится в книге, за свою "жемчужину" Индию и были готовы защищать ее с такой же ожесточенностью, как и Британские острова. Они сознавали, что происшедшее в Москве окажет влияние на Бухару, а то, что произойдет в Бухаре, обязательно подействует на Бомбей. Стремясь свергнуть большевиков, сообщает автор, англичане уже в конце 1917 г. начали снабжать в больших количествах деньгами и оружием контрреволюционные силы на юге России, особенно на Дону, оказали помощь казакам Григория Семенова в Восточной Сибири. 6 марта 1918 г. они без согласования с другими союзными государствами высадили 160 своих морских пехотинцев в Мурманске под предлогом охраны находящихся там складов с военным имуществом (с. 7).

Англичане были готовы, утверждает автор, и дальше расширять свое вмешательство в дела России, но у них не было необходимого количества войск. Тогда возникла идея использовать для этой цели 40-тысячный чехословацкий корпус, находившийся на территории России еще до революции. Англичане внесли предложение, чтобы корпус, который в соответствии с Брестским миром между РСФСР и Германией должен был быть эвакуирован с советской территории через Дальний Восток, повернул на север в Архангельск и Мурманск. В апреле 1918 г. они послали в Мурманск свои дополнительные войска в составе военной миссии и трех рот солдат и попросили, чтобы другие союзные государства также направили свои войска на Север России. Английское предложение стало предметом детального обсуждения в Высшем военном совете Антанты. 2 мая 1918 г. он рекомендовал правительствам союзных государств направить на Север России для встречи там чехословацких войск и обучения их до шести боевых батальонов, в том числе один американский. Президент США Вильсон одобрил эту рекомендацию 1 июня 1918 г. (с. 7-8).

Автор пытается затем доказать, что участие США в англосоветской интервенции было случайным, а не закономерным актом американской администрации. В книге подчеркивается, что на президента Вильсона и его правительство оказывали "постоянное давление Англия и Франция, которые руководствовались собственными интересами". Правительство США, утверждает автор, придерживалось позиции, отличной от англо-французской: "С момента, когда союзники впервые выдвинули идею интервенции в Россию, президент Вильсон сознавал, что она представляла собой исключительно опасное предприятие. Но Англия и Франция настаивали на ее необходимости" (с. 13).

Далее в книге сообщается, что многие политические и военные деятели США советовали президенту Вильсону "не вмешиваться в дела России". Первоначально президент выступил против плана посылки через Дальний Восток американских и японских войск в Советскую Россию. Однако обстановка, пишет автор, "заставила его изменить свое

мнение". Вильсон опасался, что Япония одна без США начнет интервенцию на Советском Дальнем Востоке и закрепится там, от чего пострадают американские интересы. Французские же представители доказывали Вильсону "важность восстановления Восточного фронта" для победы над Германией. Вместе с союзниками по войне, указывается в книге, на президента Вильсона оказывали давление также отдельные американские политические деятели. В частности, бывший президент США У. Тафт поместил в газете "Филадельфия паблик леджер" статью, призывавшую к немедленным действиям в России. "К решительной расправе с большевиками" Вильсона призывали также сенатор-республиканец Джеймс Уодсуорт, экс-президент Теодор Рузвельт и другие. "Будучи хитрым политиком, - пишет автор, - Вильсон понимал, что бездействие предоставит республиканцам преимущества на предстоящих осенью выборах" (с. 14-15).

В июне 1918 г., говорится в книге, в связи с мятежом чехословацкого корпуса Вильсон согласился послать американские войска в Сибирь вместе с английскими, французскими и итальянскими и отдал приказ начальнику штаба армии США генералу П. Марчу о подготовке необходимых воинских контингентов. Однако интервенция, по словам автора, не преследовала антисоветских целей. "Вильсон хотел использовать интервенцию как рычаг для давления на союзников за столом переговоров", - пишет автор о целях американской интервенции (с. 19).

Генерал Марч был против интервенции войск США, так как она осуществлялась одновременно с посылкой на Советский Дальний Восток вооруженных сил Японии. Как военный специалист он считал, что это позволит Японии создать себе прочные позиции в Сибири, приведет к усилению ее военно-экономической мощи, и она станет для США более опасным противником. Однако президент Вильсон, указывается в книге, не посчитался с возражениями генерала Марча. Взаимоотношения с союзниками по войне против Германии имели для него более важное значение (с. 19-20).

Остановившись подробно на мятеже чехословацкого корпуса, автор затем переходит к освещению прибытия американ-

ских войск на Дальний Восток и Север Советской России и рассказу об их действиях там.

2 августа 1918 г., говорится в книге, командир подготовленной к отправке в Европу для участия в военных действиях 8-й дивизии генерал-майор У. Грейвс был срочно вызван на встречу с военным министром США Н. Бейкером, производившим инспекцию войск в штате Канзас. От имени президента США Бейкер передал Грейвсу приказ возглавить американские войска в Сибири. Военно-политическое руководство США считало его наиболее подходящей кандидатурой для такой ответственной миссии, хотя сам Грейвс предпочитал отправиться вместе со своей дивизией в Европу воевать против Германии (с. 73-74).

К 10 августа Грейвс отобрал себе из состава 8-й дивизии 5002 человека, а 15 августа они в Сан-Франциско погрузились на два транспортных корабля и направились во Владивосток, куда прибыли 1 сентября 1918 г. Еще на три недели раньше туда по указанию военного министерства США прибыли 27-й и 31-й американские пехотные полки из Манилы (Филиппины). Всего к началу сентября 1918 г. на Советском Дальнем Востоке оказалось 9014 военнослужащих США. К ним там присоединилось 70 тыс. японцев, 829 англичан, 1400 итальянцев и 107 солдат под командованием французских офицеров (с. 74).

Интервенционистские войска США на Дальнем Востоке и в Сибири, указывается в книге, действовали в строгом соответствии с секретным меморандумом президента Вильсона, который военный министр Бейкер вручил лично Грейвсу перед его отправкой из США в Россию. Сразу же возникли противоречия между Грейвсом и командующим японскими интервенционистскими войсками в России генерал-лейтенантом Отани, который как старший по званию хотел распоряжаться всеми войсками союзников в Сибири и которого в этом поддерживал Высший военный совет Антанты. Однако Грейвс отказался подчиняться генералу Отани, ссылаясь на то, что ему не поступило такого распоряжения от собственного правительства из Вашингтона (с. 76-77).

Автор отмечает, что японское правительство стремилось использовать свои войска в первую очередь для того, чтобы превратить Советское Приморье в буферное государство, зависимое полностью от Японии. Причем японцы хотели осуществить намеченные планы как можно быстрее, пока большевики не укрепили свою власть (с. 78). Японское командование, говорится в книге, сразу же стало так располагать свои войска, чтобы полностью контролировать транссибирскую железную дорогу. Кроме того, оно привлекло на свою сторону атамана Семенова с его казаками. В создавшейся обстановке японо-американского соперничества Грейвс тоже направил своих солдат в основные пункты по транссибирской железной дороге, с тем чтобы там чувствовалось американское присутствие (с. 79-81).

У Грейвса возникли противоречия, отмечает автор, с генералом Р. Гайдой, командиром чехословацкого мятежного корпуса. Гайда, опьяненный успехами мятежа своего корпуса, предложил союзному командованию создать в России новый Восточный фронт против Германии. Однако Грейвс, которому Гайда предложил вместе двигаться на запад, сразу же отклонил эту идею и сказал, что американские войска западнее Байкала не пойдут и он будет действовать только в соответствии с инструкциями, полученными им от своего правительства. Это вызвало возмущение со стороны генерала Гайды, о котором он открыто заявил представителям печати. После этого противоречия между Грейвсом и Гайдой достигли еще большей остроты (с. 82).

На протяжении всей книги автор подчеркивает нейтральное отношение американских войск, особенно их командующего, к большевикам в Сибири и на Дальнем Востоке. Когда один американский офицер арестовал большевика и об этом доложили Грейвсу, генерал приказал освободить арестованного и выпустил обращение к американским солдатам, в котором говорилось: "Соединенные Штаты не находятся в состоянии войны с большевиками или с какой-либо другой российской группой. Вы не должны арестовывать большевиков или кого-нибудь другого, пока они не нарушат порядка в общине, не нападут на союзных солдат. Армия США

находится здесь не для борьбы против России. Если человек является большевиком, это не является основанием для его ареста. Вы можете арестовать только тех, кто нападает на вас" (с. 83).

Занятая Грейвсом нейтральная позиция по отношению к большевикам, отмечается в книге, вызвала поток критики в его адрес со стороны других союзников и некоторых американских органов печати. Однако занятая позиция была непоследовательной. "Главная правда американской интервенции заключалась в том, — пишет автор, — что она не представляла собой одну политику в одном месте и в одно и то же время, а была разной в разных местах и разное время. Интервенция никогда не была непрерывной, а лишь эпизодической. Причина этого, возможно, в том, что Россия чудовищно велика" (с. 83). Автор проводит затем мысль о различии в целях интервенции на Севере Советской России и в Сибири. Он пишет, что союзники вели разные войны в России, на ее Севере и на Дальнем Востоке. Кроме того, была еще война против Германии. Все это сказывалось на политике в отношении России, говорится в книге, приводило к различию в целях интервенции США в Сибири и на Севере. Переходя к освещению американской интервенции на Севере, автор подчеркивает ведущую роль там англичан и подчиненность им американских войск, отсутствие у них самостоятельной политической линии, которая была характерна для интервенционистских войск США в Сибири.

Американская интервенция на Севере России, указывает автор, началась в ночь на 30 июля 1918 г., когда большая группа военных кораблей и транспортных судов союзников направилась в Белое море, к Архангельску. На борту транспортных судов и кораблей находилось свыше 1,5 тыс. человек союзных войск. Они включали английскую пехотную бригаду, французский 21-й колониальный батальон, бригаду канадской артиллерии, итальянскую военную миссию, роту сербской пехоты и 54 американских морских пехотинцев с крейсера "Олимпия". Возглавлял всю эту группировку английский генерал-майор Ф. Пуль. Он получил от Высшего военного совета Антанты приказ захватить плацдарм в районе

Архангельска и оттуда быстро продвигаться на юг, к центру России. Предполагалось, что таким образом он выполнит две основных задачи. Во-первых, приблизительно в 400 милях южнее Архангельска, где-то в районе Вятки, соединится с чехословацким корпусом и этим создаст угрозу Германии с востока. Во-вторых, высадка в Архангельске и успешное продвижение союзных войск на юг убедят русских в необходимости избавиться от большевиков и они начнут действовать вместе с союзными войсками (с. 85-86).

Автор подчеркивает, что эти задачи не совпадали с теми, которые были поставлены американским войскам в меморандуме президента Вильсона, переданном генералу Грейвсу.

Ни одна из задач, поставленных генералу Пуло, указывается в книге, не была выполнена. "Интервенция в Архангельск, — пишет автор, — стала классическим примером того, как и почему интервенция терпит иногда провал. Интервенция в Архангельск завершилась неудачно из-за недостатка военных сил для выполнения поставленной задачи и из-за неэффективной политики, не сумевшей привести к наращиванию военных сил" (с. 86). К причинам неудач интервентов на Севере автор относит и то обстоятельство, что "солдаты, находившиеся на борту транспортных судов, и американцы, присоединившиеся к ним несколько позже, должны были вести войну, целей которой они никогда не осознали, с помощью таких способов борьбы, которые никогда не могли считаться благородными, а причины войны были за пределами их понимания" (с. 86).

Первыми, кто вступил в бой с большевиками на Севере, указывается в книге, были американские морские пехотинцы с крейсера "Олимпия". 3 августа, сразу после высадки в Архангельске, группа моряков из 25 человек во главе с лейтенантом Хиксом стала преследовать по железной дороге выехавший с архангельской товарной станции небольшой отряд красноармейцев. Американцы стреляли по отступающим из пулемета, установленного на крыше товарного вагона. 35 миль продолжалось преследование, но затем красноармейцы, сбросив на рельсы препятствие, заставили американцев остано-

виться. В это время красноармейцы сумели выйти из вагонов и быстро окопаться. Началась перестрелка, в результате которой лейтенант Хикс был ранен в ногу. Он стал первой жертвой войны, подчеркивает автор, которую союзные экспедиционные войска начали на Севере России. Результатом перестрелки американских моряков и окопавшихся красноармейцев явилось возникновение на Севере так называемого железнодорожного фронта, на котором затем в течение почти двух лет велась вооруженная борьба между интервентами и частями Красной Армии (с. 94—95).

Автор также детально останавливается на том, как возник второй фронт на Севере. По приказу генерала Пуля английская пехотная бригада погрузилась на баржи и пароходы и направилась 7 августа вверх по р. Сев. Двина. Она быстро сумела захватить г. Березник у впадения р. Ваги в Сев. Двину, но здесь встретила упорное сопротивление советских войск (в книге они называются везде большевистскими), которое англичане не сумели преодолеть. Каждая из сторон вынуждена была устраивать оборонительные позиции. Так в дополнение к железнодорожному возник северодвинский фронт. Эти фронты не оставались неподвижными. Постепенно они перемещались на юг. Но происходило это медленно, в ходе упорных периодических боев (с. 95—96). В книге подчеркивается, что генерал Пуль испытывал недостаток сил и поэтому не смог одержать быстрой победы. Одновременно отмечаются умелые действия советских частей как на железнодорожном, так и на северодвинском фронтах по организации позиционной и особенно подвижной обороны.

Генерал Пуль вынужден был запросить у Высшего военного совета Антанты подкреплений. Просьбу было решено удовлетворить. Из числа американских экспедиционных сил в Европе по приказу генерала Дж. Першинга на Север России в качестве подкреплений были направлены 339-й пехотный полк, 310-й саперный батальон, 337-й полевой госпиталь и 337-я медицинская рота. 27 августа 1918 г. 339-й полк вместе с частями усиления и поддержки (всего 5,5 тыс. человек) погрузился в Ньюкасле (Англия) на три транспортных корабля, которые 4 сентября прибыли для раз-

грузки в Архангельск. Из трех пехотных батальонов полка 2-й временно остался в Архангельске для выполнения охран-ных функций, 3-й уже на следующий день занял позиции на железнодорожном фронте, а 1-й 7 сентября был направлен на северодвинский фронт. Так произошло расширение американского вмешательства в дела Советской России на Севере (с. 97-99).

С прибытием подкреплений интервентам, указывает автор, масштабы военных действий на Севере расширились. Генерал Пуль решил до наступления зимы овладеть важной железнодорожной станцией Плесецкая, находившейся приблизительно на полпути между Архангельском и Вологдой, а также Шенкурском на северодвинском фронте, чтобы использовать затем эти пункты для дальнейшего продвижения на юг. В сентябре говорится в книге, происходили ожесточенные бои в районе станции Обозерская, расположенной севернее Плесецкой, и нижнем течении р. Вага. Эти бои отличались большим упорством, интервенты, заявляет автор, умело действовали, но решающих успехов достигнуть не смогли из-за якобы "численного превосходства большевиков" (с. 107-108).

К середине октября 1918 г., говорится в книге, стало ясно, что на Севере России война союзниками была проиграна. У них не было таких сил, которые бы могли захватить Вологду и оттуда угрожать Москве, а также овладеть Котласом, чтобы там соединиться с чехами. Автор приводит текст телеграммы государственного секретаря США Р. Лансинга американскому послу в России Д. Фрэнсису, находившемуся до ноября 1918 г. в Архангельске, в которой высказывается мнение о нецелесообразности продолжать после октября наступление союзных войск на Севере России и предлагается ограничиться там только охраной морских портов (с. 113).

В книге подчеркивается, что посол Фрэнсис, который фактически осуществлял общее руководство американскими войсками на Севере России, в отличие от генерала Грейвса на Дальнем Востоке "ненавидел большевизм" и был сторонником самых активных действий союзных интервенционистских войск. В такой позиции Фрэнсиса автор усматривает

противоречие установкам президента Вильсона, выступавшего за осторожную, ограниченную интервенцию США в России. Недовольство позицией Фрэнсиса проявлял и полковник Дж. Стюарт, командир 339-го пехотного полка. Он обратился к начальнику штаба армии США генералу Марчу с просьбой воспрепятствовать вмешательству Фрэнсиса в дела американских войск на Севере. Марч был согласен с этим, но президент Вильсон поддержал Фрэнсиса (с. 115). Позицию Фрэнсиса автор осуждает и считает, что она вела к бесплодной трате жизней американцев.

В отличие от интервенции на Севере, которая полностью провалилась уже через 10 недель после ее начала, интервенция в Сибири, считает автор, не потерпела такого жестокого поражения. Он связывает это с тем, что она не преследовала невыполнимых военных целей. "В некоторых отношениях, — говорится в книге, — можно сказать, что она вообще не потерпела поражения, хотя с ее помощью союзники и не достигли каких-либо целей" (с. 123).

Автор обращает внимание читателей на то, что союзники, организуя интервенцию в Сибири, не имели единых целей: "Англичане и французы прибыли во Владивосток, чтобы свергнуть большевизм; японцы прибыли с целью аннексий; американцы пришли, чтобы охранять военные склады, спасти чехов и поддерживать порядок, пока русские не примут свои собственные решения. В начале интервенции американским войскам больше беспокойства причиняли их союзники, чем большевики" (с. 123).

Как и на Севере, указывает автор, в Сибири имелись разногласия между американскими дипломатами (консулы в Иркутске, Владивостоке и Пекине) и командованием интервенционистских войск США. Дипломаты выступали с открыто антисоветскими призывами, а военные придерживались нейтральной линии по отношению к большевикам. Однако в Сибири американские войска дипломатам не подчинялись, а действовали в соответствии только с указаниями своего военного руководства (с. 124).

В книге уделено значительное место рассмотрению проблемы американской интервенции в России президентом Виль-

соном на Парижской мирной конференции в январе-феврале 1919 г. Вильсон специально встретился для обсуждения этой проблемы с послом Фрэнсисом, который еще в ноябре 1918 г. прибыл из Архангельска в Лондон для лечения. Фрэнсис проинформировал президента о положении на Севере России и предложил ему направить туда значительные силы американских войск (до 500 тыс.) из числа находившихся во Франции экспедиционных сил США, чтобы "одержать решающую победу над большевиками". Вильсон, однако, ответил, что посылка войск после заключения перемирия с Германией будет непопулярной как в Америке, так и во всем мире. После некоторых колебаний президент 16 февраля 1919 г. направил из Парижа телеграмму военному министру Бейкеру, в которой предложил отозвать американские войска с Севера России (с. 183-184). Вильсон учитывал, что в сенате США в январе-феврале 1919 г. развернулась острая дискуссия по вопросу участия американских войск в интервенции в России. Многие сенаторы требовали их немедленного вывода с Севера (с. 185).

Автор отмечает, что еще до указания президента о выводе войск США с Севера России в США было подготовлено к отправке туда 720 добровольцев. Несмотря на новое указание президента их было решено послать в Россию, но они, согласно заявлению военного министра Бейкера, предназначались не для участия в военных действиях, а для обслуживания железных дорог, с тем чтобы обеспечить вывод американских войск с Севера России (с. 184-185).

Автор затем освещает дальнейшие действия американских интервенционистских войск в России, показывает, как они были выведены. Зимой и весной 1919 г. на Севере на обоих фронтах велись активные военные действия между интервентами и частями Красной Армии. Несмотря на прибытие из Англии крупных подкреплений (более 3 тыс. человек) интервентам не удалось добиться успехов. Большевики, говорится в книге, умело вели оборонительные бои. Английский генерал Айронсайд, который в октябре 1918 г. сменил генерала Пуля на посту командующего союзными войсками на Севере, стал с апреля 1919 г. постепенно снимать американские

подразделения с фронта и сосредоточивать их в Архангельске для отправки домой. 17 апреля в Архангельск на смену полковнику Стюарту прибыл бригадный генерал У. Ричардсон, чтобы организовать отправку американских войск в США. Первый транспорт с американскими солдатами отбыл из Архангельска в самом конце мая. Затем 3, 16 и 27 июня последовали еще три транспортных судна с американскими войсками. 3 августа погрузился на корабль штаб американских войск вместе с обслуживающими частями, а 23 августа отбыл и командующий генерал Ричардсон. Так завершилась американская интервенция на Севере России. 109 американских военнослужащих было убито в боях, 35 умерло от полученных ран, 100 человек погибло в результате несчастных случаев или от болезней, 305 получили ранения. В связи с этими потерями американцев автор высоко оценивает боевые возможности красноармейцев. "Если судить по тому, чего достигла Красная Армия между 1918 и 1920 г., - пишет автор, - то большевики подготовили довольно хороших солдат" (с. 210-211).

Поражение Колчака в Сибири в 1919 г., отмечается в книге, поставило перед правительством США вопрос о выводе оттуда американских войск. Американские дипломаты были разочарованы в Колчаке. Его армия распадалась, а созданное им правительство стало неуправляемым. Госдепартамент поставил вопрос о выводе войск США из Сибири перед президентом Вильсоном. Автор считает, что два события заставили Вильсона согласиться с предложением госдепартамента. Во-первых, отказ сената США ратифицировать Версальский мирный договор. Для Вильсона уже не имело большого значения поддержание гармонии с Англией и Францией в отношении России. Во-вторых, на состоявшихся в Японии выборах победили противники оккупации Советского Приморья, и у Вильсона уже не было прежнего страха, что Япония усилится за счет захвата российских территорий (с. 260). Кроме того, указывается в книге, правительство США опасалось возникновения для Америки новой войны в Сибири, так как отступление Колчака на восток неизбежно вело к тому, что американские войска в Сибири должны были

столкнуться с наступающими частями Красной Армии и вступить с ними в бой, что означало войну. К ней Америка не была готова. 16 января 1920 г. через госдепартамент было сообщено прессе, что Соединенные Штаты считают нецелесообразным "продолжение военной помощи России в ее борьбе за самоуправление" (с. 261). Это заявление вызвало разочарование среди европейских союзников США. Они упрекнули Вашингтон в односторонних действиях, но вынуждены были согласиться. Больше всех недовольства проявила Япония (с. 260-261).

В середине января 1920 г., сообщается в книге, Грейвс получил из Вашингтона директиву, предписывавшую ему "начать эвакуацию американских сил, как только последние чехи покинут Владивосток" (с. 261). В соответствии с директивой начался вывод американских войск. 1 апреля 1920 г. из Владивостока отплыл транспорт с последними боевыми частями США, а 23 апреля на корабль погрузился штаб американских экспедиционных сил в Сибири во главе с их командующим генералом Грейвсом (с. 261-264).

Через всю книгу проходит мысль о бесполезности для США их участия в антисоветской интервенции в 1918-1920 гг. Причем автор жалеет не о том, что США участвовали в антисоветской интервенции, а о том, что она окончилась провалом для американских интервентов. "Американская интервенция в России, - говорится в книге, - была первой интервенцией, в ходе которой США не могли даже претендовать, что достигли целей, которые ставили. Сотни молодых американцев погибли на чужой земле за безнадежное дело. Еще более трагичным оказалось то, что уроки, которые можно было извлечь из русской интервенции, не были извлечены. В последующие годы американские политики, публицисты и историки забыли или проигнорировали горькие факты провала. Если бы об этих фактах говорилось открыто, в будущем можно было бы избежать подобных интервенций, обреченных на провал" (с. XV).

Причину провала антисоветской интервенции США в 1918-1920 гг. автор усматривает прежде всего в том, что "союзники не могли согласовать свои национальные интере-

сы в борьбе против большевизма" (с. 270). "Япония, — говорится в книге, — хотела захватить Советское Приморье. Вильсон хотел установить в России демократию. Франция хотела получить обратно свои деньги. Англичане хотели добиться торговых уступок и безопасности своей империи. Под такими разными знаменами было, конечно, невозможно сплотить патриотические силы России" (с. 270).

Автор неоднократно подчеркивает, что причин провала интервенции против Советской России было много. К их числу он относит и то обстоятельство, что "большевики сражались, чтобы привести ее к поражению" (с. XIV). Главной же причиной провала "русской интервенции" в конечном итоге автор считает отсутствие в 1918 г. у государств Антанты опыта, "как одна великая держава или группа таких держав могли нарушить суверинитет другого крупного государства путем прямого вмешательства в его внутренние дела" (с. 270). К 1920 г., указывает автор, такой опыт был накоплен.

В заключении книги автор делает вывод, что для "великих держав" интервенция, вмешательство в дела других стран, является "жизненной необходимостью", если они хотят сохранить мир. Поэтому такие державы должны быть готовы к интервенциям. С американской точки зрения, готовность к интервенции, говорится в книге, связана с наличием волевого, сильного президента, способного принимать смелые решения. Вильсон, по мнению автора, был таким президентом, раз решился на интервенцию.

Автор пытается также дать рекомендации на будущее высшему руководству США, так и когда следует предпринимать интервенцию, чтобы она успешно завершилась. "Успешной, — пишет он, — интервенция может быть в том случае, когда президент так использует военные средства, что они приносят политические результаты еще до наступления следующих президентских выборов" (с. 271). По мнению автора, очень важно также, чтобы американские президенты не скрывали от своих избирателей цели интервенции, могли точно определить время начала и окончания интервенции.

Интервенция в Россию, отмечается в книге, имела смысл пока не было заключено перемирие с Германией. Посылка войск президентом Трумэном была целесообразной до тех пор, пока северокорейские войска не возвратились за 38-ю параллель после высадки союзных сил в Инчоне. Во Вьетнаме критический момент, когда американцам нужно было завершить свое вмешательство во внутренние дела этой страны, наступил после свержения южновьетнамскими генералами режима Нго Дин Дьема (с. 271).

Извлечение американскими политиками необходимых уроков из предпринятых ранее Соединенными Штатами интервенций, считает автор, является залогом успеха таких акций в будущем.

А.С. Якушевский

ОКАЗАВШИЕСЯ В ПЕКЛЕ:
ОЧЕРК ОБ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ
ВОЙСКАХ НА СЕВЕРЕ РОССИИ
В 1918-1919 ГОДАХ

Quartered in hell: The story of the Amer.
North Russia expeditionary force,
1918-1919/Gordon D. Chief of research:
Otopalik H.-Missoula: Doughboy hist. soc.:
G.O.S., 1982.-VIII, 320 p.-
Bibliogr.: p. 320.

Книга выпущена действующим в американском штате Монтана "Историческим обществом солдат-пехотинцев" и посвящена военнослужащим США, участвовавшим в 1918-1919 гг. в антисоветской интервенции на Севере России. В основу книги легли воспоминания участников интервенции. Сбором материалов с 1977 г. в течение трех с половиной лет занималась специальная группа во главе с Деннисом Гордоном, составителем и автором книги. Группа встретила с многими участниками интервенции и взяла у них интервью. С еще большим количеством участников группа вела переписку, получила от них письма с воспоминаниями, ответы на поставленные вопросы, а также фотографии и другие материалы, связанные с интервенцией. 12 участников интервенции выступили в качестве авторов отдельных разделов книги.

Книга состоит из 42 разделов, в хронологической последовательности освещающих подготовку интервенции, высадку

американских войск в Архангельске в начале сентября 1918 г., их боевые действия против Красной Армии на Севере России и возвращение в июне 1919 г. в США. 22 раздела написаны автором книги, а остальные — участниками интервенции, в том числе 5 разделов — бывшим командиром взвода 1-й роты 339-го пехотного полка лейтенантом Хью Макфейлом и 3 раздела — рядовым 337-го полевого госпиталя Годфри Андерсоном. В книге помещено много фотографий, изображающих участников интервенции, эпизоды боевых действий, местных жителей и взятых в плен большевиков, а также ксерокопии некоторых газет, выпускавшихся для американских солдат на Севере России, и описание "подвигов" каждого из 23 участников интервенции, награжденных "Крестом за отличие в службе", вторым по значению американским боевым орденом.

В самом начале книги обращается внимание на то, что лишь немногие американцы знают кое-что об участии США в антисоветской интервенции в период первой мировой войны и в первые годы после ее окончания: "Если кто-нибудь скажет, что американцы воевали и погибали на Севере России и в Сибири в боях против Красной Армии Ленина и Троцкого, то это заявление будет встречено с крайним сомнением" (с. V). Но этот факт, говорится в книге, имел место в истории США. В борьбе против "коммунистических бригад" в период с августа 1918 г. по январь 1920 г. погибло более 400 американцев (с. V).

Наиболее уникальной в истории США, отмечает автор, была американская "авантюра на Севере России", так как там американские солдаты оказались в таких "неимоверно суровых условиях", которые могут сравниться только со страданиями 20 тысяч американцев, плененных в 1950 г. в Корее войсками Красного Китая (с. V). Из-за сурового арктического климата, в котором пришлось действовать американским солдатам на Севере России, они получили прозвище "полярных (белых) медведей".

Касаясь причин антисоветской интервенции, автор стремится подчеркнуть ведущую роль Англии в ее организации. Она без согласования с другими союзниками по войне первой

направила свои войска на Север России, с тем чтобы установить контроль над ее природными богатствами. Но у Англии, воевавшей с Германией, не было необходимого количества сил для "задуманной экспедиции", а Соединенные Штаты такими силами располагали. "Британский план, — указывается в книге, — состоял в том, чтобы осуществлять руководство экспедицией, а Америку заставить поставлять солдат" (с. 3).

Президент США Вильсон, отмечает автор, испытывал большие сомнения относительно участия Америки в интервенции против России. Но представитель США в Высшем военном совете Антанты генерал Т. Блисс одобрил английский план посылки на Север России экспедиционных сил союзников, включая и группу американцев. После определенных колебаний президент Вильсон 1 июня 1918 г. подписал документ, санкционировавший посылку американских войск в Мурманск и официально направил американский крейсер "Олимпия" для действий в водах Северной России (с. 4-5). Это было решение об участии США в антисоветской интервенции, но оно, говорится в книге, было продиктовано желанием "открыть снова в Европе Восточный фронт союзников" (с.6).

Первым американским военным контингентом на Севере России, сообщает автор, были 8 офицеров и 100 солдат, высадившиеся в Мурманске 8 июня 1918 г. с крейсера "Олимпия". Но это была только увертюра. За ней последовали новые партии американских войск. 2 августа в Архангельске вместе с англичанами высадилось с крейсера "Олимпия" 52 американских военнослужащих, которые сразу же начали участвовать в боях против частей Красной Армии, оборонявших Архангельск. 4 сентября в Архангельск прибыло три больших транспорта с американскими войсками во главе с полковником Дж. Стюартом. Это был 339-й пехотный полк с частями усиления и обслуживания. Всего 4477 человек. 30 сентября в Архангельск прибыло еще 530 военнослужащих США. В марте 1911 г. к ним присоединилось 720 американских солдат и офицеров, предназначенных, как указывалось официально, для обслуживания Мурманской железной дороги (с. 8-9).

В ноябре 1918 г., когда закончилась первая мировая война, союзникам, указывается в книге, пришлось задуматься над тем, как оправдать продолжение интервенции в России. Выдвинутые ранее причины в новой обстановке оказались полностью несостоятельными. Восточный фронт уже не был нужен, так как Германия капитулировала. Чехи находились во Владивостоке и не было необходимости держать союзные войска на Севере для их спасения. Все военные склады уже были вывезены и не нуждались в охране. Союзные войска теперь "оставались в России только по двум причинам: британский экспансионизм и уничтожение большевизма в России" Президент Вильсон надеялся, что присутствие войск США в России "вызовет настолько сильную дружественную реакцию среди местного населения, что в Сибири и на Севере России путем спонтанных демократических акций будет установлена власть, угодная союзникам" (с. 10). Однако такие надежды, утверждает в книге, были безосновательны. "Экспедиция США в Северную Россию, — подчеркивает автор, — была обречена на провал с самого начала". Единственное, чем американские солдаты могли оправдывать свое дальнейшее пребывание на Севере России, была необходимость сражаться "за собственные жизни" (с. 10).

В разделе "Краткая история американских экспедиционных сил в Северной России" (с. 12-26), написанном командиром роты 339-го пехотного полка капитаном Дж. Муром, рассказывается о боевых действиях американских подразделений с момента их прибытия в Архангельск в сентябре 1918 г. до возвращения в США в июне 1919 г. Мур дает довольно объективную картину действий обеих сторон: как союзных сил, так и частей Красной Армии. Он отмечает, что в августе-октябре 1918 г. войска союзников пытались вести активные наступательные действия вдоль железной дороги Архангельск - Вологда и по течению р. Сев. Двина в направлении на Котлас. Однако поставленных задач — захватить Вологду и Котлас — интервентам выполнить не удалось. На всех участках им оказывалось упорное сопротивление, как пишет Мур, большевиками. На вологодском направлении интервенты были остановлены на линии станции Обозерская, а на котлас-

ском направлении им не удалось продвинуться далее Шенкурска (с. 13-17). Английский генерал Э. Айронсайд, сменивший в ноябре 1918 г. генерал-майора Ф. Пуля на посту командующего всеми экспедиционными силами союзников на Севере России, решил зимой не предпринимать наступательных действий и приказал союзным войскам перейти к обороне на занимаемых позициях. С января 1919 г. части Красной Армии, отмечает Мур, на многих участках стали переходить в наступление. Не везде союзным войскам удалось удерживать занимаемые позиции, кое-где пришлось отступить. В районе села Большие Озерки группа американских солдат была даже взята в плен красноармейцами (с. 22).

Капитан Мур постоянно подчеркивает, что американским солдатам было непривычно и трудно действовать в условиях низких температур Северной России, но они проявляли упорство в преодолении трудностей и добросовестно выполняли свой воинский долг. В этом отношении командиры не имели к ним каких-либо претензий.

Согласно приводимым Муром данным, с 3 июня 1919 г. из Архангельска началась отправка американских войск обратно в США. 30 июня в Нью-Йорк прибыл первый транспорт с американскими войсками из Северной России, а в первой половине июля возвратились и остальные. За время пребывания на Севере России экспедиционные силы США потеряли убитыми, умершими от ран и болезней 8 офицеров и 217 человек рядового и сержантского состава (с. 25). Мур также отмечает, что в период нахождения интервенционистских войск Антанты на Севере России со стороны Германии не предпринималось никаких попыток создать в северных российских портах базы немецких подводных лодок, хотя союзное командование считало такую опасность одним из важных предлогов для оправдания интервенции (с. 26).

Характеризуя командный состав экспедиционных войск США, автор отмечает, что большинство американских офицеров были хорошо подготовлены в военном отношении, вели себя тактично, проявляли заботу о подчиненных, стремились постоянно с ними общаться. Однако были среди офицеров и такие, указывается в книге, которые плохо раз-

бирались в боевой обстановке, вели себя недостойно, высокомерно относились к подчиненным. Исключительно некомпетентным и высокомерным проявил себя командир 3-го батальона 339-го пехотного полка майор Янг. Командование экспедиционных сил вынуждено было снять его с фронта и использовать в Архангельске на административно-хозяйственной работе. Один командир роты (автор не указывает его фамилии) обосновался в самом лучшем доме деревни, в которой его рота держала оборону, завел себе любовницу и занялся спекуляцией в "ущерб благосостоянию своей роты". По возвращении в США в связи с жалобами солдат этот офицер был арестован. В книге рассказывается также о случае рукоприкладства одного командира взвода, который злоупотреблял спиртным (с. 28-29).

Многие американские офицеры, отмечает автор, по примеру своих английских коллег держались отчужденно по отношению к подчиненным, пользовались многими материальными и бытовыми благами, которых не имели солдаты, такими, как дополнительные продовольственные пайки, сигареты, туалетная бумага. Один американский солдат, действовавший на фронте в районе Шенкурска, зимой 1918-1919 гг. записал в своем дневнике: "Отвратительный день, не хватает еды, нет курева, ни единого письма из дома. Курева нет с 27 сентября, его забирают наши собственные офицеры и используют для обмена на продовольствие. Довольно безнадежная ситуация у нас" (с. 29).

При характеристике рядового и сержантского состава американских экспедиционных сил автор отмечает схожесть в характере действий войск США на Севере России в 1918-1919 гг. и в Юго-Восточной Азии в 60-70-е годы. В обоих случаях войны, которые вели солдаты США, были непопулярны среди американцев, были предприняты без четко сформулированных целей и велись без твердого желания добиться победы. В результате, солдаты, принимавшие участие в этих войнах, возвратились домой с чувством горечи и неудовлетворенности. Но была и разница между этими войнами, говорится в книге. На Севере России американские солдаты проявили больше сдержанности и дисциплины. Хотя как в Рос-

сии, так и во Вьетнаме солдатам США приходилось действовать во враждебных им странах и среди населения, где трудно было определить друга и врага, однако в России во многих местах, отмечает автор, возникали отношения истинной дружбы между некоторыми русскими крестьянами и молодыми американскими военнослужащими (с. 42). Американцы за небольшим исключением относились к русскому населению доброжелательно и с уважением, а находившиеся вместе с ними англичане, подчеркивается в книге, проявляли в отношении русских высокомерие и надменность (с. 42).

Один из разделов книги посвящен действиям на русском Севере американского крейсера "Олимпия". По приказу из Вашингтона он 20 мая 1918 г. был направлен с Орклендских островов в Мурманск, куда прибыл 24 мая, а 9 июня с него высадился первый на территории Советской России американский военный десант из 108 человек. В конце июля - начале августа 1918 г. крейсер вместе с английскими военными кораблями сопровождал транспортные суда экспедиционных сил союзников в Архангельск, а затем действовал в Белом море. В начале ноября 1918 г. крейсер покинул Архангельский порт, 11 ноября прибыл в Мурманск и через два дня направился к берегам Шотландии, где высадил находившихся на его борту 47 раненых на Севере России американских военнослужащих, нуждавшихся в длительном лечении (с. 56).

Приводимые в книге материалы свидетельствуют о том, что имелись значительные противоречия между войсками разных стран, принимавших участие в интервенции на Севере России, особенно между англичанами и представителями всех других стран. Автор пишет, что среди английских военнослужащих встречалось много таких, которые с пренебрежением относились к своим коллегам по интервенции, не принимали участия в боях, а отсиживались в тылу, устраивали там вечеринки и пьянствовали. С этой целью англичане доставили в Архангельск 40 тыс. ящиков шотландского виски. Характеризуя отношение к англичанам, американский сержант из роты "К" 339-го пехотного полка Леви Бартельс писал: "Что касается британцев, я всегда считал, что если

бы была война против них, то уже завтра я пошел бы сражаться с ними. Они относились к нам, как к собакам, отсиживались где-то позади нас, а нас заставляли вести все бои. Нам были присланы полушубки и спальные мешки, но британцы забрали их у нас через 10 дней и передали своим солдатам. После этого у нас остались только шинели" (с. 67).

В книге приводятся факты исключительно пренебрежительного и жестокого отношения англичан к русским солдатам из белогвардейских частей, а также из созданного на Севере так называемого славянско-британского легиона, который состоял из русских добровольцев под командованием английских офицеров. Сформированный англичанами из призыванных в армию русских Первый архангельский полк отказался ехать на фронт. Тогда англичане открыли артиллерийский и минометный огонь по баракам, в которых располагался полк. Под огнем полк вынужден был капитулировать. После этого англичане арестовали 13 "зачинщиков" мятежа и приказали группе русских солдат расстрелять их. Когда те отказались это сделать, англичане установили позади группы пулеметы и под этой угрозой заставили русских стрелять в русских. Затем полк был направлен на фронт, но большинство его солдат в скором времени дезертировало или сдалось в плен Красной Армии. "Такое отношение англичан к белогвардейским войскам, — пишет автор, — предопределило, конечно, отсутствие с их стороны лояльности и энтузиазма" (с. 60).

Значительное место в книге уделено характеристике советских войск, противостоявших американским и другим интервентам. Автор отмечает, что они плохо снабжались, носили разную форму, в первый период войны против интервентов слабо ориентировались в боевой обстановке, из-за чего нередко несли большие потери. "По мере того как война продолжалась, — говорится в книге, — большевики быстро набирались опыта. Они превратились в бойцов, умевших хорошо маневрировать в разные времена года, использовавших знание местности и помощь местных крестьян в своих интересах. Их артиллерия превосходила нашу, а с января

1919 г. численность их войск стала возрастать из месяца в месяц, и они вскоре достигли больших успехов и заставили союзников отступить" (с. 79).

Автор подчеркивает широкое использование большевиками пропаганды для воздействия на моральное состояние войск интервентов на Севере. Американские солдаты при проведении разведки, а иногда и в расположении собственных подразделений обнаруживали большевистские листовки. Рядовой пулеметной роты 339-го пехотного полка Хершбергер писал: "Большевики вывешивали свою пропаганду на деревьях. Как они пробирались к нам, я так никогда и не узнал". Кроме листовок, указывается в книге, большевистские агитаторы в темное время суток обращались к американским солдатам с устными призывами. "Когда мы собрались вместе, чтобы покурить чаю, смешанного с соломой (табаку у нас не было), — вспоминает сержант роты "Д" 339-го пехотного полка Гордон Смит, — мы услышали четкий голос из темноты. Оратор, спрятавшийся где-то недалеко, обращался к нашему сознанию: "Американцы, — призывал он, — мы не хотим с вами воевать. Мы хотим мира с вами... Мы отстаиваем благородное и правое дело" (с. 78). Однако большевистская пропаганда, говорится в книге, не оказывала особого воздействия на американцев. Они считали необходимым воевать, выполнять отданный им приказ. В книге приводится фотокопия листовки на английском языке "Капиталистические США и социалистическая Россия", которая была выпущена действовавшей в Москве группой коммунистов, говорящих по-английски, и распространялась среди солдат США на Севере (с. 81).

Более половины всей книги отведено освещению хода боевых действий на различных участках фронта, а также в отдельных населенных пунктах, где находились американские солдаты. Эти разделы представляют наибольший интерес для изучения форм и способов вооруженной борьбы небольших воинских подразделений в условиях лесисто-болотистой местности летом и низких температур с глубоким снежным покровом и отсутствием дорог в зимнее время. Написаны они со знанием дела, на должном профессиональном уровне, на

основе конкретных и, следует полагать, в основном достаточно достоверных материалов. Конечно, чувствуется определенный субъективизм, стремление несколько приукрасить собственные достижения, воинское мастерство американских военнослужащих, преувеличить погодно-климатические и материальные трудности войск США. В воспоминаниях американцев обычно преувеличивается численность противостоявших им частей Красной Армии. Из написанного всегда создается впечатление, что американцы на всех участках действовали в меньшинстве, хотя в действительности так было не везде.

В книге большевикам приписывается ряд зверств по отношению к военнослужащим США, но приводимые в книге доказательства вызывают определенные сомнения. Например, под Шенкурском в ноябре 1918 г. в ходе боя было убито несколько американских солдат во главе с лейтенантом Ф. Каффом. Когда их трупы были обнаружены в лесу и доставлены в Шенкурск, там распространили версию, будто большевики могли взять американцев в плен, но не сделали этого, а убили их, перед этим "поижедаввшись" над ними (с. 291-292). Одновременно автор приводит примеры, когда в двух случаях американские солдаты расстреляли взятых в плен большевиков. Еще чаще, отмечается в книге, расстреливали большевиков белогвардейцы (с. 294).

15 американских солдат, сообщает автором, было взято в плен большевиками. Все они, кроме четырех, впоследствии возвратились в США. Последним в августе 1920 г. возвратился капрал роты "Б" Артур Принс. Известно также, что два плененных американца умерли от полученных в ходе боев ран. Считается также, что капрал Херберт Шродер из роты "Б" 339-го пехотного полка, числившийся американцами пропавшим без вести, участвовал в печатании большевистских пропагандистских листовок (с. 295). В книге приводятся выдержки из воспоминаний сержанта Глена Пейтцела из роты "М" 339-го полка о том, как он находился в большевистском плену с 31 марта 1919 г. до возвращения в США летом 1919 г. через Финляндию. Лейтцел сначала несколько дней находился в селе Большие Озерки, затем был

доставлен в Вологду, а оттуда в Москву. Он особо подчеркивает, что его якобы плохо кормили, хотя ему в Москве ежедневно выдавали фунт хлеба, соленую рыбу и немного мяса со щами, в то время как большинство москвичей в то время получали только четверть фунта хлеба (с. 297-299). Из воспоминаний явствует, что американцы подходили к продовольственному снабжению пленных по собственным меркам и советские нормы им казались недостаточными.

Наибольшая ценность книги заключается в ее документальности. В ней собраны и проанализированы личные впечатления и переживания людей, непосредственно участвовавших в событиях. И хотя их суждения не всегда объективны, страдают предвзятостью в отношении большевиков, они могут служить важным дополнительным источником для изучения истории иностранной интервенции на Севере Советской Республики в 1918-1919 гг.

А.С. Якушевский

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ США В АНТИСОВЕСТКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ (Обзор)

На протяжении семидесяти лет в американской буржуазной историографии прослеживаются две основные линии в трактовке роли США в антисоветской интервенции. Это, с одной стороны, неприятие Октябрьской революции, непонимание (а со стороны историков правого толка - осуждение и искажение) внешнеполитического курса социалистического государства, оправдание политики непризнания его. С другой стороны, с первых дней Октября, устойчиво сохраняются демократические традиции в освещении советско-американских отношений первоначального периода: Они были заложены в 1918-1919 гг. в трудах очевидцев социалистической революции Дж. Рида, А.Р. Вильямса, Л. Брайант, а также в работах реалистически мыслящих историков-либералов¹⁾.

¹⁾ См. Наджафов Д.Г. Истоки исторического советоведения в США: американская литература о В.И. Ленине и Советской внешней политике (1917-1920) // Америк. ежегодник, 1971. - М., 1974. - С. 129-165; Мальков В.Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917-1933) // Новая и новейшая история. - М., 1984. - № 1. - С. 125-146.

Американские исследователи апологетического направления, основываясь на заявлениях президента В. Вильсона, государственного секретаря Р. Лансинга и других официальных лиц (например, ближайшего помощника президента полковника Хауза) и ссылаясь на их мемуары¹⁾, а также на специально подобранные документы из публикаций, госдепартамента²⁾, противопоставляют подлинным фактам истории версию о при-
верженности правительства США миру, о его нежелании вме-
шиваться в русские дела. Обходятся молчанием Декрет о ми-
ре, многочисленные мирные инициативы Советского прави-
тельства, отказ США на них откликнуться. Участие США в
антисоветской интервенции 1918-1920 гг. трактуется как
вынужденная акция в войне против Германии, предпринятая
под давлением Англии и Франции³⁾.

В обобщающем виде эти тезисы были развиты в двух-
томном исследовании известного историка и политического
деятели Джорджа Кеннана⁴⁾, которое, несмотря на существен-

1) *The Intimate Papers of Colonel House*/Ed. by Ch. Seymour.-
Boston; N.Y. 1926-1928. - Т. 1-4; Русский перевод: Архив
полковника Хауза. - М., 1937-1944. - Т. 1-4.

2) *Papers relating to the foreign relations of the United States*.- Wash., 1931-1937.- 1918: Russia, vol. 1-3.- 1931-1932;
1919: Russia.- 1937.

3) Warth R. *The Allies and the Russian Revolution*.-Durham,
1954. Manning C. *Siberian Fiasco*.- N.Y., 1952; Unterberger B.
America's Siberian Expedition, 1918-1930.- Burham, 1956.

4) Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917-1920*.-Prince-
ton, 1956-1958.- Vol. I: Russia leaves the war.-1956; Vol. 2:
The Decision to intervene.-1958.

ную эволюцию во взглядах автора¹⁾, продолжает оставаться основополагающим в американской историографии²⁾. По-прежнему замалчивается наличие у США в 1918-1920 гг. планов экспансии в России, расчленения ее территории³⁾. Сохраняется в тайне географическая карта, подготовленная по заданию госдепартамента и озаглавленная "Предлагаемые границы в России", согласно которой от Советской России отторгалась территория Прибалтики, Белоруссии и Украины, Закавказья, среднеазиатских республик. Восточная граница России должна была проходить по Уралу⁴⁾.

1) Автор доктрины "сдерживания" во многом отошел от своих взглядов 50-х годов, выступая за разрядку международной напряженности. (см. Kennan G.F. *The cloud of danger: current realities of American foreign policy.*-Boston-Toronto, 1977; Kennan G.F. *The nuclear delusion: Soviet-American relations.*-N.Y., 1982).

2) Выдержки из статьи 1959 г. с сжатым изложением основных тезисов исследования Кеннана перепечатываются в учебных пособиях (см. (Kennan G. *American Troops in Russia: The true record*//Atlantic monthly.-Boston, 1959.- Vol. 203.-P. 36-42; *Major policies in American Foreign Policy: Documents and essays.*-N.Y., 1972.- Vol. 2: Since 1914.

3) См. Американский экспансионизм: Новейшее время / Отв. ред. Севостьянов Г.Н. - М., 1986. - С. 11-32.

4) Карта воспроизведена в документе госдепартамента от 31 января 1919 г., опубликованном в так называемом "Дневнике Миллера". Последний представляет собой 20-томный сборник документов, изданный частным образом в сорока экземплярах американским юридическим экспертом на Парижской мирной конференции 1919 г. Д.Х. Миллером (Miller D.H. *My diary at the conference of Paris.*-N.Y., 1924-1926.- Vol. 1-20; Vol. 4, document 246.-P. 219-220.

Важнейшее явление конце 60-х – начала 70-х годов – образование и оформление радикального направления, представители которого (в первую очередь его основоположник профессор Висконсинского, а затем Орегонского университета В.Э. Вильямс), продолжая демократические традиции в освещении истории советско-американских отношений, выступили с резкой критикой сложившихся антикоммунистических стереотипов. Вооруженная интервенция США против Советской России, подчеркивал В.Э. Вильямс, была вызвана не интересами войны с Германией и не стремлением США предотвратить экспансию Японии. Она преследовала цель уничтожения Советской власти. "...Ясно, – писал он, – что к концу 1918 г. принцип интервенции был положен президентом Вильсоном в основу американской политики в отношении России... Никогда мнения Вашингтона, Лондона и Парижа не расходились, в отношении главной цели – низвержения Советского правительства"¹⁾.

Большой резонанс получила статья Вильямса "Американская интервенция в России, 1917–1920", опубликованная в 1964 г. в журнале "нового левого" направления²⁾. Статья воспроизводится в американских учебниках как образец концепции, противостоящей версии апологетической историографии³⁾. Вильямс подчеркивал: "американские политики рас-

1) Williams W.A. American-Russian relations, 1781–1947. – N.Y., 1952. – P. 128–129, 135. В заключении книги Вильямс призывал США покончить с "холодной войной" и вступить на путь мирного соревнования с СССР: "Свобода не возвращается государствами, готовящимися к войне. Напротив, она... расцветает в атмосфере взаимных уступок и поддерживается в процессе переговоров" (Ibid., p. 283).

2) Williams W.A. American intervention in Russia, 1917–1920// Studies on the Left. – 1964. – Vol. 3–4.

3) Major policies in American foreign policy: Documents and essays. – N.Y., 1972. – Vol. 2: Since 1914. – P. 107–122.

смаатривали интервенцию как антибольшевистскую операцию". Между тем имелся другой путь — "американо-русского сотрудничества, который обеспечивал безопасность народов обеих стран". Именно "большевики предприняли настойчивые попытки наладить такое сотрудничество", но они были отвергнуты американскими лидерами¹⁾.

Большой архивный материал поднял профессор Принстонского университета А. Майер для книги, изданной в 1967 г. Автор подчеркивал: Вильсон, напуганный "бродящим по Европе призраком", хотел "свержения большевистского режима", которой "одним своим существованием и пламенным примером вдохновлял всех крайне левых радикалов". Он стремился также подавить революцию в Германии и Венгрии²⁾. К моменту окончания войны, сообщает автор со ссылкой на источники, у американских компаний накопились избытки продовольствия в количестве 18-20 млн. тонн. Ими распоряжалась возглавляемая Г. Гувером американская администрация помощи (АРА), представители которой (Кулидж, Дрезель, Герарди, Келлог) действовали во многих европейских странах. Руководимые ими американские миссии распределяли продовольствие, имея в виду поддержку сил контрреволюции³⁾.

В приводимых Майером выдержках из меморандума германского министра иностранных дел Брокдорфа-Ранцау от 21 января 1919 г. говорится об "общих интересах", связывавших союзников и побежденную Германию в борьбе против "угрозы большевизма". "Американским и английским войскам

1) Ibid.-P. 107, 114, 120-122.

2) Mayer A.J. Politics and diplomacy of peacemaking: Containment and counterrevolution at Versailles, 1918-1919.-L., 1967.- P. 9, 10, 285.

3) Ibid.: P. 279-283. См. также: Two peacemakers in Paris: The Hoover-Wilson Post-Armistice Letter, 1918-1920/Ed. with commentaries by O'Brien F.W.-L., 1978.- P. XXXV.

предстоит сотрудничать с германскими войсками для защиты границ от азиатского социализма", — отмечал министр¹⁾.

Об антибольшевизме как главном побудительном мотиве американской интервенции писал и адъюнкт — профессор Амхерстского колледжа Н.Г. Левин: "Главная цель послевоенной политики вильсоновской администрации в отношении России состояла в том, чтобы положить конец власти большевиков". Отмечались обещания США о вознаграждении прилегающих государств (Венгрии, Румынии, Чехословакии) за участие в достижении этой цели. Приводились документы о планах расчленения России (Европейской России — на три части, образование в Сибири самостоятельного государства)²⁾.

Левин приводит также множество документов, подтверждающих расчеты США на завоевание уже в тот период господствующих позиций в мире³⁾. Еще в 1916 г. Вильсон говорил: "Мы превратились из должников в кредиторов мира. От нас в значительной мере зависит, кому предоставить финансы, а кому нет. Мы находимся в форватере человечества, который будет определять политику всех стран мира"⁴⁾.

Историки-радикалы, раскрыв в конце 60-х годов подлинную роль США в 1918–1920 гг. и тем самым пересмотрев устоявшиеся стереотипы, заложили фундамент для объективного подхода к освещению советско-американских отношений.

Остро поставил вопрос о необходимости покончить с антикоммунизмом во внешней политике США историк и журналист

1) Mayer A.J. Op. cit.-P. 234.

2) Levin Jr.N.G. Woodrow Wilson and world politics: America's response to war and revolution.L.; N.Y.- 1970.- P. 185., 197, 213.

3) Эти планы были сорваны Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Большую роль сыграли и межимпериалистические противоречия.

4) The public papers of Woodrow Wilson/Ed. by Baker R.S. a. Dodd W.E.-N.Y., 1925-1927.- Vol. 1-6; Vol. 4.-P. 39.

Р. Листон. Созданное в октябре 1917 г. Советское государство, писан он, выражало чаяния народов России. Но это не помешало президенту Вильсону отправить американские войска, чтобы его свергнуть. Уподобляясь страусу, прячущему голову в песок (метафора Листона), США вплоть до 1933 г. отказывались официально признать самое крупное государство в мире, развернули против него кампанию ненависти и клеветы. Листон призывал американских лидеров к осознанию "новых реальностей начала 70-х годов", к отказу от "чрезвычайно опасного для всего мира" агрессивного курса конфронтации с СССР¹⁾.

В работах известного исследователя международных отношений Дж. Штессингера давалось психологическое объяснение причин участия США в антисоветской интервенции. "С начала русской революции в феврале 1917 г., - писал он, - американцы были отягощены целым клубком ложных восприятий происходивших событий"²⁾. Именно это "ложное восприятие", значительно усугубившееся после Октябрьской революции, и обусловило, по его мнению, враждебную политику Вашингтона к Советской России. Но "ложное восприятие", как считал Штессингер, было присуще и руководителям Советского правительства, на которых, следовательно, ложится "равная ответственность" за напряженность в отношениях двух стран в течение длительного периода.

В трактовке в 70-х годах американскими историками антисоветской интервенции прослеживались и некоторые нюансы, отражавшие определенную реакцию на критику со стороны историков-радикалов: при изложении привычной версии причин антисоветской интервенции начинают ощущаться известное замешательство; неспособность удовлетворительным

1) Liston R.A. The United States and the Soviet Union: A background book on the struggle for power.-N.Y., 1973.- P. 56, 59, 63, 63, 261.

2) Stoessinger J.G. Nations in Darkness: China, Russia and America.-N.Y., 1971.-P. 116.

образом свести концы с концами. С одной стороны, повторяются – в который раз! – слова Вильсона и Лансинга о “дружеском расположении” к русскому народу, о том, что США никогда не находились в “состоянии войны с большевиками”¹⁾. С другой стороны, ряд историков, обращаясь к архивам, приводили конкретные факты, подтверждавшие прямое участие американских войск в боях против Красной Армии.

Профессор Университета Южного Иллинойса Ю. Трани, выступивший в 1976 г. со статьей в ведущем историческом журнале, писал: “Присутствие... американских войск в России, продолжавшееся до 1919 г. на Севере и до 1920 г. в Сибири, являлось, безусловно, фактором в советско-американских отношениях после 1918 г.”²⁾. Зачем были отправлены американские войска? Отвечая на этот вопрос, Трани фактически повторяет официальную версию, изложенную государственным секретарем США Лансингом в сентябре 1918 г.³⁾: “Правительство Соединенных Штатов... не рассматривает свои стремления спасти запасы в Архангельске или помочь чехам как состояние войны с большевиками”.

Политика Вашингтона в “русском вопросе” была “пассивной”, доказывает Трани, она определялась одним понятием – “ничего неделаньем”: “Вильсон мало времени уделял серьезным размышлениям о большевиизме... Он считал, что русским надо позволить самим формировать свое будущее” и потому, выжидая, действовал “по наитию”⁴⁾.

1) Papers relating to the foreign relations of the United States.- 1918°: Russia,- Vol. 2.- P. 548.

2) Trani E.P. Woodrow Wilson and the decision to intervene in Russia: A reconsideration//J. of mod. history.-1986.- Vol. 48, N 3.- P. 440.

3) Papers relating to the foreign relations of the United States.-Wash., 1931.- 1918: Russia, vol. 2.-P. 548.

4) Trani E. Op. cit.- P. 445.

Преподаватель Райдеровского колледжа Дж. Лонг, обращаясь к истории антисоветской интервенции, освещает на основе новых архивных документов детали военных действий американских войск против частей Красной Армии. Он перечисляет наименования воинских подразделений, указывает их численность, места боев¹⁾. Бои, поясняет Лонг, велись в нарушение ясно выраженной воли президента, заявившего 20 февраля 1919 г. (в выступлении перед членами американской делегации на Парижской мирной конференции): "Мы не находимся в войне с Россией и ни при каких обстоятельствах... не примем участия в военных действиях"²⁾.

Вильсон попросту "не знал", что американские подразделения под командованием полковника Стюарта участвовали в боях на Севере России, поясняет профессор Техасского сельскохозяйственного университета Б. Антербергер. Посланные в Россию американские войска "предназначались не для интервенции", а для того, чтобы "помочь" русскому народу, поддержать его "стремление к свободе и миру". Но и профессор Антербергер приводит множество фактов, подтверждающих участие американских войск в военных действиях против Красной Армии, в частности в Сибири³⁾.

Пытаясь объяснить, каким же образом официально провозглашенное "дружеское расположение" Вашингтона к молодой советской республике обернулось - всего через несколько месяцев - войной против нее, составители изданной в 1978 г. "Энциклопедии американской внешней политики" сосредоточивают внимание на неприятии Западом мирной политики Советской России. Именно она-де вызвала враждебное отношение США и стран Антанты. "Пацифизм большевист-

1) Long J.W. American Intervention in Russia; The North Russian expedition, 1918-1919// Diplomatic History.- Wash., 1982.- Vol. 6, N 1.- P. 58.

2) Ibid.-P. 63.

3) Unterberger B. Woodrow Wilson and the Bolsheviks: the "Acid Test" of Soviet-American relations//Diplomatic History.- Wash., 1987.- Vol. XI, N 2.- P. 71-90.

ского режима расценивался (президентом Вильсоном - А.Б.) как чуждое и опасное явление¹⁾.

В 80-х годах тезис о неблагоприятном воздействии мирной политики молодой Советской республики на отношения к ней США подхвачен рядом историков. Под особым прищелом оказывается ленинский Декрет о мире. "По ряду причин, - писал упомянутый выше Дж. Лонг, - особенно в связи с немедленным выходом большевиков из первой мировой войны и срочным началом мирных переговоров с центральными державами, к концу 1917 г. у европейских союзников сложилось враждебное отношение к новому Советскому правительству... В результате державы Антанты вскоре предприняли махинации, приведшие в конечном счете к вооруженной интервенции в России²⁾.

М. Кауден в книге, изданной в 1984 г., возлагает на ленинский Декрет о мире ответственность за общий рост напряженности в международных отношениях после окончания первой мировой войны. "Ленинский Декрет о мире в ноябре 1917 г., - пишет автор, - представлял собой первый раунд в поединке, принявшем вскоре форму энергичной кампании, чтобы привлечь союзников за рубежом против врагов Советской России³⁾. Содержавшийся в Декрете о мире призыв к народам всех стран поддержать мирные инициативы Советской России расценивается Кауденом как "беззастенчивая пропагандистская уловка", "словесная бомбардировка", прикрывающие подрывную деятельность против империалистических держав⁴⁾.

1) Welch Jr. R.E. Revolution and foreign policy//Encyclopedia of American foreign policy.- N.Y., 1978.- Vol. 3.- P. 920.

2) Long J.W. Op. cit.-P. 47-48.

3) Cowden M.H. Russian Bolshevism and British Labour, 1917-1921.-N.Y., 1984.- P. 10.

4) Ibid.-P. 11, 15, 18, 29, 30, 34.

Вместе с тем – и это характерно для противоречивой аргументации американских историков – Кауден осуждает анти-советскую интервенцию как "первый открытый антикоммунистический поход", рассказывает о борьбе против него трудящихся всех стран под лозунгом "Руки прочь от Советской России!".

В начале 80-х годов в американской историографии явно наметился крен вправо. Это прослеживается, в частности, в смещении акцентов при трактовке тезиса о "равной ответственности" обеих стран за напряженность во взаимоотношениях первоначального периода. В нем начинают преобладать апологетические обертоты. Так, авторы исследования о "современном империализме" проводят параллели между внешнеполитическими целями США и созданного в 1917 г. Советского государства, называя их в том и другом случае антиимпериалистическими¹⁾.

Происходит определенный сдвиг вправо и во взглядах историков-радикалов. Эта тенденция наметилась еще в изданной в 1976 г. книге А. Майера. В ней мысль об органическом переплетении революции и контрреволюции, промелькнувшая в работах 60-х годов, образует основу исторической концепции. Само содержание современной эпохи, которое Майер определяет как "международную гражданскую войну", вынуждает обе стороны – и революционную, и контрреволюционную – вступать на путь интервенции или диверсионной войны, чтобы поддержать родственные режимы в других странах²⁾. Политика как одной, так и другой стороны становится интервенционистской. Начало такой политике, заявляет Майер, было положено в 1917 г., а впоследствии стало нормой

1) *Imperialism and After: Continuities and Discontinuities*/Ed. by Mommsen W.J., Osterhammel J.-L.; Boston, 1985.-P. 18, 19, 22, 41.

2) Mayer A.J. *Dynamics of counterrevolution in Europe, 1870-1956: An analytic framework*.-N.Y.; L., 1976.- P. 13, 14.

международной жизни¹⁾. Он приходит к заключению о "симбиотическом сплетении", о "двуликом Янусе" революции и контрреволюции²⁾.

Активизировал свою деятельность в 80-х годах Гуверовский институт войны, революции и мира при Стенфордском университете (директор - Г. Кэмпбелл), располагающий значительными архивными материалами, отражающими деятельность в Советской России контрреволюционных сил. В 1985 г. опубликовано подробное описание библиотеки Гуверовского института³⁾, а в 1986 г. - путеводитель к его архивам, составленный К. Лэденхемом, в котором дается характеристика 676 коллекций документов (из 4000, хранящихся в архивах). Из путеводителя узнаем, в частности, о неизвестных исследователям бумагах начальника американских экспедиционных войск в Сибири генерала Гревса, дневнике участника интервенции капитала У. Баррета, материалах Американской администрации помощи (АРА), кинофильме "Замороженная война: американская интервенция в России. 1918-1920" и многих других документах.

Под эгидой Гуверовского института публикуются издания, авторы которых афишируют участие в антисоветских акциях, открыто сожалеют об их провале. В 1983 г. опубликованы мемуары эсера П. Доценко, игравшего видную роль в борьбе

1) Ibid.-P. 23-25. Касаясь периода после второй мировой войны, Майер прямо приравнивает внешнюю политику социализма и империализма (Ibid.-P. 32, 139).

2) The Library of the Hoover Institute on War, Revolution and Peace/Ed. by Duignan P.-Stanford, 1985.

3) Guide to the Collections in the Hoover institution archives relating to imperial Russia, the Russian revolutions and Civil War, and the first emigration/Comp. by Leadenham C.A.-Stanford, 1986.

против Советской власти в Сибири. Цель автора – убедить читателя в демократических устремлениях партии эсеров. Однако его рассуждения путаны и противоречивы. Надеждой демократических сил Доценко считал адмирала Колчака, но он не признает, что последний пришел к власти на штыках иностранных интервентов, промышлявших лишь об установлении диктатуры¹⁾.

О характере этой диктатуры красноречиво свидетельствует приводимый автором документ, относящийся к августу 1918 г. "В качестве главнокомандующего, – писал Колчак, – я поставил себе военную цель – сокрушить Красную Армию. Реформами я не занимаюсь... Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной. Командирам я приказываю расстреливать всех захваченных коммунистов. Сейчас мы делаем ставку на штыки... Военная диктатура – единственная эффективная система власти"²⁾.

Утвердившись, "эффективная система власти" обрушилась и на сотрудничавшую с Колчаком партию эсеров. "Корабль демократии разбился"³⁾, – признает Доценко.

Попытка представить поддерживаемую интервентами белогвардейскую контрреволюцию в виде носительницы "демократической альтернативы" Великому Октябрю – характерная черта и ряда других работ западных авторов. Дж. Бредли, например, изображает генерала-монархиста Деникина как далекого от политики солдата, защищавшего общенациональные интересы России. По оценке этого автора, тот "не был ни либералом, ни реакционером... не доверял крайним ни справа, ни слева... Когда ему навязывали политические решения, он пытался взять средний курс"⁴⁾.

1) Doisenko P. The struggle for democracy in Siberia: Eyewitness account of contemporary. - Stanford (Cal.), 1983. - P. 36, 41, 52, 58, 62, 130.

2) Ibid. - P. 109.

3) Ibid. - P. 140.

4) Bradley J. Civil War in Russia, 1917-1920. - L., 1975. - P. 131.

См. также: Kenez P. The first year of the volunteer army: Civil war in South Russia. - L., 1971.

Фигуры Колчака, Деникина и других главарей белогвардейщины представляют, как считают ряд американских историков, "более чем исторический интерес". В опыте российской контрреволюции современные авторы ищут рецепты борьбы с "динамикой коммунистических движений в третьем мире"¹⁾.

Изданный в 1982 г. второй том исследования Р. Ованесяна "Республика Армения" позволяет составить более полное представление об экспансионистских планах США в 1919-1920 гг. Автор - профессор калифорнийского университета в Лос Анджелесе - подробно рассказывает об американских планах получения мандата на управление Арменией. В ходе Парижской мирной конференции рассматривалось, согласно Ованесяну, 3 варианта американского мандата: на всю территорию бывшей турецкой империи с присоединением Армении; на "Армянское государство", простирающееся от Еревана до Средиземного моря²⁾; на одну Армению. В августе 1919 г. в Армению отправилась американская военная миссия во главе с генерал-майором Харбордом. Согласно его предложениям, американский мандат должен был простираться на все Закавказье³⁾.

В конечном счете ни один из этих проектов не был принят. Американский конгресс, как известно, отказался ратифицировать Версальский мирный договор и присоединиться к Лиге Наций.

1) Hough J.F., Fainsod M. Now the Soviet Union is Governed.- L., 1979.- P. 39, 108.

Novennisian R.G. The republic of Armenia.-Berkeley etc, 1982.- Vol. 2: From Versailles to London, 1919-1920.-P. 316-321.

2) Этот вариант был предложен межсоюзной комиссией Кинга-Крейна, направленной по рекомендации Вильсона в Армению летом 1919 г. (Ibid.-P. 322-325).

3) Ibid.,-P. 348-364.

Экспансионистская политика США в отношении Советской России нашла отражение в Т. 54 фундаментального издания вильсоновских документов под редакцией профессора А. Линка, охватывающем период с 11 января по 7 февраля 1919 г. Впервые в академическом издании (правда, только в сноске) дается ссылка на составленный американскими экспертами для делегации США на Парижской конференции меморандум по территориальным вопросам от 21 января 1919 г., отражающий, в частности, планы расчленения Советской России¹⁾. Приводится также текст меморандума эксперта Р. Лорда от 16 января 1919 г., в котором тот утверждает: "Россия как экономическое целое больше не существует"²⁾.

Недвусмысленно выражает свою позицию составитель и редактор сборника, выразительно названного "Оказавшись в аду", Деннис Гордон. "Подлинная трагедия", на его взгляд, заключается в том, что вашингтонская администрация так и не извлекла уроков из последствий "вялой интервенции". Не сокрушив большевизм в колыбели, о чем впоследствии высказывал сожаление Черчилль, Запад фактически содействовал распространению "советского экспансионизма". Ринувшись стремглав в войну в Корее и Вьетнаме, США повторили "печальный прецедент" интервенции 1918-1920 гг.³⁾

Нельзя, однако, утверждать, что подобные ревнители интервенции задают сегодня тон в историографии США. Демократические традиции в освещении советско-американских отношений, берущие начало с Октября 1917 г., продолжают

1) Советским историкам этот документ известен благодаря так называемому "Дневнику Миллера". (См. Американский экспансионизм: Новейшее время / Отв. ред. Севостьянов Г.Н.-М., 1986. - С. 24-25).

2) The Papers of Woodrow Wilson/Ed. by Link A.S.-Princeton; New Jersey, 1986.- Vol. 54: Jan. 11/Feb. 7, 1919.- P. 35, 376.

3) Quartered in hell: The story of the American North Russian expeditionary force, 1918-1919.-/Ed. by Gordon D.- Missoula; Montana, 1982.

поддерживаться. "Само присутствие американских войск в России во время гражданской войны и американская поддержка небольшевиcтских групп представляли собой акт враждебности против коммунистического режима... Как представляется, были иные альтернативы: признание правительства в Москве и дипломатическое урегулирование. Так ставится вопрос в изданной в 1983 г. книге по истории внешней политики США (авторы Т.Г. Патерсон, Дж.Г. Клиффорд, К.Дж.Хейген)¹⁾.

Известный историк радикального направления Л.С. Гарднер в тщательно документированном исследовании²⁾ пытается найти ответ на вопрос: как получилось, что любимым детищем президента Вильсона стала Лига Наций, задуманная как международная организация для подавления революции? Президент США, приходит к выводу Гарднер, рассматривал "большевизм как врага, которого, подобно Германии, надо было сокрушить, а не как вызов, на который следовало ответить политическими средствами". "Большевиcтская победа в ноябре 1917 г., - подчеркивал Гарднер, - наложила непосредственный и неизгладимый отпечаток на внутреннюю политику всех стран"³⁾.

Даже авторы книги под интригующим названием "День, когда мы чуть не бомбили Москву"⁴⁾, в которой в несколько легковесном стиле повествуется о заговоре Локкарта и

1) Paterson Th.G., Clifford J.G., Hagan K.J. American foreign policy: A history/Since 1900/-Lexington (Mass.), 1983.-P.292.

2) Gardner L.C. A Covenant with power: America and world order from Wilson to Reagan.-L., 1984.- P. 25, 26.

3) Ibid.-P. 19.

4) Dobson C., Miller J. The day we almost bombed Moscow; The allied war in Russia, 1918-1920.- L.; Sydney, 1986.

шпионской деятельности Каламатьяно¹⁾, приходят к заключению: "Значительную долю нынешнего недоверия русских к иностранцам... следует отнести за счет первоначального периода - 1918 года. В то время Россия была ристалищем для агентов, занимавшихся разного рода враждебной большевикам деятельностью"²⁾.

Новое знаменательное явление - начало международного сотрудничества историков в изучении периода 1917-1920 гг. В октябре 1984 г. создана Международная комиссия по истории Октябрьской революции (президент - академик И.И. Минц). В ходе первого заседания комиссии (29-30 августа 1985 г., в рамках работы XVI Международного конгресса исторических наук в Штутгарте) профессор Индианского университета А. Рабинович, автор книги "Большевики приходят к власти"³⁾, высоко оценил начавшееся объединение усилий ученых разных стран в деле изучения Октябрьской революции. Историк из Чикаго П. Кирстейн в докладе "Атомный век и революция: Дух Октября" обратил внимание на то, что "в день Октябрьского восстания в Петрограде Ленин подписал Декрет о мире, который доныне остается авторитетнейшим документом антивоенной и антиимпериалистической борьбы"⁴⁾.

Знаменателен выход в свет в 1985 г. первого выпуска нового периодического издания "Советско-американские деба-

1) Ксенофонт Каламатьяно - американец греческого происхождения, возглавлявший шпионскую группу в Москве, приговоренный в сентябре 1918 г. к смертной казни по делу Локкарта, он впоследствии был освобожден и в 1921 г. вернулся в США.

2) Dobson C., Miller J. Op. cit., P. 108.

3) Rabinowitch A. The Bolsheviks come to power. N.Y., 1976.

4) Семенов С.С. История Великого Октября на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте // История СССР. - М., 1986. - № 3. - С. 190-200.

ты", в котором излагаются, со ссылками на источники, точки зрения на развитие отношений СССР-США как советских, так и американских специалистов. Р. Барнет (Институт Политических исследований, Вашингтон), подчеркивая, что главным императивом времени является создание атмосферы доверия между двумя странами, призывает власть имущих к тому, чтобы "историческую память, фантазии власти и миссионерское рвение подчинить требованиям выживания"1).

А.Е. Большакова

1) Soviet-American debate.-Greenhaven, 1986.- Vol. 1/
Kieft D.O., cons. ed.-P. 385.

РОТШТЕЙН Э.
КОГДА АНГЛИЯ ВТОРГЛАСЬ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ:
КОНСУЛ, КОТОРЫЙ ВЗБУНТОВАЛСЯ

ROTHSTEIN A.
When Britain invaded Soviet Russia:
The consul who rebelled.-L.;
West Nyack: Journevman press, 1979.- XII, 140 p.

Монография английского историка-марксиста Э. Ротштейна¹⁾ посвящена предистории и начальному этапу английской интервенции в Северную Россию. События, изложенные в книге, рассматриваются через призму личности английского консула в Архангельске Дугласа Янга, который был очевидцем описываемых событий, а затем, вернувшись в Великобританию, осудил интервенционистскую политику своего правительства. Толчком к написанию этой работы, как указывает автор, послужило знакомство (уже после смерти Д.Янга) с его мемуарами, которые использованы в монографии наряду с другими источниками, в том числе архивными документами министерства иностранных дел Великобритании.

1) Вскоре после выхода книги Э. Ротштейна был осуществлен ее перевод на русский язык. См.: Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... - М., 1982. Реферат, помещенный в настоящий РС, подготовлен со ссылками на страницы оригинала.

В своей книге Э. Ротштейн полемизирует с западными историками интервенции и гражданской войны в СССР, опровергая их концепции о "случайности" и "непреднамеренности" интервенции. В его работе приводятся выдержки из многочисленных архивных документов, раскрывающих некоторые закулисные стороны подготовки интервенции.

Открывается книга главами, посвященными формированию личности Д. Янга. Родившись в состоятельной семье и получив образование в привелегированных учебных заведениях, отмечает автор, он ничем не выделялся поначалу среди других британских служащих, лояльных принципам британской политической жизни. В 1915 г. в качестве "временного" консула он получил назначение в Архангельск, где его служба продолжалась до начала английской интервенции.

Описывая события в Архангельске, предшествовавшие английской интервенции в Северную Россию, автор замечает, что Октябрьская революция в Петрограде не сразу изменила ситуацию в Архангельске. Большинство в Архангельском совете составляли меньшевики и эсеры. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в декабре 1917 г. вновь показали, что хотя большевиков поддерживают рабочие кварталы города, подавляющее большинство голосов в целом по городу получили антибольшевистские партии. Вследствие этого "политическая жизнь в Архангельске продолжала еще развиваться в старой колее" (с. 16).

В конце мая 1918 г., когда в город прибыла правительственная ревизионная комиссия в сопровождении отряда латышских стрелков во главе со старым большевиком М.С.Кедоровым, "было трудно поверить, что власть принадлежит Советам уже целых 7 месяцев" (с.16). Фактически она находилась в руках буржуазии: функционировали учреждения времен монархии и Временного правительства – городское самоуправление, военно-промышленные комитеты, земские управы; выплачивались деньги священникам за преподавание закона божьего в учебных заведениях, выплачивались проценты по царским займам – и все это в нарушение советских законов.

Неудивительно, пишет автор, что английский консул в течение первых месяцев после революции не имел полного представления об исторических переменах, происшедших в России. В своем дневнике он записал, что смена власти в Архангельске не означает каких-либо существенных изменений в политическом строе.

Октябрьская революция, замечает автор, набирала здесь силу постепенно. 22 декабря 1917 г. две местные газеты были закрыты за постоянную антибольшевистскую агитацию. В январе 1918 г. съезд матросских депутатов потребовал закрытия всех буржуазных газет. Вскоре после этого отряд моряков, направленный к военно-морской пристани в Бакарице возле Архангельска арестовал 300 офицеров и выставил охрану возле складов оружия и боеприпасов.

31 января 1918 г. после нескольких дней обсуждения городской Совет избрал новый Исполнительный комитет, в котором большевики были близки к тому, чтобы получить большинство. Только после этого, в соответствии с Декретом о земле, в руки крестьянства Архангельской губернии перешло около 250 тыс. акров (80 тыс. га) земли. Это способствовало тому, что крестьянство начало постепенно отходить от эсеров.

17 февраля 1918 г. съезд крестьянских депутатов объединился с местными съездами рабочих и солдатских депутатов. На их объединенном собрании было объявлено о полной поддержке советского правительства, выбран Исполнительный комитет в составе 21 депутата от большевиков и левых эсеров, 9 — от правых эсеров и 3 — от меньшевиков. Одним из первых его актов была посылка 10 вагонов пшеницы и 100 бочек рыбы голодающему Петрограду. А после того как были прерваны мирные переговоры в Брест-Литовск, 21 февраля было принято решение послать 210 тыс. винтовок со складов в Бакарице для отражения немецкого наступления. Характеризуя позицию Янга в отношении описываемых событий, автор отмечает, что "документы из корреспонденции министерства иностранных дел не оставляют сомнений в его антибольшевистских настроениях в это время" (с. 18).

5 января 1918 г. Янг сообщает, что губернатор архангельской губернии Сомов, назначенный Керенским и все еще находящийся у власти, выразил готовность передать союзникам военные склады в обмен на продукты питания и другие предметы первой необходимости. На следующий день Янг сообщил, что по инициативе Сомова открылось совещание представителей восьми крупных губерний, которые занимали антибольшевистские позиции, — Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской, Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской. По заявлению Сомова оно было созвано, чтобы обсудить экономические проблемы, возникшие в регионе в связи с "неспособностью центрального правительства их решить". "В действительности же, — пишет автор, — на совещании стоял вопрос "об автономии", т.е. мятеже против Советского правительства (с. 19).

Для осуществления этой цели они не располагали вооруженными силами. Однако организаторы предложили выход — создать их под видом охраны складов. В своем донесении Янг оценил их стремление к сближению с Великобританией как очень важное средство противодействия германскому проникновению в регионе, являющемся важным источником поступления необходимого сырья для британской промышленности. Он получил инструкции продолжать контакты с движением и дать понять его участникам, что британское правительство сочувствует их настроениям и могло бы, в случае необходимости, оказать финансовую помощь.

Однако уже 15 января Янг сообщал, что делегаты боятся активными действиями спровоцировать гражданскую войну, и сама идея отделения от России не получила поддержки за пределами Архангельска. Хотя эти лидеры и являлись, по выражению Янга, "разумными социалистами", симпатизирующими союзникам, в силу своих "антикапиталистических" принципов они полагали, что от финансовой помощи со стороны Великобритании или концессий в настоящее время следует воздержаться, дабы не возбуждать подозрения у населения.

Вместе с тем он советовал в виде помощи послать как можно скорее корабли с продовольствием, а также предоста-

вить лидерам "антибольшевистского движения" и дальше поставлять продовольствие и промышленные товары при условии, что сырье из этого региона не будет поступать в Германию даже в том случае, если сепаратный мир с ней будет заключен советским правительством. На это предложение, как отмечает автор, Янг не получил ответа из Лондона, там уже имелся другой план.

29 января Янг информирует министерство иностранных дел об изменениях в политической обстановке в Архангельске. На помощь большевикам в Архангельск прибыли 3 тыс. красногвардейцев из Петрограда, после чего матросский комитет потребовал передать всю полноту власти народным комиссарам, как в Петрограде. По мнению Янга, следовало опасаться усиления контроля со стороны большевиков, поскольку Петроград оказывал финансовую помощь местным Советам.

10 февраля он извещал министерство иностранных дел, что по распоряжению советского правительства архангельский губернатор (он же главнокомандующий войсками) Сомов получил отставку, а город контролируется большевиками, так как они получили большинство в Исполнительном комитете.

22 февраля министерство иностранных дел Великобритании вернулось к обсуждению с Янгом предложения, выдвинутого первоначально Сомовым, о том, чтобы в обмен на продовольствие заполучить военное снаряжение, находящееся на складах в Архангельске. Оно было закуплено царским правительством в кредит с условием уплаты после войны. Британское правительство считало, что поскольку оно не оплачено до сих пор, то оно является собственностью союзников. В качестве мнимой причины такого решения была выдвинута угроза германского наступления в Северо-Западной России после срыва Брест-Литовских мирных переговоров. В действительности, указывает автор, германская армия находилась далеко и не могла появиться здесь неожиданно. При этом британские власти считали нежелательным, чтобы о переговорах с местными властями в Архангельске узнало советское правительство в Петрограде и просили Янга по возможности обеспечить их секретность.

4 марта Янг послал официальную ноту советским властям в Архангельске, извещая, что британское правительство считает военное снаряжение в Архангельске собственностью союзников и не признает законность декрета Советского правительства, аннулирувавшего иностранные долги.

Вскоре после этого британское правительство дало ему указание довести до сведения населения Архангельска прокламацию, в которой говорилось, что британское и американское правительства уже снарядили для Архангельска необходимые корабли с продовольствием, одеждой и др., и если жители Архангельска желают, чтобы союзники и впредь оказывали им помощь, то они не должны предпринимать шаги, полезные для Германии и вредные для союзников. Подразумевалось опять же решение вопроса с военными складами в Архангельске. Янгу надлежало проинформировать министерство иностранных дел о реакции жителей Архангельска.

20 марта Янг ответил, "что считает предложенную прокламацию как нежелательной, так и нецелесообразной, способной лишь насторожить население" (с. 22). Он предупреждал, что вопрос о военных складах выходит за пределы компетенции местных властей и что прокламация может спровоцировать советскую сторону на активные действия, в том числе и перемещение складов в глубь страны. Тем более, считал Янг, на такие действия способно подтолкнуть появление военного эскорта, сопровождающего груз с продовольствием от союзников. Министерство иностранных дел согласилось с Янгом и ответило, что он может отложить публикацию прокламации.

В это же время Янг предпринимал усилия для создания благоприятной атмосферы для англо-советских отношений. Он обратился к решению гуманитарных проблем, назревающих в регионе. Так, 17 апреля он запросил свое руководство об условиях, на которых могут быть оформлены визы на отъезд в Англию русским и другим иностранцам, пожелавшим покинуть Советскую Россию в качестве эмигрантов. Он предложил чтобы британские подданные, стекающиеся в Архангельск из различных частей России, были бы немедленно посажены на корабли, так как город был переполнен ими (он насчитывал 1200-1400 подданных союзных стран, желающих

уехать) (с 24–25). На это он получил ответ, что визы для русских подданных выдавать не следует, а транспорт для других еще не подготовлен.

В мае и июне по его инициативе в министерстве иностранных дел был поднят вопрос о судьбе 500 шахтеров (в основном литовцев и латышей), отправленных в Россию из Ланкастера осенью 1917 г. и сосредоточившихся в Архангельске. Существовала возможность того, что, будучи безработными, они отправятся в родные места, оккупированные в настоящий момент Германией. Янг считал это нежелательным и добивался разрешения оставить их в Архангельске.

Он вел переговоры также по поводу российских подданных еврейской национальности, которым разрешено было вернуться из Великобритании в Россию еще в 1917 г., но отправка которых задерживалась.

В связи с тем, что министерство иностранных дел Великобритании продолжало муссировать вопрос об обмене продовольственных запасов на военное снаряжение, Янг 12 апреля был вынужден повторить свое предупреждение о нежелательности вести переговоры с местными властями в обход центральных, добавив при этом, что "даже среди наших друзей имеетя твердое мнение, что настаивать с нашей стороны на возвращении всех материалов, в том числе металла и станков, необходимых для русской индустрии и особенно для железных дорог, будет несправедливо и что необходимо искать компромиссное решение" (с. 25–26),

15 апреля он снова информировал, что Исполком Архангельского совета возражает против возвращения каких-либо военных запасов на том основании, что они нужны русской промышленности и революционной армии и что опасности перехода их в руки противника, т.е. Германии, не существует. Вместе с тем он предупреждал, что "давление способно принести лишь кратковременный успех, но вместе с тем может испортить перспективы намного большего значения, связанные с общими экономическими проблемами, которые уже сейчас серьезно тормозятся из-за конфликта по поводу складов" (с. 26).

К 29 апреля ситуация стала напряженной по другим причинам. Председатель Архангельского губернского Исполнительного комитета (социал-революционер) информировал его конфиденциально, что если Москва не согласится на условия Лондона о возвращении складов, его комитет готов удовлетворить эти требования самостоятельно и даже объявить о своей "независимости" на условиях, изложенных им в январе" (с. 27). Однако Янг, пишет автор, не был уверен в возможностях, которыми располагал его информатор, и находил желательным дать населению Архангельска заверение, что правительство Великобритании не имеет намерений совершать агрессию или оккупировать русскую территорию с целью усиления позиции проанглийских движений.

В ответе министерства иностранных дел Янгу рекомендовалось повторить заявления британского командующего, сделанное 25 апреля в Мурманске по указанию Лондона, что британское правительство не имеет и никогда не имело никаких аннексионистских целей в какой-либо части России. Янг так и поступил, направив письмо Архангельскому совету, которое было опубликовано в местной прессе.

Однако в послании, на которое ссылался Янг, ничего не было сказано об оккупации. А именно она подразумевалась, указывает автор, когда Янгу сообщалось о готовности британского правительства оказать помощь "в целях поддержания порядка, если сил в распоряжении местных властей (которые Лондон рассматривал как "законно учрежденный местный орган власти в данном округе") будет недостаточно, чтобы справиться с этой задачей" (с. 27). К этому времени уже были сделаны приготовления для посылки британского военного корабля "Аттендив" в Архангельск, куда он должен был прибыть к концу мая.

Позднее Янг прокомментировал эти события в своем мемуарах. Большевики, конечно, эвакуировали военные запасы вместе с другими ценностями из Архангельска. В то время как британские власти распространяли слухи, что большевики намереваются передать их немцам, отмечал Янг, те, со своей стороны, со всей вероятностью полагали, что союз-

ники намерены использовать их (как это и случилось с их остатками) на борьбу с большевиками.

В действительности, отмечает автор, 14 мая полковнику Раймонду Робинсу, отправляющемуся из Москвы в США, был вручен "предварительный план экономических отношений с США, в котором гарантировалось, что военные материалы, доставленные в Россию из Англии и США, не будут переданы Германии.

В это время, пишет автор, советское правительство располагало фактами, что интервенция по существу началась. Стало известно об этом и Янгу. Один из этих фактов — вторжение 5 апреля 1918 г. японских сухопутных и военно-морских сил на советскую территорию во Владивостоке — акт, который, по мнению автора, мог быть совершен только с согласия и при поддержке британского и французского правительств. "Фактически правительство Великобритании одобрило интервенцию много недель назад и теперь оказывало давление на Соединенные Штаты, чтобы заручиться их согласием. Это находит подтверждение в документах министерства иностранных дел Великобритании" (с. 28).

Поддержка японскими и англо-французскими войсками белоказацкого атамана Семенова в Восточной Сибири являлась другим свидетельством интервенции. Высадка в марте 1918 г. войсковых частей и прибытие военных кораблей союзников в Мурманск, с одобрения местного небольшевистского совета, под предлогом отражения возможного наступления немцев из Финляндии, считает автор, была еще одним фактом интервенции.

Хотя Янг не был посвящен в планы британского правительства, он догадывался, что готовится интервенция союзников и в Архангельске. Так, ему стало известно, что русский офицер капитан Чаплин, снабженный британским консульством паспортом на имя капитана Томсона, прибыл из Петрограда в Архангельск для организации белогвардейского мятежа, приуроченного к началу интервенции. В то же самое время Пуль поручил Янгу подыскать квартиры для 600 офицеров и гражданских лиц, не вызывая подозрения у местных властей.

Рассматривая во второй части книги вопрос о подготовке союзников к иностранной интервенции, автор отмечает, что она началась немедленно после революции.

22 декабря на совещании в Париже, на котором присутствовали с английской стороны военный министр лорд Мильнер и заместитель министра иностранных дел Лорд Сесиль, а с французской — премьер-министр Клемансо, министр иностранных дел Пишон и маршал Фош, был принят меморандум, подготовленный английским министром иностранных дел А.Дж. Бальфуrom. В книге Э. Ротштейна приводится текст этого документа. В нем говорится о необходимости оказания помощи российской контрреволюции и разграничения сфер влияния между Великобританией и Францией. Среди других задач, стоящих перед союзниками, указывается также на необходимость предотвратить переход районов, производящих зерно (таких, как Украина) под контроль центральных держав. Была сформулирована еще одна задача союзников, которая состояла в том, чтобы защитить по возможности оставшихся армян, не только в целях поддержки флангов месопотамских войск союзников со стороны Персии и Кавказа, но главным образом потому, что армяне совместно с грузинами будут служить единственным барьером против дальнейшего распространения пантуранского движения, которое может стать мощным оружием в руках Германии.

Меморандум Бальфура, принятый через шесть недель после Октябрьской революции, заключает автор, "был в действительности генеральным планом антисоветской интервенции и контрреволюции" (с. 34). Дальнейшие события полностью это подтвердили. Все те правительства и их армии, которые в последующие годы получали финансовую и военную помощь от союзников, на деле являлись орудием антибольшевизма.

Меморандум Бальфура, указывает автор, имеет свою предисторию. В документах министерства иностранных дел, датированных 23 февраля 1918 г., в частности отмечается, что в конце ноября 1917 г. кабинет уже приступил к обсуждению того, какую поддержку Антанты может оказать антибольшевистскому движению в России. После некоторых

колебаний было принято решение об оказании им финансовой помощи.

3 декабря 1917 г., задолго до меморандума Бальфура, военный кабинет дал инструкции заместителю министра иностранных дел лорду Роберту Сесилию информировать британского посла в Петрограде сэра Дж. Бьюкенена о том, что политика правительства на данном этапе заключается в поддержке активных выступлений против большевизма и что правительство готово финансировать движения, лояльные союзникам. Особое внимание рекомендовалось обратить на казачество и контрреволюционеров Украины.

История иностранной интервенции, отмечает автор, описана во многих посвященных ей исследованиях. В своей монографии автор касается ее начальной стадии, как она отражена в документах британских архивов, главным образом министерства иностранных дел.

Вскоре после Октябрьской революции, пишет он, казачий генерал Каледин, командующий войсками в Новочеркасске, объявил о своем неподчинении Советскому правительству. После тяжелых боев его силы захватили Ростов, а затем и всю южную часть Донецкого угольного бассейна. К нему примкнули известные царские генералы, вроде Алексеева, Корнилова, Деникина, политические деятели вроде кадета Милюкова, бывшего председателя Государственной думы Родзянко, эсера Савенкова, которые помогали ему в создании Добровольческой Армии.

22 ноября 1917 г. Бальфур дал инструкции британскому посланнику в Яссах, на румынско-русской границе, направить агента к Каледину для выяснения, поддержит ли он румынскую армию, если она выступит против большевиков. С этой же целью были посланы агенты на Дон. 1 декабря английский, французский и итальянский премьер-министры на встрече в Париже договорились направить к Каледину англо-французскую военную миссию.

3 декабря британский военный кабинет принял решение оказать Каледину финансовую помощь, согласно которому 14 декабря он санкционировал Каледину первую выплату в размере 10 млн. фунтов стерлингов. В телеграмме британско-

го посла в Париж лорда Берти от 3 января 1918 г. сообщалось о предоставлении французским правительством помощи Алексееву - 100 млн. франков. 10 января английский военный атташе в Яссах получил сообщение из Киева от его доверенного лица, якобы тот договорился с киевским представителем Алексеева о ежемесячной выплате ему 10 тыс. рублей для переправки завербованных офицеров через Дон к Алексееву. "Финансовая поддержка, к которой позднее добавилась военная помощь оружием, боеприпасами и даже обмундированием, - констатирует автор, - не прекращалась до того момента, когда последние силы Врангеля были изгнаны из Крыма три года спустя. Последствием интервенции были огромные человеческие жертвы и хозяйственная разруха по всей южной России" (с. 37).

В начале января 1918 г. военный кабинет Великобритании обсуждал вопрос о возможности оккупации Восточной Сибири японцами. Было решено направить британский крейсер из Гонконга во Владивосток. Его опередил японский корабль, который прибыл 12 апреля, британский крейсер - 14 января, военный корабль США - 11 марта.

Одновременно начались многомесячные споры о том, следует ли оккупировать Дальний Восток объединенными военными силами Англии, США, Франции, Японии и Китая, как предложила 7 января 1918 г. Франция, или предоставить возможность Японии оккупировать всю Транссибирскую магистраль от имени союзников, как предложила 28 января Великобритания, или же ограничиться восточной частью железной дороги, как предложила 8 февраля Япония. Все эти вопросы, считает автор, "в действительности не касались главного, - что британское правительство само, в полном согласии с положениями меморандума Бальфура от 21 декабря 1917 г., через 10 дней после принятия этого документа выступило инициатором вторжения на русский Дальний Восток, - в то самое время, когда советская власть была установлена на всей территории Сибири" (с. 37-38).

С одобрения Англии на Дальнем Востоке 5 апреля 1918 г. были высажены крупные японские вооруженные силы и началось формирование контрреволюционных правительств

в Сибири. В конечном итоге в ноябре 1918 г. установилась военная диктатура Колчака в Омске. Вместе с тем в циркуляре британским послам в Париже, Риме, Вашингтоне, Токио говорилось, что эти действия предприняты в целях воспрепятствовать германским устремлениям. К тому времени всем было понятно, что "немцы" в официальной британской терминологии означает "большевики"; тем более, когда речь шла о Сибири, где можно было встретить лишь военнопленных-немцев.

Еще до Октябрьской революции на Дальний Восток был послан Союзом казачьих сил капитан царской армии Семенов, чтобы воспрепятствовать распространению здесь большевистского влияния среди казаков. Он начал формировать специальный манчжурский отряд в Харбине, который состоял из русских офицеров, казаков и китайских профессиональных наемников. В начале января 1918 г. он захватил в ночном рейде пограничную железнодорожную станцию Манчжурия, убил членов местного Совета, принудив солдат и офицеров охраны вступить в его отряд. Затем захватил еще несколько станций. В ноте британского поверенного в делах в Вашингтоне, поданной государственному секретарю США, указывалось, что если союзники предоставят ему помощь оружием, боеприпасами и деньгами, то он сможет захватить Читу, Иркутск, Красноярск, а затем и всю Транссибирскую магистраль, чтобы прорваться на запад для соединения с силами казаков Дутова в Оренбурге и войсками Каледина на Дону.

27 февраля британский посланник в Пекине сообщал министру иностранных дел, что консул в Харбине передал Семенову через своего "русского коллегу" сумму 2 тыс. фунтов стерлингов и планирует передать еще 10 тыс., если движение будет успешным.

7 марта британский посланник вновь сообщил о передаче Семенову двух гаубиц и 800 комплектов снарядов. Японцы снабдили его полевыми орудиями.

Хорошо известный корреспондент газеты "Таймс" в России Г.Р. Уилтон предложил в январе 1918 г. французскому министру иностранных дел Пишону послать представителей союзников в Среднюю Азию для борьбы с "немецким", т.е.

большевистским влиянием. Бальфур на запрос Пишона по этому поводу ответил, что уже предприняты первые шаги по созданию в Туркестане военной миссии. Была направлена также военная миссия в Закавказье. По мнению целого ряда историков, описавших в своих книгах интервенцию в Закавказье, "именно военная миссия положила начало вторжению крупных британских вооруженных сил в Закавказье и в Закаспийский край, которые поддержали контрреволюционеров в этих районах" (с. 42).

Интервенция, подчеркивает автор, только на первый взгляд являлась результатом "чистой случайности". На самом деле она была организована по прямой инициативе союзников, которые действовали в полном соответствии с генеральным планом от 21 декабря 1917 г.

Серьезную угрозу для Советской республики представлял мятеж в мае 1918 г. чехословацкого корпуса состоявшего из военнопленных чехов и словаков, сражавшихся в рядах австро-венгерской армии. Он насчитывал, указывает автор, от 50 до 70 тыс. человек, хорошо вооруженных и дисциплинированных. Они растянулись вдоль железнодорожных путей из Южной России до Омска в Сибири. На командных постах находились в основном русские царские офицеры. "Союзники, — пишет автор, — с самого начала весьма заинтересовались чехословацким корпусом, хотя контакты с ними наладить было сложнее, чем с белогвардейскими формированиями в пограничных районах бывшей Российской империи, и требовалось больше времени, чтобы ввести их в действие" (с. 44).

На встрече военных представителей Антанты в Яссах в конце 1917 г. представителю чехословацкого легиона в Румынии Вацлаву Черженскому был задан вопрос, в состоянии ли корпус выступить против большевиков и оккупировать Украину. Он ответил, что это возможно при условии, что он получит помощь оружием от союзников. Позднее президент Масарик подтвердил это. "На чехов было оказано давление, говорил он, и они, вместо того чтобы ехать во Францию, поступили в распоряжение союзников в России" (с. 44-45).

По свидетельству бывшего легионера Курфюрста, с согласия Масарика легионерам второго полка, расквартированного в Киеве, было разрешено идти на Дон, чтобы поступить на службу в контрреволюционные казачьи части генерала Корнилова. Чехам было разрешено сформировать свою часть под руководством военного инженера Краля и принимать в него чехов-нелегионеров, прибывающих сюда из различных частей России.

Военные власти союзников продолжали развивать идею, изложенную представителю чешского легиона в Яссах 7 декабря 1917 г. (еще до меморандума Бальфура). Французский министр иностранных дел пригласил Эдуарда Бенеша (коллега Масарика в руководстве Чехословацкого Национального совета, созданного в эмиграции) и еще одного члена Совета войти в состав Комиссии для урегулирования русского вопроса, которая была сформирована при французском министерстве иностранных дел под руководством генерала Жанена (бывшего представителем Франции при русском верховном командовании в период царского режима). "Задачей Комиссии, — пишет автор, — являлась подготовка программы действий, а также изучение возможности использования некоторых организаций иностранцев в России, например чехов, казаков и т.д." (с. 45).

16 декабря 1917 г. французское правительство признало чешский легион в России самостоятельной частью чехословацкой армии, находящейся под непосредственным руководством французского верховного командования.

В то же время возобновились требования англичан об использовании корпуса для контрреволюционных целей в России. Военное министерство предлагало три различных пути использования чехословацких частей: 1) в Омске — для укомплектования 2-ого корпуса, который формировался Чехословацким Национальным советом; 2) в Архангельске — для охраны портовых складов и возможного установления транспортных связей с Сибирью через Пермь; 3) в Забайкалье — для соединения с Семеновым. Эти предложения были вручены военным министром Чехословацкому Национальному совету.

31 марта 1918 г. Клецандра (секретарь филиала этого Совета в Москве) сообщал секретно представителю Совета в Пензе о готовящемся в ближайшее время государственном перевороте, в результате чего будет создано коалиционное правительство, имеющее просоюзническую ориентацию, из меньшевиков, эсеров и других партий, без представителей крайних партий (как левых, так правых). В этой связи важная роль отводилась присутствию вооруженных сил в Сибири, т.е. второму чехословацкому корпусу, формирующемуся в Омске. Клецандра рекомендовал ему избежать разоружения.

27 марта 1918 г. в Пензе было подписано соглашение между советскими представителями и представителями корпуса, по которому большинство контрреволюционных русских офицеров следовало уволить, а чехословацким войскам открывался беспрепятственный путь во Владивосток. Согласно соглашению, им оставлялось только такое оружие, которое необходимо для самообороны. "Но в действительности, — пишет автор, — чешские войска не сдали всего оружия, предусмотренного соглашением. Филиал чехословацкого национального совета в Пензе знал об этом и молчаливо одобрял" (с. 48).

8 апреля в Париже военные представители союзников, за исключением американских, приняли документ, представленный британским штабом, фактически предусматривающий, что чехи составят часть будущих сил союзников в Сибири.

17 апреля английский военный кабинет вновь обсуждал вопрос об использовании чехословацкого корпуса. По мнению Бальфура, следовало убедить советские власти разрешить чехам следовать в Архангельск или Мурманск в целях предотвращения вторжения в Россию вооруженных сил центральных держав. Британские власти не смогли ввести в заблуждение советское правительство: в Архангельске не было ни кораблей, ни других условий для немедленной эвакуации чехов.

После продолжительных споров о судьбе чехословацкого корпуса англичане и французы "пришли к соглашению, что чехов не следует эвакуировать ни через Дальний Восток,

ни через Северную Россию, а оставить их в стране в качестве орудия антисоветской интервенции" (с. 50).

Таким образом, заключает автор, совершенно очевидно, что антисоветская интервенция началась не с мятежа чехословацкого корпуса, а за много недель до того. Инциденты на железной дороге были лишь поводом для мятежа чехословаков, подготовленного Антантой. Вовлечение чехословацкого легиона в войну против Советского государства полностью соответствовало генеральному плану от 21 декабря 1917 г.

Автор указывает также на несомненную связь с этим планом деятельности военной разведки Антанты на территории Советской России. В книге Ротштейна приводятся факты, свидетельствующие об этом.

В третьей части монографии показывается, как осуществлялась подготовка интервенции Антанты в Архангельске. "В ходе всех этих секретных приготовлений к свержению Советской республики, включающих как деятельность внутри страны, так и за ее пределами, Архангельску, который с давних пор служил морскими воротами в Россию, особенно в торговле с Англией, отводилась немаловажная роль" (с. 60).

Однако здесь планы интервенции столкнулись с определенными трудностями. Возможность подготовить мятеж местного населения была минимальной. Практически в Архангельске могла быть осуществлена только высадка британских вооруженных сил, и поэтому обсуждение вопроса о вторжении происходило в Лондоне. В послании Лорду Ридингу (английскому послу в Вашингтоне) указывалось на большую опасность, существующую в связи с возможной победой Германии над Россией, и необходимость присутствия сил союзников в таких портах, как Мурманск, Архангельск и Владивосток.

23 мая военный кабинет дал распоряжение о посылке в Северную Россию военной миссии "учебного" характера и небольшого экспедиционного корпуса с целью защиты района Мурманска от предполагаемого наступления немцев и белофиннов. Командующим был назначен генерал-майор Пуль. Таким образом, заключает автор, высадка войск Антанты была предрешена. Она произошла несмотря на обоснованный протест Феликса Коула, (вице-консула США в Архангельске),

направленный 1 июля своему начальству. Английский консул Д. Янг был солидарен с ним.

Догадки Янга о том, что принято решение об интервенции, нашли подтверждение в реальных фактах. Как явствует из более поздних записей Янга, ему пришлось снабдить пятерых американцев, занятых изготовлением так называемых "документов Сиссона" (фальшивок, имеющих цель доказать, что большевики являются германскими агентами), поддельными удостоверениями "британских моряков".

Янг, пишет автор, не исключал возможность военного вмешательства, но считал, что можно заручиться согласием местных властей на такое же вмешательство, как и в Мурманске, и что "пассивное присутствие британских военных судов поощрит "антибольшевистские" силы. По его мнению, политика интервенции не согласовывалась со сделанными ранее заверениями об отсутствии аннексионистских целей и способна подорвать престиж Великобритании.

В своей телеграмме Янг сообщал, что председатель Архангельского губернского исполнительного комитета потребовал немедленно вывести из порта все британские военные корабли. Появление иностранных военных судов в Архангельске, согласно определению председателя губисполкома, будет рассматриваться как начало активных действий, которые могут привести к серьезным последствиям.

Обстановка в Архангельске накалялась в связи с тем, что французская военная миссия отправила в Архангельск отряд сербских и итальянских солдат, чтобы использовать их в предполагаемом антибольшевистском "восстании". Намереваясь разоружить их, советские власти вместе с тем предприняли меры, чтобы британский военный корабль "Александер" не смог воспрепятствовать этому. Между британским кораблем и берегом был создан заслон с использованием русского ледокола "Святогор" и других судов. Несмотря на угрозы французского консула, разоружение сербов и итальянцев прошло без инцидентов.

1 июля адмирал Кемп послал британский крейсер "Атентив" из Мурманска в Кемь, чтобы поддержать британские войска, движущиеся по направлению к этому городу. Вскоре

Янг получил сведения о том, что англичане в Кемском уезде захватили русские суда и расстреляли трех членов Кемского совета.

То, что имело место в Кеми, замечает автор, достаточно подробно описано историками. Командование войск союзников в Мурманске с одобрения местного Совета (в котором преобладали меньшевики и эсеры и который уже раньше отказался подчиняться Москве) направило британские, французские и сербские войска в Кандалакшу. Они разоружили прибывших из Петрограда красноармейцев. Затем они двинулись на Кемь, где разогнали местный Совет и расстреляли трех его членов, включая председателя Массорина, заместителя председателя Каменева и секретаря Ежова (в сообщении генерала Мейнарда, руководившего этой операцией, говорилось, что они были убиты вследствие вооруженного сопротивления, оказанного при аресте, однако сообщения большевистской прессы, подтверждающиеся свидетельствами очевидцев, говорят о том, что их расстреляли). Так или иначе, заключает автор, погибшие "защищали свою страну и действовали по приказу своего правительства, которое британские власти неоднократно заверяли, что не намерены вмешиваться во внутренние дела России" (с. 80).

О готовящейся интервенции Антанты в Архангельск, пишет автор, знали их дипломаты, которые с конца февраля 1918 г. жили в Вологде. 25 июля они переехали в Архангельск, откуда в ночь с 28 на 29 июля спешно отправились далее в Кандалакшу. Посол США в России Френсис позднее подтвердил, что дипломаты знали о готовящемся антибольшевистском восстании в Архангельске.

Описывая интервенцию Антанты в Архангельске, автор отмечает, что успех, которого добились интервенты первоначально, был недолгим. Через несколько дней советские войска, получив подкрепление с юга, сумели задержать наступление интервентов, которым удалось продвинуться в направлении Вологды не более чем на четверть пути.

Характеризуя месяцем позже вторжение, Феликс Коул сообщал в госдепартамент США, что толпа, приветствующая

иностранные войска, состояла лишь из буржуазии и зажиточных крестьян, а рабочий класс явно отсутствовал.

В первые дни интервенции генерал Пуль ввел военное положение и назначил французского офицера, полковника Донона, военным комендантом Архангельска. Капитан Чаплин был назначен командующим вооруженными силами верховного правительства Северного района. Среди приказов, изданных в первые недели, были приказы об отмене рабочего контроля на предприятиях (13 августа) о замене советского флага на царский (14 августа), о введении военных трибуналов и смертной казни (30 августа), о возвращении национализированного торгового флота прежним владельцам (2 сентября).

Политика, которую генерал Пуль проводил в Северной России, отмечает автор, вызвала большое беспокойство в Вашингтоне. Государственный секретарь США заявил британскому послу, что, если положение не изменится, Соединенные Штаты серьезно рассмотрят вопрос о дальнейшем нахождении своих вооруженных сил под командованием Пуля.

Последующие события подтвердили опасения Соединенных Штатов. Военный переворот, совершенный Чаплиным 5 сентября с молчаливого согласия генерала Пуля, привел к отстранению правительства Чайковского, которое интервенты сочли слишком либеральным. В новом правительстве преобладала буржуазия.

Что касается Янга, пишет автор, то он 17 августа 1918 г. покинул Архангельск. Вернувшись в Англию, он выступил с разоблачениями действий интервентов.

Т.И. Помаленькая

МАНХОЛЛЭНД Дж.К.
ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ И ИНТЕРВЕНЦИЯ
В ЮЖНУЮ РОССИЮ, 1918-1919 гг.

MUNHOLLAND J.K.
The French army and intervention in Southern
Russia, 1918-1919//Cahiers du
monde russe et soviétique.-P.,
1981.-Vol. 22, N 1.- P. 43-66.

Статья Дж.К. Манхоллэнда посвящена французской интервенции в Южную Россию. Подробно описывая зимне-весеннюю кампанию 1918-1919 гг., автор пытается выяснить причины ее поражения.

Участие бывших союзников в интервенции против Советской России в годы гражданской войны продолжает вызывать споры историков. Особенно подвергается критике, по мнению автора, решение Франции послать свои войска на Юг Украины и в Крым, а также последующая зимне-весенняя кампания 1918-1919 гг. Расходясь в оценках интервенции, как западные, так и советские историки сходятся в одном-определении ее как полной неудачи. Советские специалисты объясняют поражение военной усталостью войск, перебросенных сюда с фронтов империалистической войны, неспособностью военного руководства сделать правильной выбор в попытке опереться на какую-то часть враждующих между собой антибольшевистских сил, а также эффективностью большевистского сопротивления. Западные исследователи считают, что французская военная интервенция была слабо организова-

на, страдала от плохого снабжения, не имела четко поставленных целей и задач.

Характерно, отмечает, автор, что большая часть западных историков опирается в своих исследованиях главным образом на мемуары участников событий, сочувственно относящихся к "белому движению", а также на документы, попавшие на Запад с "белой" эмиграцией. Эти источники, отражающие разочарование в среде "белого движения", по мнению автора, достаточно тенденциозно освещают французскую кампанию на Юге России. Хотя действия французских войск в Крыму приукрасить очень трудно, считает автор, "открытие французских военных и дипломатических архивов позволяет наконец яснее понять факторы, наложившие отпечаток на французские действия в эти тревожные дни" (с. 43).

Французская интервенция на юг России, отмечает автор, первоначально планировалась в соответствии с представлениями о колониальных экспедициях. Перед ней ставилась политическая задача – борьба с большевиками и экономическая – участие в разделе России на сферы влияния. Когда же французское командование столкнулось здесь с враждебным отношением населения, хорошо организованным в военном отношении сопротивлением большевиков, брожением в собственных войсках, недостатком припасов, невозможностью добиться согласованных действий всех антибольшевистских сил, оно, а вслед за ним и правительство в Париже, "пришли к заключению, что риск интервенции превосходит возможные выгоды" (с. 44). Поэтому вместо того чтобы расширять военную интервенцию, французское правительство обратилось к оказанию не прямой помощи "белой оппозиции".

Начало официальных приготовлений Франции к прямой военной интервенции против Советской России автор относит к 7 октября 1918 г., когда Клемансо поручил генералу Анри Бертело – главе военной миссии в Румынии также командование войсками в Румынии и на Украине, его главной задачей являлось обеспечить вывод отсюда германских и австро-венгерских войск. Вместе с тем в инструк-

циях Клемансо содержалось указание на необходимость вести борьбу с большевизмом.

Согласно договору от 23 декабря 1917 г. о разделе сфер влияния между французским и английским правительством, во французскую сферу влияния были включены Донецкий бассейн, Крым и Украина. Кроме того, Клемансо обязался предоставить кредит в 100 млн. франков для поддержки антибольшевистских сил в России. "Однако в течение первого года после революции, отмечает автор, французская помощь антибольшевистской борьбе ограничилась лишь экономической поддержкой и посылкой военных советников" (с. 44).

Переход к открытой и активной интервенции, пишет автор, относится к концу 1918 г., когда после окончания 1 мировой войны союзные войска с балканского театра военных действий начали перебрасываться в Южную Россию.

Решение Клемансо назначить генерала А. Бертело главой военной экспедиции союзников, указывает автор, создавало определенные трудности в отношениях Франции с Добровольческой армией генерала Деникина. Дело в том, что Бертело имел обширные связи в Румынии, где протекала его предшествующая деятельность в качестве главы французской военной миссии. Вследствие этого "белая оппозиция" в России относилась к нему с подозрением, предполагая у него прорумынские настроения и усматривая в этом угрозу русским интересам в Бессарабии. Сам он взялся за осуществление своей задачи с энтузиазмом и собирался защищать французские интересы как в Румынии, так и в Южной России.

"Чтобы убедить белогвардейцев, что французская интервенция будет осуществлена в крупном масштабе, пишет автор, А. Бертело объявил генералу Щербачеву, представителю Деникина у союзников, что 12 дивизий союзников готовы к оккупации Южной России и оказанию помощи добровольческой армии в ее борьбе против большевиков" (с. 45). Дальнейшие события показали, что эти обещания А. Бертело были сильно преувеличены, но его оптимизм первоначально вызвал чрезмерные надежды у белогвардейцев. Штаб

генерала Деникина, в частности, разработал план отвоевания России, для чего предполагалось использовать 18 дивизий союзников и военное снаряжение для полумиллиона русских войск, которые также планировалось мобилизовать под прикрытием дивизий союзников (с. 45).

Назначение Бертелло, считает автор, создавало также до некоторой степени конфликтную ситуацию в самом руководстве союзными силами в Восточной Европе. В обход главнокомандующего союзными армиями на Востоке, генерала Ф.д' Эсперей, к которому Клемансо питал антипатию, Бертелло был подчинен непосредственно верховному главнокомандующему войсками Антанты Фошу и премьер-министру Франции Клемансо. Это разделение власти вызывало недовольство Ф.д' Эсперей, к тому же последний расходился с Бертелло в понимании задач интервенции в Южной России.

Он полагал, в частности, что экспедиция должна быть более массовой, если французское правительство намеревалось исполнить данные им обещания, по крайней мере на тысяч 10 более, чем первоначально планировалось. Имеющихся ресурсов на восточном театре военных действий было для этого явно недостаточно. Многие воинские части, предназначенные для отправки на Украину, были неуккомплектованы. Сенегальские войска из числа колониальных армий, которые также предполагалось использовать в экспедиции, были непривычны к местным климатическим условиям. Ф.д'Эсперей предупреждал об военной усталости войск и неудовлетворительном морально-политическом состоянии многих частей: многие офицеры и солдаты уже по 18-24 месяца не имели отпусков, кроме того они были подвержены влиянию большевистской пропаганды. Те самые солдаты, которые с энтузиазмом сражались против центральных держав, отмечает автор, с недовольством восприняли интервенцию на Юг России. Поэтому Ф.д' Эсперей настаивал на том, чтобы в Россию посылались только добровольцы, либо политически благонадежные войска.

Ко времени начала военной операции на Юге России А. Бертелло уже придерживался того же мнения, что д' Эсперей. Он обнаружил, в частности, что только три дивизии из

двенадцати, предназначенных к переброске, были способны немедленно начать оккупацию Украины, и даже они не могли быть использованы полностью вследствие начавшейся эпидемии гриппа. Он понимал, что интервенция обречена на провал, если не придут подкрепления из Франции. "Уже на этой ранней стадии обнаружили значительные расхождения между тем, что А. Бертелю обещал добровольческому движению, и той реальной помощью, которую могла оказать в действительности ему французская военная интервенция" (с. 46).

После высадки в Крыму в конце 1918 г. союзники сразу же оказались вовлеченными в междоусобную борьбу различных политических сил, противостоящих большевикам — между гетманом Скоропадским, ориентированным на центральные державы, вновь сформированной украинской Директорией, военными силами которой командовал С. Петлюра, и Добровольческой армией, которую возглавлял Деникин. Ко времени, когда французские войска закончили высадку десанта в Одессе, гетман Скоропадский уже потерял свою власть, однако, отмечает автор, "оставался еще острый конфликт между Директорией, которая стояла на позициях защиты автономии Украины, и Добровольческой армией, которая проявляла нетерпимость в отношении идеалов украинских националистов" (с. 46).

Французы считали, что враждующие между собой антибольшевистские силы должны объединить свои усилия. Однако добиться соглашения между ними, или хотя бы ограниченного сотрудничества французам так и не удалось. Накануне высадки в Крыму союзники встретились с представителями различных антибольшевистских сил в румынском городе Яссы и позднее в Одессе, где они безуспешно пытались сформулировать политическую программу и план действий в связи с предстоящей интервенцией союзников. Русская делегация в Яссах полагала, что цель союзной интервенции должна состоять в восстановлении русской государственности, и была враждебно настроена в отношении требований украинских националистов. Хотя эта конференция "не достигла практических результатов, один из французских представите-

лей на конференции, вице-консул в Киеве Эмиль Анно, создал впечатление, что Франция в большей степени склонна помогать Добровольческой армии генерала Деникина, чем Директории украинских националистов" (с. 46).

Высадка в Одессе французских войск, указывает автор, совпала с временным перемирием, установившимся в городе между частями Добровольческой армии, которыми командовал генерал Гришин-Алмазов, горсткой французских моряков и значительными силами С. Петлоры, контролировавшими большую часть города. Несмотря на это между отдельными отрядами Добровольческой армии и петлоровцами завязались стычки, и потребовалось вмешательство французов, чтобы навести порядок в городе. В переговорах с представителями украинской армии командующий французской экспедиции генерал Борью, добился вывода войск Петлоры из города. Он объявил, что Одесса находится под французским покровительством, и назначил военным губернатором города Гришина-Алмазова. "Это решение, — пишет автор, — усилило впечатление того, что Франция оказывает поддержку делу Добровольческой армии и сотрудничеству между союзниками и Деникиным" (с. 47).

В последующие несколько недель, в январе-феврале 1919 г., французские интервенты, к которым присоединились греческий контингент союзных войск и несколько меньшие по численности польские, румынские и чешские части, захватили Николаев, Херсон и Тирасполь, в результате чего под контролем союзников оказались территории Западной Украины вдоль северного побережья Черного моря между Днестром и Днепром.

В январе 1919 г. генерал д'Ансельм прибыл в Одессу, чтобы принять на себя командование операциями на Западной Украине. Его представители договорились с петлоровцами о мирной передаче власти в Херсоне и Николаеве французскому командованию. Позднее французское командование мотивировало свое решение вступить в контакты с Петлорой тем, что последний контролировал линии коммуникаций с Одессой, и оно, чтобы избежать бессмысленного кровопролития, вынуждено было вступить с ними в переговоры.

Это решение вызвало недовольно белогвардейцев, которые обвинили французское командование в предательстве интересов Добровольческой армии. Д'Ансельму пришлось оправдываться тем, что его вынудила к тому военная необходимость, а не политические соображения. В то же время д'Ансельм напомнил, что, согласно полученной им инструкции, он должен установить связь со всеми "патриотическими силами", противостоящими большевикам, а не только с Добровольческой армией.

Постепенно в отношениях между Добровольческой армией и французскими войсками стала заметна напряженность. Французские офицеры не считали себя связанными какими-либо обещаниями, которые Э. Анно дал белогвардейцам в их споре с украинскими националистами. Цель интервенции состояла в борьбе с большевиками и требовала объединения на этой основе всех антибольшевистских сил. Вместе с тем французское командование убедилось, что из Добровольческой армии ядра антибольшевистских сил не создашь: она была малочисленна и крайне непопулярна у местного крестьянского населения, которое ассоциировало ее с ненавистным старым режимом. Как заметил Д'Ансельм, в его задачи не входило навязывать местному населению царизм или власть белогвардейцев. "Даже д'Эсперей, пишет автор, находил политические взгляды белогвардейцев слишком реакционными для своих консервативных вкусов и считал их виновными в отчужденном отношении местного населения" (с. 48). Позднее французские офицеры объясняли неудачи интервенции союзников в Россию поддержкой реакционных сил, связанных со старым режимом.

Противоречия и взаимное недоверие среди "антибольшевистской оппозиции", включающей довольно пестрые по своим политическим взглядам группировки, — от "социалистов" до белогвардейцев, которые были представлены в муниципальных советах Одессы, Николаева и Херсона, — сводили на нет все усилия французского командования по созданию широкого антибольшевистского фронта.

Добровольческие войска в Одессе вели себя, по мнению французских офицеров, безответственно. По замечанию

д'Ансельма, белогвардейцы, состоящие в основном из офицеров, предпочитали руководить, а не воевать. Белогвардейцы в свою очередь обвиняли французских офицеров в высокомерии. Представители Деникина, в частности, протестовали против поведения полковника Фрейденберга, который, по их мнению, вел себя как на колониальной территории. "Деникин, — отмечает автор, постоянно выражал неудовлетворение французской политикой и сожалел о нежелании Франции признать Добровольческую армию законной властью на Украине" (с. 49).

Французское командование очень скоро убедилось в непопулярности союзников на Украине. Население Херсона, например, обнаружило сильную враждебность по поводу включения греческих войск в оккупационные силы. Не более популярны были французы. В целом же Херсон был настроен в пользу большевиков. Таким образом, в Южной России союзники не могли рассчитывать не на Добровольческую армию, не на поддержку или хотя бы нейтралитет местного украинского населения.

Враждебность местного населения усиливала деморализацию войск союзников. Французское командование не без основания опасалось распространения влияния большевиков в войсках союзников. Вскоре после появления войск союзников на Украине большевики послали своих пропагандистов, среди которых был также капитан Садул. Они призвали французских солдат прекратить борьбу с большевиками и повернуть оружие против общего классового врага. Садул, который в качестве офицера французской армии находился при французской военной миссии в России, после революции примкнул к большевикам. Pamфлеты, написанные им и другими французскими коммунистами, имели сильное воздействие на французских солдат и моряков.

Пропаганда большевиков и военная усталость войск сыграли определенную роль в формировании негативного отношения во французских войсках к интервенции в России. Когда Бертело прибыл для инспектирования Одессы в феврале 1919 г., не только рядовые солдаты, но и офицеры демонстрировали свое нежелание участвовать в интервенции.

Скептицизм французского командования в отношении успеха интервенции усиливался также вследствие отсутствия подкреплений. "Через 6 недель после начала высадки в Одессе, А. Бертело заявил, что он располагает менее чем 3 тыс. человек для оккупации всей Украины" (с. 50). Многие из формирований были укомплектованы лишь на 2/3, вследствие чего реальное количество войск было еще меньше, чем значилось на бумаге. Поэтому, замечает автор, союзники не смогли предотвратить занятие советскими войсками Киева.

К этому времени Бертело был убежден, что экспедиция провалится, если не будут привлечены надежные войска. В связи с этим он рекомендовал ввести специальные денежные премии для солдат, желающих служить в России. "Кроме того, — пишет автор, — Бертело сейчас настаивая на привлечении 20 дивизий для службы в России, включая 8 румынских, 3 греческих и 9 очень надежных французских дивизий" (с. 51). Если же французское правительство не готово к крупномасштабной интервенции, единственной альтернативой ей, по его мнению должно стать создание "санитарного кордона" от Черного моря до Балтийского. Было маловероятно, продолжает автор, чтобы французское военное командование на юге России получило подкрепление. В декабре правительство Клемансо было подвергнуто критике в палате общин со стороны французских социалистов за политику интервенции, и министр иностранных дел Пишон обещал, что интервенция будет ограниченной. Учитывая все это, следовало ожидать что интервенция не будет расширяться.

Военные события на Юге России развивались следующим образом. "Пробольшевистски настроенная армия" атамана Григорьева начала наступление в направлении Херсона и Николаева, в результате чего в конце февраля—начале марта она была уже у стен этих городов. Французские силы здесь были ограничены. "Гарнизон Херсона состоял не более чем из 150 французов и 700 греков, к которым присоединились несколько сот "добровольцев" сомнительной репутации" (с. 51). Армия же Григорьева, по подсче-

там французов, имела от 10 до 12 тыс. человек. В Николаеве находился немецкий гарнизон, насчитывающий 12 тыс., но он, пишет автор, был ненадежным подкреплением для дела союзников. Французские офицеры подозревали немцев в симпатиях к местным большевикам и указывали на случаи братания между немецкими солдатами и большевиками в Николаеве.

1-2 марта Григорьев в переговорах с начальником греческого отряда, охранявшего железнодорожную станцию в Херсоне, потребовал ввиду очевидной малочисленности союзников сдать ему Херсон. В противном случае он угрожал их полным уничтожением. Когда же греческий офицер отклонил это предложение, Григорьев дал приказ о наступлении. Тем не менее его атака была отбита греческим отрядом, поддержанным артиллерией с французских кораблей, стоящих в порту. Прибытие еще двух греческих рот позволило союзникам начать 6 марта контратаку. Вечером французские и греческие войска отразили попытку большевиков проникнуть в город с востока. Однако на следующий день Григорьев вновь предпринял атаку, в результате которой он сломил оборону союзников на западе и севере. Связь Херсона с Николаевом была прервана.

8 марта две французские роты, присланные в качестве подкрепления, отказались воевать. 9 марта Григорьев захватил железнодорожную станцию, в результате чего бронепоезд союзников оказался в его руках. Большевики, пишет автор, также добились успеха в портовом доке, отрезав отступление союзников.

После этого позиция союзников в Херсоне стала безнадёжной. Полковник Клавирс, личный представитель д'Ансельма, информировал руководство в Одессе, что для спасения оставшихся в крепости солдат, необходимо срочно начать их эвакуацию из города. 9 марта вечером французские военные корабли в гавани начали интенсивный обстрел города. Под их прикрытием батальон греческих войск высадился на берег, чтобы оказать помощь оставшимся в крепости союзникам. Вечером того же дня они погрузились на корабли и на следующий день покинули порт, оставив его Григорьеву.

Поражение в Херсоне, указывает автор, произвело неизгладимое впечатление на французское командование, в особенности то обстоятельство, что в городе вспыхнуло восстание против интервентов.

Григорьев же после победы в Херсоне не теряя времени, повернул свои войска к Николаеву. Еще 7 марта он предпринял попытку взять город, которая окончилась неудачей. После падения Херсона в его распоряжение поступили дополнительные силы, занятые раньше под Херсоном, вследствие чего диспропорция между силами союзников и Григорьева здесь была еще большей, чем под Херсоном.

Силы союзников составляли 50 человек греческих и 2 роты французских солдат, не считая 12 тыс. немецких солдат, которые, как справедливо полагали французы, откажутся воевать. Местные население было настроено также враждебно, как и жители Херсона. Французское командование не без основания ожидало, что с наступлением Григорьева в городе вспыхнет восстание.

"Со стратегической точки зрения, — отмечает автор, — потеря Херсона означала, что южные и восточные подступы к Николаеву были открыты и не имели обороны. Поэтому Д'Ансельм телеграфировал полковнику Леже приготовиться к немедленной эвакуации из города" (с. 53). Контр-адмирал Экзельман и командующий местными французскими морскими силами полковник Леже начали переговоры с советскими представителями о перемирии, которое позволило бы эвакуировать немецкие и союзные войска. Эвакуация союзников (в большинстве своем это были греческие солдаты) завершилась 14 марта, 16 марта на французских кораблях были вывезены немецкие войска. "Эвакуация, — подчеркивает автор, — прошла мирно, без каких-либо крупных конфликтов с отрядами Григорьева" (с. 53).

Хотя союзники договорились с немецким командованием о выводе всего военного снаряжения и продовольствия из Николаева, отмечает автор, большая часть военных припасов попала в руки атамана Григорьева, что вызвало недовольство военного командования в Париже. Экзельман и д'Ансельм оправдывались тем, что не имели достаточно

времени для вывоза или уничтожения военных складов в Николаеве. Поспешное отступление из города объяснялось опасностью восстания в городе.

“Поражение под Херсоном и эвакуация из Николаева, — считает автор, — нанесли решительный удар по французской интервенции. Союзники поспешно отступали в направлении Одессы, где они надеялись восстановить линию обороны” (с. 53). Григорьев, пополнив свою армию, почти одновременно с отступающими войсками союзников подошел к Одессе.

Потеря Херсона и Николаева сократила линию оккупации союзников, что означало также уменьшение тылов, из которых они могли подвозить провизию для Одессы. “Стратегически, — пишет автор, — Одесса сейчас была открыта и для наступления атамана Григорьева извне, и восстания в самом городе” (с. 53). Ссылаясь на то, что отступление из Херсона и Николаева было вызвано численным превосходством противника более чем в 10 раз, генерал Бертело повторил свою просьбу о подкреплении.

Что же касается армии атамана Григорьева, то она, пишет автор, “производила на французских офицеров впечатление своей дисциплиной и военным искусством” (с. 53). Несмотря на утвердившуюся за атаманом Григорьевым репутацию авантюриста, французские офицеры отмечали, что в его войсках поддерживается жесткая дисциплина и под угрозой расстрела запрещено мародерство. Они отдавали себе отчет в том, что в лице армии Григорьева столкнулись со значительной и, вопреки ожиданиям, дисциплинированной силой.

В то же время, как признавал генерал Бертело, союзные войска, учинив погром в Херсоне и Николаеве, вызвали к себе враждебное отношение со стороны местных жителей.

В целом французские части воевали неохотно. Основную тяжесть удара при отступлении принимал на себя греческий контингент войск союзников. Под Херсоном, например, потери французских войск составили 4 убитых солдата и 22 раненых или 18% их состава, в то же время потери

греков доходили до 35% из 700 человек, участвовавших в боях. В греческих частях были также потери среди офицеров.

Кроме того, имели место случаи отказа воевать среди солдат и моряков союзников. "Именно враждебность местного населения в Херсоне и Николаеве, — пишет автор, — убеждала многих французских солдат, что интервенция безнадежна" (с. 54). Д'Эсперей указывал на "численное превосходство армии Григорьева и враждебность местного населения, как на два основных фактора, обусловившие поражение" (с. 54).

16 марта генерал Бертело, убедившись, что обещанного подкрепления не будет, попросил освободить его от командования союзными войсками. Хотя мотивируя свою просьбу, он ссылаясь на здоровье, телеграмма д'Эсперея к Фошу, по мнению автора, убеждает, что подлинной причиной была усталость Бертело и его обескураженность ситуацией на юге Украины. В своем официальном донесении об эвакуации из Херсона и Николаева, Бертело рекомендовал, чтобы Франция отказалась от интервенции в России и уделила бы больше внимание созданию санитарного кордона от Черного моря до Бартийского, особенно в Румынии и Польше.

Полковник Леже также был решительно настроен против продолжения интервенции. Он считал, что Франция столкнулась в Южной России с национальным движением, вылившимся в восстание против союзников, чье присутствие здесь стало крайне нежелательным. Контр-адмирал Экзельман и вице-адмирал Амет также высказались против продолжения интервенции. "Капитан Бертело, премяник генерала, представляя свой анализ ситуации в штаб своего дяди, рекомендовал, что, если ничего невозможно достичь военным путем, альтернативой должно стать соглашение с большевиками" (с. 55).

Несмотря на негативное отношение к интервенции, командование французскими войсками на Юге России приготовления к обороне Одессы продолжало. 14 марта пришла радиограмма от Клемансо с приказом удерживать город.

18 марта силы большевиков, констатирует автор, заняли станцию Березовку в 40 милях к северу от Одессы. Их армия, насчитывавшая, по оценкам французов, от 10 до 17 тыс. человек, обошла с флангов слабую оборону алжирских и греческих войск, которые боясь оказаться отрезанными, бежали в беспорядке к Одессе. Большевики также добились успеха под Очаковом, где добровольческие войска обратились в бегство перед несколькими тысячами вооруженных крестьян. К этому времени французское командование полностью убедилось, что "несмотря на ведение оборонительных работ вокруг Одессы, перспективы обороны города безнадежны" (с. 55).

Силы союзников в городе в целом насчитывали 25 тыс. человек, которым противостояли от 30 до 40 тыс. солдат атамана Григорьева. Кроме того, по сообщениям разведки, большевики способны были поднять 50 тыс. вооруженных рабочих на улицах Одессы. "Французское командование опасалось, что рабочие города только ждут сигнала от приближающейся армии большевиков, чтобы подняться на борьбу против союзников" (с. 55).

Что же касается белогвардейских войск, предназначенных для защиты города, французское командование считало их совершенно бесполезными и назначало в основном патрулировать улицы. Моральный уровень в войсках союзников в Южной России был крайне низок. Сообщения о случаях неподчинения во французских войсках поступали из Тирасполя и с военных кораблей.

Обстановка в самой Одессе усложнялась вследствие отсутствия топлива, электричества и достаточного количества съестных припасов, усиливавших недовольство мирного населения. Отношения между союзниками и добровольческими войсками достигли критической точки, сделавшие невозможным какое-либо сотрудничество.

Когда 20 марта Ф.д' Эсперей прибыл в Одессу для инспектирования, он отметил низкий моральный уровень в войсках союзников и опасность восстания местного населения, усложняющие и без того трудную военную задачу обороны города. Тем не менее он надеялся, что Одессу

можно будет удержать хотя бы временно. Запас продовольствия был рассчитан здесь на 8-10 дней. "Д'Ансельм и Ф.д'Эсперей пришли к заключению, что эвакуация будет неизбежна" (с. 56).

Хотя Ф.д' Эсперей заверил белогвардейцев, что союзники намерены защищать Одессу, он был согласен с д' Ансельмом в том, что необходимо начинать приготовления к эвакуации. 23 марта он послал телеграмму в Париж, в которой высказался за вывод войск с Украины. 25 марта д' Ансельм издал приказ о подготовке к возможному отступлению. На следующий день Ф.д' Эсперей телеграфировал Клемансо и Фошу, что ситуация в Южной России и Венгрии ухудшилась. "Отсутствие припасов и подкреплений, угроза восстания в оккупированном районе, ненадежность войск союзников, численное превосходство Григорьева и опасность со стороны враждебно настроенного правительства в Венгрии — все приводилось в пользу скорейшего отступления из Одессы" (с. 56).

Вместе с тем французское командование предпочитало сохранять видимость того, что оно намерено защищать Одессу, полагая, что если оно объявит об отступлении, это вызовет панику в городе. В донесении в Афины генерал К.Кс. Нидер указывал, что союзники исчерпали все возможные средства для обороны города и просил прислать транспортные средства из Греции для вывоза греческих войск из Одессы. Греческие офицеры особенно опасались, что недовольство "русских" будет обращено не только против интервентов, но и против гражданского населения греческой национальности, как это было в Херсоне.

В ответ на предупреждения Ф.д'Эсперея Клемансо телеграфировал 29 марта, что союзники в Париже согласны на прекращение интервенции. 1 апреля Ф.д'Эсперей отдал приказ д'Ансельму об отступлении, согласно плану, который был подготовлен 25 марта.

На следующий день д'Ансельм отдал предварительный приказ о погрузке на суда некоторых подразделений под предлогом недостатка продовольствия в городе. Это было сигналом к началу полной эвакуации. Приказ д'Ансельма вызвал

панику среди части жителей Одессы, пожелавших покинуть город вместе с интервентами. Эвакуация из Одессы была осуществлена вмежду 3 и 6 апреля.

Французские сведения об отступлении союзников из Одессы, отмечает автор, оставляют впечатление гладко прошедшей операции, в ходе которой около 30 тыс. войск, снаряжение и 50 тыс. гражданских лиц были вывезены из города. "Принимая во внимание эти обстоятельства, французское командование полагало, что операция относительно хорошо подготовлена" (с. 57). Переговоры с представителями большевиков дали возможность предотвратить мятеж в городе и достичь соглашения, благодаря которому были эвакуированы гражданские лица.

Существуют и другие оценки этой операции союзников. "Белогвардейцы осуждали поспешное решение о прекращении интервенции и считали, что в этом не было необходимости" (с. 57). Они ссылались на то, что французское командование приняло это решение без консультации со своими русскими союзниками и даже без предупреждения. По свидетельству тех, кто сочувствовал белому движению, союзники имели численное превосходство и несравненно лучшее вооружение.

Несомненно, считает автор, что союзники повели себя не лучшим образом в отношении Добровольческой армии. "Деникин получил уведомление об отходе от Ф.д'Эсперея уже после случившегося" (с. 58). В продолжении оккупации Одессы французские офицеры демонстрировали свое неуважение в отношении белогвардейцев. Однако решение, по мнению автора, было принято, исходя из военной оценки обстановки.

Наблюдатели и ученые, отмечает автор, расходятся во мнениях относительно причин эвакуации из Одессы. Д'Ансельм считал, что эвакуация была обусловлена неблагоприятной военной ситуацией в большей степени, чем другими причинами, например, отсутствием запасов продовольствия. Однако, как свидетельствует д'Ансельм, продовольствие могло быть доставлено морем. "В своей переписке с Парижем и в объяснениях, с опозданием представ-

ленных Деникину, Ф. д'Эсперей ссылался на ограниченность запасов продовольствия для переполненной населением Одессы как важное соображение в пользу решения оставить город" (с. 58). Из французских донесений видно, что американцы желали, чтобы за поставки зерна, которое подвозилось из Константинополя, с ними расплачивались золотом. "С другой стороны, как заявлял член муниципального совета Одессы, недостаток провизии и требование американцев расплачиваться золотом — неудовлетворительное оправдание вывода войск, так как американцы согласились присылать дополнительно 10-дневный запас зерна, и корабли прибыли в порт в тот день, когда был отдан приказ об эвакуации" (с. 58-59). Дополнительное подкрепление также было на пути в Одессу, когда решение о прекращении интервенции было принято. "В этом смысле, — считает автор, — споры о том, отсутствие ли припасов, или неблагоприятная военная ситуация вынудили к эвакуации, отвлекают от главной сути; которая состоит в убеждении французского командования, что интервенция была безнадежна" (с. 59).

Отсутствие припасов, угроза внутреннего мятежа в городе, превосходство противника по численности живой силы и низкий моральный уровень войск союзников, заключает автор, — все повлияло на решение французского командования об эвакуации, но главным было, конечно, понимание того, что оставшись в Одессе, союзники ничего не добьются.

Среди французских офицеров было распространено мнение, что они прибыли сюда, "чтобы таскать из огня каштаны" для Добровольческой армии. Ни офицеры, ни рядовые не желали продолжать интервенцию и рисковать своими жизнями ради движения, которое не вызывало у них сочувствия и не встречало поддержки со стороны местного украинского населения. "Возможно, — пишет автор, — отношение французских офицеров лучше всего выразил полковник Фрайденберг, который заметил, что французская экспедиция в южной России проходила под тремя ложными посылками: что Добровольческая армия была "национальной" армией, представляющей большую часть народа,

что русский народ приветствует интервенцию союзников против большевистских разбойников и террористов и что завоевание будет делом Добровольческой армии, нуждающейся лишь в моральной и технической помощи от Франции" (с. 59).

После эвакуации из Одессы, отмечает автор, Крым оставался последней областью французской военной интервенции. Клемансо настаивал, чтобы Франция удерживала Крым как бастион для будущих акций в Южной России, демонстрируя твердость французских обязательств. Однако французская интервенция столкнулась в Крыму с теми же трудностями, что и на Украине. Белое правительство в Крыму, в котором преобладали либералы, обратилось за помощью к Добровольческой Армии, которая ассоциировалась с самыми реакционными элементами и не проявляла симпатий к их либеральным взглядам. Французское командование потерпело неудачу также в своих попытках создать эффективный антибольшевистский фронт.

Несмотря на то, что Добровольческая армия в Крыму насчитывала от 5 до 6 тыс. человек, французское командование не считало их серьезной силой. В начале апреля силы союзников ограничивались 2,5 тыс. человек. После переброски войск из-под Одессы здесь собралось 5 тыс., но 2 тыс. из них оценивались французскими офицерами как "ненадежные" греческие части. Французские части также относились без энтузиазма к своей роли в Крыму. Французское командование отметило, что отказ алжирских частей грузиться на корабли в Константинополе для отправки в Севастополь является отражением общего разочарования интервенцией среди союзнических войск. Более половины французских войск в Севастополе составляли колониальные солдаты, включая алжирцев и сенегальцев. "Их дисциплина была низкой, а 3 собственно французских батальона в городе считались слабыми" (с. 60).

14 апреля части большевиков подошли вплотную к Севастополю и 16 апреля начали наступление на город. Уже на следующий день было заключено соглашение о перемирии до 25 апреля, согласно которому французы обязались пе-

передать управление местным Советам и эвакуироваться из города.

В Севастополе, указывает автор, повторилась та же ситуация, что в Херсоне или Николаеве: рабочие отказывались повиноваться французским властям, назревало восстание в городе, местное население было настроено враждебно к белогвардейцам и союзникам. Войска союзников были ненадежны. 13 апреля адмирал Аме попросил разрешения начать эвакуацию ввиду трудностей со снабжением города и враждебностью местного населения. Ф.д'Эсперей телеграфировал в Париж, что ситуация в Крыму серьезная и настаивал на немедленной эвакуации. "В ответ Клемансо решил эвакуацию, когда Ф.д' Эсперей найдет ее необходимость" (с. 61).

19 апреля, когда, согласно условиям соглашения, пришло время передать власть в Севастополе Советам, французское командование исполнило это и начало эвакуацию. Однако уже после того как решение об эвакуации было принято, на борту французских кораблей вспыхнуло восстание. Оно началось на военном корабле "Франция" и флагманском корабле адмирала, затем перекинулось на другие корабли. Матросы потребовали немедленного возвращения во Францию и прекращения интервенции. На оледующий день, 20 апреля, некоторые матросы, высадившись в Севастополе, приняли участие в массовой демонстрации в поддержку власти Советов и в знак протеста против интервенции.

Французское морское командование послало отряд моряков и греческих солдат, чтобы рассеять демонстрацию. Они открыли огонь по толпе, в результате чего были убиты двое гражданских лиц и ранены четыре солдата и шесть горожан.

21 апреля французское командование начало переговоры с руководителями мятежа на военных кораблях, обещав им скорейшую эвакуацию. 23 апреля "Франция" отошла от берегов Севастополя.

Черноморский мятеж, как отмечает автор, описан марксистскими историками как результат, главным образом, требований Андре Марти. "Нет сомнения в том, — пишет он,

что мятежи были серьезными и распространились широко. Севастопольский эпизод явился кульминационной точкой в серии мятежей и случаях неповиновения среди частей интервентов, расквартированных на Украине и в Крыму" (с. 61). Все они, считает он, были следствием уже отмеченного низкого морального уровня среди частей союзников. Вопрос : отражали ли они симпатии к большевизму, менее ясен. Большинство французских солдат не желали воевать в России и требовали отправки на родину. Некоторые из них действительно поддерживали большевиков. Участие их в демонстрациях в Севастополе доказывает это. Однако будет преувеличением заключать, что именно мятеж в Севастополе вынудил союзников к эвакуации (с. 61). Ненадежность войск союзников действительно оказала влияние на решение французского командования об эвакуации из Одессы, но решение об эвакуации из Севастополя было принято до того, как начался мятеж на военных кораблях.

Хотя среди дипломатов в Константинополе было распространено мнение, что Севастополь можно было удержать, восстановление на кораблях и решение Ф.д' Эсперея предрешили исход интервенции. Соглашение о перемирии было продлено, вследствие чего Франция получала время для эвакуации военных сил и гражданского населения, пожелавшего уйти вместе с французами. 28 апреля эвакуация была завершена, и на следующий день войска большевиков вступили в Севастополь.

Интервенция была непопулярна не только среди солдат в Севастополе, но и среди офицеров и высшего командования. Ф.д'Эсперей потребовал смещения генералов Нерейя и Борью, которые, по его мнению, утратили "боевой дух и энергию", необходимые для командования войсками, участвующими в интервенции. После мятежа 19-20 апреля адмирал Аме пришел к заключению, что кампания в Южной России проиграна. У французов не оставалось другого выбора, как уйти отсюда.

Эвакуация из Крыма завершила французскую интервенцию на юге России. Это решение резко ухудшило отношения союзников с Добровольческой армией и генералом Деникиным,

который жаловался, что "французы, вопреки своим обещаниям, бросили Добровольческую армию и отдали приказ об эвакуации, даже не информировав его о своих намерениях" (с. 62). Французское же командование усвоило урок, полученный в эти дни, и когда позднее, летом 1919 г., армия Деникина начала одерживать "впечатляющие" победы на Украине, "Клемансо ограничил сферу деятельности военными поставками, экономической помощью и посылкой военных советников" (с. 63).

А.Д. Григорьев

РОДЖИ Э.
УЧАСТИЕ ИТАЛИИ В ПОПЫТКЕ ЗАДУШИТЬ
РЕВОЛЮЦИЮ В КОЛЫБЕЛИ

ROGGI E.
*E l'Italia partecipò al tentativo di soffocare
la rivoluzione nella culla//Realta soc.*
Roma, 1982.-А. 30, N 11-12.-Р. 24-33.

Статья итальянского исследователя Э. Роджи, приуроченная к 60-й годовщине образования СССР, посвящена большевистской революции 1917 г. и последовавшей за ней иностранной интервенции против Страны Советов. Оценивая значение этих событий для политического развития Европы, автор обращает внимание на два момента: во-первых, то, что они усилили размежевание между умеренно-реформистским и радикально-коммунистическими движениями рабочего класса Европы, в том числе Италии; во-вторых, то что они явились своего рода вызовом правящим классам на Западе и особенно в странах Антанты.

Еще февральская революция и последовавшая за ней скорая радикализация Европы, указывает автор, вызвали "брожение" в политической жизни стран Антанты. "Недостаток информации о внутренних русских делах, - пишет автор, - несмотря на тесные контакты между огромной евроазиатской империей и ее союзниками, являлся источником противоречивых интерпретаций и позиций, занятых западными державами по отношению к России (с. 25-26).

В общем, отмечает автор, либеральное и прогрессивное общественное мнение на Западе по отношению к февральской революции было благоприятным. Что же касается европейских консервативно настроенных гражданских и военных кругов, то они надеялись, что в процессе "деазиатизации" русских политических институтов, Россия сможет более успешно воевать на стороне Антанты с Германией и ее союзниками. Однако среди союзников существовали и опасения, связанные не только с возможностью выхода из войны русского экономического и военного "колосса", но и с тем, что русские события могут отрицательно повлиять на рабочий класс и социалистические партии в Европе. В Италии, например, под таким углом зрения начали искать связь между событиями в России, ухудшением положения на фронтах и появившимися движениями пацифистов и пораженцев.

Правящие круги в странах Антанты восприняли весть о большевистской революции с большой подозрительностью и враждебностью, особенно после оглашения ленинского "Декрета о мире". "Началась, отмечает автор, широкая идеологическая кампания против большевизма, в которой элемент морального терроризма перемежался с призраком победы Германии. Стала рассматриваться возможность политической интервенции" (с. 26). Что касается Италии, то в отношении интервенции правительство Орландо-Соннино заняло двойственную позицию. По мнению итальянского премьера, Антанте, с одной стороны, необходимо было попытаться установить официальные отношения с большевиками, с тем чтобы избежать военного крушения восточного фронта, а с другой — оказывать поддержку всем антибольшевистским движениям в России. Оставался нерешенным только стратегический вопрос: какой режим следует установить в России? Поддержка антибольшевистских сил, пишет автор, сама по себе не вносила ясности относительно будущего политического устройства России, которое бы отвечало интересам Антанты. Союзники колебались между созданием "единой" России во главе с русскими и Россией, расчлененной на множество независимых государств, придерживающихся проантантовской ориентации.

После подписания Брест-Литовского мира, итальянское правительство стало склоняться в сторону сохранения территориальной целостности России, полагая что цель будущей интервенции должна заключаться в подавлении революции и восстановлении России как единого государства. Таким образом, Италия заняла позицию, противоположную той, которой придерживались правительства Великобритании и Франции, отдававшие предпочтение разделению России и созданию антибольшевистских, независимых режимов на Украине, в Прибалтике, в Сибири и на Кавказе. Преследуя свои собственные интересы, итальянское правительство ни при каких обстоятельствах не желало оказаться в стороне "при дележе русского пирога" и особенно "зон, прилегающих к Средиземноморью, несмотря на препятствия, которые могли бы возникнуть при осуществлении таких планов" (с. 27). С его точки зрения, ни в коем случае нельзя было допустить признания независимости Украины и передачу Бессарабии Румынии. По существу, Соннино выступал за ограниченные действия союзников на юге России, которые сводились бы только к борьбе с большевиками и поддержке сил антинемецкой ориентации.

В то самое время, в начале 1918 г., Советское правительство предприняло неожиданный шаг по отношению к союзникам. Ленин, как пишет автор, был убежден в том, что Германия не удовлетворится уступками, полученными ею в Брест-Литовске и ожидал дальнейших военных акций с ее стороны против Советской России. Надеясь вновь обрести союзников в лице стран Антанты, Троцкий обратился к их военным миссиям в России с предложением помочь в строительстве Красной Армии. Однако бывшие союзники России отнеслись к этому предложению скептически. Переговоры не привели к какому-либо соглашению, потому что на горизонте уже показались искры разгоравшейся гражданской войны, и Антанта к этому времени приняла решение об интервенции на севере России (Архангельск и Мурманск) с целью формирования здесь правительств, поддерживающих союзников. Центром этого антибольшевистского плана должна была стать Вологда с действующими в ней союзническими миссиями.

Касаясь далее истории итальянской интервенции в России, автор указывает, что в отличие от союзнических войск, посланных на европейский север России, итальянские войска в Сибири оказались в неблагоприятных условиях. Они попали в наиболее холодный пояс Сибири – в Красноярский край. Итальянское командование к тому же высказало бездарность в вопросах размещения войск и питания. Многие солдаты болели воспалением легких и жестоко страдали от морозов. Прибывший в Красноярск командующий итальянским экспедиционным корпусом Фассини при осмотре корпуса "пришел в ужас от тех условий, в которых находились его солдаты, от полнейшего неверия в авторитет местных властей и от той легкости, с которой революционная пропаганда пробилла брешь в сознании итальянских солдат" (с. 30).

Тем не менее, отмечает автор, призванные выполнять в Сибири функции по наведению порядка итальянские солдаты наладили хорошие отношения с местным населением, хотя они и рассматривались здесь как оккупанты.

Наиболее заметные военные операции итальянской армии относятся к весне 1919 г., когда были предприняты действия в поддержку мятежного чехословацкого корпуса. В результате месячных боев была занята обширная территория вдоль Енисея. Однако эти успехи, пишет автор, "оказались эфемерными, не имеющими стратегического значения". С окончанием войны и поражением Германии и Австрии "интервенция союзников в России потеряла свою "законную" мотивацию – блокирование немецкой экспансии на востоке страны" (с. 31). Что же касается борьбы с большевиками, то у итальянского правительства не было средств и желания ввязываться в серьезные военные операции. С приходом к власти в Италии правительства Нитти, интерес к русской аванюре быстро пошел на убыль. Уход итальянских войск совпал с началом гражданской войны в Сибири.

В 1919–1920 гг. Италией была предпринята еще одна, по словам автора, неудачная аванюра, носившая скорее не военный, а политический характер. Великобритания предложила Италии взять мандат на Грузию, Азербайджан и Армению. Для реализации этого плана было необходимо устано-

вить взаимодействие с белогвардейскими войсками Деникина. С этой целью и планировалась организация итальянского экспедиционного корпуса в 40 тыс. солдат, который после интервенции в Закавказье, предполагалось довести до 100 тыс. Однако правительство Митти, исходя из реального военно-экономического положения послевоенной Италии, отказалось от этой идеи. Определенную роль в этом сыграло также победоносное наступление Красной Армии против белых генералов.

Стабилизация Советской власти в России повлияла и на умонастроение итальянских политических деятелей, наступило время признания Советской России. "Признание Советской власти, — пишет автор в заключение, — являлось одним из принципиально важных аспектов политики преемственности между либерализмом и фашизмом, каждый из которых в этом акте реализма подразумевал инструмент борьбы с коммунизмом. Однако история распорядилась по-своему" (с. 33).

В.К. Багдасаров

ЮТАКА Е.
ИНТЕРВЕНЦИОННАЯ ВОЙНА
ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СИБИРИ:
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ НА ФРОНТЕ
И ВНУТРЕННЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В СТРАНЕ

Yutaka Y.

The intervention in Siberia by Japanese
imperialism//Рэкисигаку кэнкю:.-Токио,
1981.-№ 490.-С. 1-14.-Яп. яз.

Статья японского историка Ютака Ёсида, основанная на тщательном изучении японоязычных источников и литературы, посвящена японской интервенции против Советской России в 1918-1920 гг. Автор сосредоточивает внимание прежде всего на проблеме взаимовлияния между внутренней ситуацией в самой Японии и развитием японской интервенции в Сибири.

Останавливаясь на японской историографии проблемы, Е. Ютака отмечает, что изучение проблемы вторжения японских империалистов в Сибирь в исследовательском плане началось после окончания второй мировой войны. Одна из первых статей по данной проблеме была напечатана в 1951г. в журнале "Рэкисигаку кэнкю"¹⁾. Авторы, писавшие по этой проблеме в 50-е годы, на первый план, как правило, выдвигали чисто дипломатический аспект проблемы и делали основной акцент на вопросах внешнеполитических взаимоотношений между Японией и США (с. 1). Ими были также тщательно изучены чисто политические проблемы, связанные

¹⁾ См. Рэкисигаку кэнкю, Токио, 1951, № 9.

с решением японских правящих кругов начать отправку интервенционных войск в Сибирь. Недостатком работ данного периода, по мнению Ё. Ютака, было то, что в них как правило, не уделялось достаточного внимания реакции народных масс Японии на интервенцию в Сибирь, а также не анализировалась взаимосвязь между положением на фронте и внутривнутриполитической ситуацией в самой Японии (с. 1). Подобный "дипломатический" крен исследовательского интереса авторов, писавших в 50-е годы, сохранился и в работах 60-х и 70-х годов (с. 1).

Из новейших работ историков молодого поколения Ё. Ютака особо выделяет исследовательскую статью Т. Харе "Проблемы японской военной интервенции на российском Дальнем Востоке", опубликованную в 1980 г. в журнале "Рэкисигаку Кэнкю:"¹⁾. По мнению Ё. Ютака, Т. Харой на большом конкретном материале изучены такие вопросы, как поддержка японскими войсками контрреволюционной власти и отпор, данный партизанским движением японским интервенционным войскам на Дальнем Востоке. Ё. Ютака полагает, что Т. Харе удалось преодолеть тот чисто дипломатический подход к проблеме японской интервенции, который господствовал в 50-е годы в японской историографии, и пойти значительно дальше, показав ее многоаспектность (с. 1).

Ё. Ютака обращает внимание на тот факт, что несмотря на большую работу, проделанную японскими историками по изучению проблемы японской интервенции в Сибири, многие аспекты этой сложной темы до настоящего времени остаются малоизученными. К таким вопросам он относит, в частности, "разоблачение интервенционистского характера вторжения японских войск в Сибирь, который ими всячески камуфлировался, роль народного движения в Сибири, с которым неожиданно для себя встретились вторгшиеся японские войска, взаимосвязь между положением японских войск в

¹⁾ См. Хара Т. Нихон-но Кёкуто: - Россия гундзикансё: - но сёмондай // Рэкисигаку кэнкю: - Токио, 1980. - № 3.

Сибири и народным движением против интервенции в Россию, развернувшимся в самой Японии (с. 1).

Характеризуя высадку японских интервенционных войск в Сибири, Ё. Ютака отмечает, что "на первых порах японский империализм в высшей степени радужно предвкушал успех этой интервенции" (с. 2). Однако вопреки ожиданиям японские империалисты сразу же "получили здесь мощный отпор со стороны населения Сибири" (с. 5). В ходе интервенции "дух японских войск стал быстро падать, и началось разложение военной дисциплины" (с. 7). По мнению японского историка, "главной причиной этих явлений было то, что цели этой интервенции были малопонятны японским солдатам" (с. 7).

Большое внимание Ё. Ютака уделяет японскому народному движению против японской интервенции на Дальний Восток. Он считает, что с самого ее начала правящим кругам Японии уже в той или иной мере приходилось считаться с движением японского народа, направленным против интервенции (с. 12). В это время в Японии начался спад производства и она стала медленно вползать в экономический кризис. Это обстоятельство еще более активизировало движение народа против интервенции, которое принимало все более конкретные и зримые формы (с. 12).

Ютака приходит к выводу, что партизанскому движению в Сибири удалось быстро сбросить миротворческую маску с японских интервентов, вторгшихся на территорию Советской России. Борьба сибирских партизан против японских интервентов органически сливалась со стихийным движением народных масс.

Еще одной важной причиной, ускорившей поражение японских войск-интервентов, японский исследователь считает тот факт, что японским правительственным кругам и военно-бюрократическому командованию не удалось заручиться в своих действиях поддержкой широких народных масс Японии, и это в ходе интервенции всё более усиливало шатания и разложение в стране самих интервенционных войск (с. 13). Более того, народное движение в Японии, направленное против интервенции, ширилось и нарастало. Можно даже сказать,

подчеркивает Ё. Ютака, что "сама эвакуация была тесно связана с внутривнутриполитической ситуацией" (с. 13).

В ряде работ японских авторов, посвященных японской интервенции в Сибири, вопросы эвакуации японских войск тесно связываются с дипломатическими причинами, в частности с фактором внешнеполитического сотрудничества с США. По мнению Ё. Ютака, если такой мотив и присутствовал, то он играл несравненно меньшую, чтобы не сказать незначительную, роль по сравнению с влиянием внутривнутриполитической ситуации в самой Японии на политические и военные решения ее правительства (с. 14).

В ходе японской интервенции в Сибирь совершенно ясно выявилось отрицательное отношение общественного мнения Японии к армии-интервенту и ее военному руководству. Поэтому на заключительном этапе, столкнувшись с недовольством солдат и мощным массовым народным движением в Японии, направленном против интервенции, даже само военное руководство стало испытывать серьезные колебания (с. 14).

В этой связи важной и заслуживающей дальнейшего изучения проблемой, считает автор, является проблема тех воздействий, которые испытывало на себе руководство японской армии, вторгшейся в Советскую Россию. Особо необходимо изучить вопрос о влиянии интервенции (имеется в виду ее итоги и уроков) на высшую японскую военную бюрократию (с. 14).

В заключение Ё. Ютака отмечает, что понять и осмыслить проблему японской интервенции на советский Дальний Восток в 1918-1922 гг. можно только при комплексном изучении внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов, рассматривая и анализируя их в тесном единстве (с. 14).

И.А. Дьяконова

СКИРДА А.
КАЗАКИ СВОБОДЫ:
НЕСТОР МАХНО, КАЗАК АНАРХИИ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917-1921.

SKIRDA A.
LES COSAQUES DE LA LIBERTE /NESTOR MAKHNO.
LE COSAQUE DE L'ANARCHIE ET LA
GUERRE CIVILE RUSSE 1917-1921.-P.:
Jean-Claude Lattes. 1985.- 476 p.

Монография известного французского историка, родившегося в семье русских эмигрантов, А. Скирды посвящена истории махновщины и ее роли в гражданской войне в России. Автор подробно рассматривает причины возникновения махновщины и ее социальный состав, анализирует анархистскую идеологию, цели и организационную структуру махновского движения, прослеживает сложные взаимоотношения Махно и его окружения с командованием Красной Армии и белогвардейским движением, раскрывает роль махновцев в разгроме оккупационных войск Германии и Австро-Венгрии и армии Врангеля, а также дает подробную характеристику личности и взглядов самого Нестора Махно, подчеркивая неправомочность полного отождествления Махно и махновщины. Книга основана на материалах разнообразных источников: сочинениях виднейших анархистов, архивных документах, воспоминаниях современников и др.

Подчеркивая, что с самого начала гражданской войны в СССР страны Антанты и Тройственного союза активно

вмешивались во внутренние дела Советской республики, автор выделяет несколько форм участия иностранных государств в гражданской войне в СССР: 1) участие иностранцев в военных действиях в составе белогвардейских формирований и Красной Армии (по подсчетам А. Шкирды в частях обеих воюющих сторон сражались около 250 тыс. иностранных граждан); 2) косвенная поддержка союзниками белогвардейцев, в том числе снабжение ее обмундированием и оружием; 3) влияние на военные и политические действия контрреволюционного движения (например, инспирированный англичанами переворот 18 ноября 1918 г., в результате которого адмирал Колчак был провозглашен верховным главнокомандующим); 4) и, наконец, прямая военная интервенция (с. 96).

Анализируя причины иностранной интервенции, автор отмечает, что союзники решились на прямое военное вмешательство во внутренние дела России после заключения Брестского мирного договора и последовавшего за ним наступления немецких войск на Западном фронте. Тогда же был провозглашен принцип "занавеса из колочей проволоки", впоследствии получивший название "санитарного кордона", целью которого, как указывается в книге, была изоляция России от ее объективной союзницы Германии (с. 99).

Основные военные действия гражданской войны велись на окраинах страны. Подчеркивая это обстоятельство, автор считает главной причиной военных неудач Советской России в первый период гражданской войны недостаточную поддержку большевистского режима народными массами. Ошибочная политика по отношению к крестьянам (массовые конфискации хлеба) и рабочим (ограничение реальной власти выборных заводских комитетов) вызвали, по его мнению, массовые восстания против советской власти: с июля по декабрь 1918 г. вспыхнуло около 130 антибольшевистских восстаний только в шести губерниях Европейской России.

Вступление в мировую войну США с их огромным потенциалом на стороне Англии и Франции окончательно изменило баланс сил в пользу Антанты. Измученные бедствиями четырех лет ожесточенных боев, страны Тройственного сою-

за пошли на заключение перемирия с союзниками, что в свою очередь серьезно повлияло, как подчеркивается в книге на изменение ситуации в России: правительство Советской России аннулировало Брестский мирный договор, тем самым "развязав себе руки в зонах оккупированных австро-германскими войсками" (с. 99). С другой стороны, союзникам уже ничто не мешало открыто поддерживать антибольшевистские силы. В результате на Украине оказались заблокированы более 600 тыс. солдат австрийской и немецкой армии, оккупировавшие ее после подписания Брестского договора. В свою очередь украинская буржуазия и помещики надеялись с помощью немецких оккупантов вернуть утраченные земли и предприятия. Репрессии оккупационных войск, направленные против крестьян, и ограбление страны с благословения правительства гетмана Скоропадского вызвали волну народного сопротивления: на Украине возникли десятки местных партизанских отрядов, сражавшихся с оккупантами.

Наиболее серьезную силу представлял партизанский отряд под руководством Нестора Махно, по выражению автора, — "казаки анархии, крестьяне-солдаты, защищавшие свою свободу и землю" (с. 365). Подчеркивая, что все решающие сражения гражданской войны в СССР проходили при участии казаков, принадлежавших к различным политическим лагерям (белых, красных, жовто-блакитных, т.е. украинских националистов), автор называет махновцев "черными казаками", т.е. "казаками анархии" сохранившими вольнолюбивые традиции запорожского казачества (с. 423). Провозгласив осенью 1918 г. лозунг всеобщего восстания против оккупантов, известный анархист Нестор Махно распространял листовки, без устали собирал собрания, искал сотрудничества с анархистами, большевиками и всеми недовольными оккупационным режимом с целью создать вооруженный партизанский отряд, способный оказать сопротивление иностранным и местным угнетателям. Первый отряд махновцев был сформирован в сентябре 1918 г. в деревне Воскресенская. Затем было освобождено село Гуляй-Поле, ставшее столицей махновцев, а само махновское движение как пожар

распространилось в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Маленький отряд из нескольких десятков человек превратился в хорошо вооруженную партизанскую армию, выработавшую свою собственную стратегию и тактику военных действий: внезапные налеты конницы и тачанок, взрывы железнодорожных путей и др.

Анализируя социальный состав махновского движения, А. Скирда отмечает, что большинство махновцев составляли "каторжники земли", (с. 365), т.е. безземельные или малоземельные крестьяне, частично рабочие, бежавшие из городов из-за разрухи и голода, воцарившихся там после прихода к власти большевиков. При этом к безземельным крестьянам автор относит различные по своему социальному происхождению и положению группы населения: с одной стороны, ту часть сельского населения, которая еще до революции превратилась в батраков и сезонных сельскохозяйственных рабочих, а с другой стороны, крестьян, лишившихся земли в результате ее конфискации красными (там же). Представляя, как считает автор, интересы крестьянства Украины, в особенности его беднейших слоев (с. 368), махновское движение было организовано на принципах прямой демократии, выборности и самоуправления, что позволяет, по его мнению, проводить аналогии между махновщиной и запорожским казачеством, с которым его объединяла партизанская вольница, единая тактика ведения боевых действий, принцип выборности командиров, текущий состав боевых отрядов и т.д. (с. 364).

На специальном совещании в октябре 1918 г. Махно предложил организовать четыре фронта: 1. против войск гетмана Скоропадского; 2) оккупационных австро-германских войск; 3) донского казачества атамана Краснова; 4) белогвардейских отрядов армии Деникина. За два с половиной месяца махновцы освободили большую часть Восточной Украины от австро-германских войск и отрядов гетмана, практически полностью контролируя территорию в бассейне рек Дона и Донца. С конца 1918 г. главным противником партизанских отрядов Махно стали уже не деморализованные войска австро-германских оккупантов, а

хорошо обученные и вооруженные офицерские полки генерала Деникина. В ходе совместных боевых действий против белогвардейцев, австро-германских оккупантов и петлюровцев, сменивших войска гетмана Скоропадского, сложился военный союз махновцев с большевиками. В феврале 1919 г. "революционно-повстанческая армия" Махно (численностью 35-55 тыс., а по некоторым оценкам до 80 тыс. человек) вошла в состав Красной Армии, сохранив, однако, свою внутреннюю структуру, основанную на принципах добровольности, самоуправления и выборности всех командиров. Махно пошел на союз с Красной Армией, как считает автор, по двум основным причинам: во-первых, исходя из того, что интересы революции могут выражать различные идеологии, и, во-вторых, потому что испытывал острую нужду в вооружении и снаряжении. "Для махновцев это был только военный союз, но ни в коем случае не политический" (с. 119). Признавая на словах советское командование, Махно уже с марта 1919 г. начал по существу саботировать его приказы. Съезды повстанческих, рабочих и крестьянских депутатов, собиравшиеся в феврале и апреле 1919 г. в Гуляй-Поле, приняли ряд резолюций, направленных против диктатуры пролетариата и мероприятий Советской власти. В то же время, отмечается в книге, крестьяне Гуляй-Поля провозгласили лозунг "Дай руку, рабочий!" и направили в Москву более 100 вагонов с зерном, отбитых у белых. Первый союз махновцев с Красной Армией, продлившийся около четырех месяцев, был разорван летом 1919 г. в разгар наступления белых войск под командованием генерала Шкуро. Это произошло, во-первых, из-за столкновений между советской властью, проводившей, по определению автора, "политику построения коммунизма сверху", и крестьянами, составлявшими основу махновского движения и стремившимися создать "коммунизм снизу", а во-вторых, из-за нарушения большевиками своих обязательств по поставке махновцам оружия и боеприпасов. В течение двух последующих лет ожесточенных боев молодой республики с деникинцами и белополяками махновцы действовали в тылу советских войск, представляя серьезную угрозу регулярным соединениям Красной Армии.

Анализируя причины неудач Красной Армии в польской кампании, А. Скирда, с одной стороны, подчеркивает значение националистических чувств поляков, находившихся более полутора веков под игом царской России и воспринимавших всех русских как угнетателей, и потому выступивших на стороне собственной буржуазии против Советской республики, а с другой, отмечает военную и финансовую помощь Польше со стороны союзников, прежде всего Франции, пославшей в Польшу в конце июля 1920 г. военную миссию, в составе которой находился де Голль.

Тогда же Врангель направил в Париж Петра Струве для ведения переговоров с французским правительством о предоставлении помощи белому движению, в которой ему отказали англичане. Перед лицом поражения Колчака и Деникина глава английского правительства Ллойд Джордж не пошел на прямую помощь белогвардейцам, надеясь таким образом оградить британские владения в Азии от революционной заразы. Что же касается французов, то предоставляя помощь белому движению, они, с одной стороны, стремились оказать поддержку Врангелю, который никогда не признавал "позорный", с их точки зрения, Брестский мирный договор, а с другой стороны, Польше, с кем Францию связывали многовековые дружественные отношения, а также надежда "зажать в тиски общего врага – Германию" (с. 242). Получив заверения Врангеля о его "демократических намерениях", т.е. стремлении умиротворить крестьянство, которое не желает ни восстановления старого порядка, ни коммунистической тирании, оздоровить нравственную атмосферу и возродить экономическую жизнь русского общества, Франция, в свою очередь, признавала де-факто "правительство" Врангеля. Эта "платоническая", по определению автора, помощь тем не менее была достаточно эффективной, поскольку позволяла Врангелю использовать запасы вооружений, расположенные на территории Румынии – страны, находившейся в сфере влияния союзнических держав.

Пользуясь поддержкой союзников, врангелевские войска предприняли массированное наступление по всему Южному фронту. Пропаганда белых активно распространяла слухи о

союзе Врангеля с Махно. Стремясь опровергнуть эти домыслы, махновцы продолжали сражаться с отрядами белых. В то же время, опасаясь развала всего Южного фронта под натиском белополяков и врангелевских войск, махновцы пошли на временное прекращение военных действий с Красной Армией. В свою очередь советское правительство после серьезных неудач на Южном и Западном фронтах стремилось нейтрализовать угрозу, которую представляли отряды Махно, численностью от 10 до 12 тыс. человек действовавшие в тылу Красной Армии. При этом, как подчеркивает автор, большевики надеялись не только заручиться военной поддержкой махновцев, но и привлечь на свою сторону местное население Украины, а также повысить моральный дух советских войск после поражения под Варшавой (с. 249). 30 сентября 1920 г. был заключен договор, в соответствии с которым махновцы признавали Советскую власть и Верховное командование Красной армии, сохраняя в то же время относительную самостоятельность и собственную организационную структуру.

Полагая, что роль отрядов махновцев в разгроме врангелевских войск была решающей, автор подробно анализирует ход военных действий на Южном фронте, прослеживая в первую очередь действия махновских отрядов под командованием Каретника и Кожина (раненый Махно находился в это время в Гуляй-Поле и не принимал непосредственного участия в боях). Отмечая, что в результате ряда сокрушительных поражений осенью 1920 г. врангелевцы потеряли репутацию непобедимых, Скирда подчеркивает, что "махновцем понадобилось две недели на то, что красные войска не могли осуществить в течение шести месяцев" (с. 259).

После победы над Врангелем советское правительство, переставшее нуждаться в военной помощи махновцев, пошло, как считает автор, на предательство. Разорвав договор со своими бывшими союзниками, оно возобновило против них военные действия, продолжавшиеся в течение всего 1921 г. Это был, по его определению, период "малой гражданской войны" (с. 293). В результате успешных действий Красной Армии (в борьбе с махновщиной принимало участие более

двух третей красноармейцев, сражавшихся с врангелевцами) партизанские отряды украинских анархистов были разбиты, часть махновцев сложила оружие, часть во главе с самим батькой Махно эмигрировала в Румынию. Незначительное меньшинство ушло в подполье, чтобы вновь поднять черное знамя анархии против сталинизма и гитлеризма во время второй мировой войны. Причины разгрома махновского движения носили, как подчеркивается в книге, "не столько военный, сколько политический характер" (с. 303). Они заключались прежде всего в укреплении союза между пролетариатом и основной массой крестьянства, что не позволило Махно, Антонову, мятежникам в Кронштадте и Сибири оправдать ожидания врагов советской власти.

Т.Л. Моисеенко

ВАГНЕР Г.
ГЕРМАНИЯ И ПОЛЬСКО-СОВЕТСКАЯ ВОЙНА 1920 г.

WAGNER G.
Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg.
Wiesbaden: Franz Steiner, 1979.-294 S.-
Bibliogr.: S. 279.-291-

Книга западногерманского историка Герхарда Вагнера (Майнцский ин-т европейской истории) основана большей частью на неопубликованных материалах немецких архивов, публикациях документов из американских и английских архивов, материалах прессы, дневниках и мемуарах политических деятелей того времени, раскрывающих точку зрения германского правительства, военного руководства и немецкой общественности на проблемы, связанные с польско-советской войной 1920 г.

Политическая подоплека этой войны, считает автор, была, безусловно, более важна для немецкой стороны, чем военная. Это обусловлено тем, что ход войны и ее результаты повлияли на расстановку сил на международной арене. Страны-победители в первой мировой войне справедливо опасались, что при полном и окончательном разгроме Польши на карту будет поставлен Версальский договор. В то же время Германия именно этого ожидала и на это надеялась. Поэтому в Германии политические партии всех направлений с напряженным вниманием следили за развитием польско-советского конфликта.

После окончания первой мировой войны между Польшей, Украиной, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Советской Россией возникли, вернее, как считает автор, возобновились территориальные противоречия. Их кульминационной фазой был польско-советский конфликт (к которому, по мнению автора, примыкала также война с Врангелем). Польско-советскую войну причислять к интервенции, считает Вагнер, можно только очень условно, "ибо она велась не с целью свержения власти большевиков в России, а преследовала ограниченные польские цели, суть которых отразилась в федеративных планах Пилсудского и восстановлении прежней польской государственности в границах 1772 г." (с. 1).

Далее автор характеризует отношение Германии к обоим воюющим сторонам в период непосредственно перед войной, в ходе войны и после ее окончания. Как Советская Россия, так и Польша в этот период переживали нестабильность своего внутреннего положения: неопределенность границ, плохо функционирующая экономика, расстроенные финансы, осложнения в использовании транспортных средств — все эти факторы, как подчеркивается в книге, в значительно большей степени влияли на позиции воюющих стран, чем "эйфория по поводу восстановления польской государственности и успехи на фронтах гражданской войны в Советской России" (с. 13). В конце концов именно царящая в обеих странах дезорганизация наложила отпечаток на польско-советскую войну, которую лорд Абернон, посол Великобритании по особым поручениям в Варшаве, охарактеризовал как "польско-советскую драку" (с. VII).

Эта война, как двуликий Янус, имела две стороны: ее нельзя сравнивать по масштабам с мировой войной и определять ее значение числом дивизий, участвующих с обеих сторон в военных действиях, ибо речь идет именно о "польско-советской драке", но и недооценивать ее значения тоже нельзя, так как ее итоги влияли на расстановку сил в Восточной Европе. Более того, в случае победы Советской России, считает автор, Европе угрожала "большевизация", поэтому соизмеримым основанием для оценки этой войны должны стать ее политические последствия для Европы.

Освещая ход польско-советской войны, автор пытается определить прежде всего ее политическое значение. Автор почти не касается Киевской операции, зато подробно останавливается на битве за Варшаву, где советские войска потерпели поражение, определившее исход войны. Хотя военная ситуация к моменту Варшавской операции была в пользу русских, отмечается в книге, они тем не менее потерпели поражение. Основную причину автор видит в несогласованности действий Западного и Юго-Западного фронтов во время решающих боев за Варшаву. В 1929 г. А.И. Егоров, командующий Юго-Западным фронтом, во время этой операции признал, что Юго-Западный фронт не должен был сосредоточивать свои усилия на Львовском направлении (с. 14). Большую часть упреков, полагает Вагнер, необходимо адресовать лично Сталину, бывшему членом реввоенсовета Юго-Западного фронта, который не подчинился приказу Тухачевского. Это способствовало поражению советских войск под Варшавой. Ленинское замечание по этому поводу было направлено впрямую против Сталина, как и вообще любая критика Юго-Западного фронта касалась непосредственно его. Существовало мнение, что Сталин проявил себя в военных вопросах как грамотный компетентный руководитель, но поражение под Варшавой, по мнению автора, этому противоречит.

Впоследствии все способные командиры, принимавшие участие в Варшавской операции и бывшие свидетелями ошибок Сталина, — М.Н. Тухачевский, Р.П. Эйдеман, А.И. Корк и др. — были репрессированы (с. 14).

В 1920 г. Россия, считает автор, не искала войны с Польшей, а исходя из катастрофического положения внутри страны, стремилась к миру. Польша же, напротив, в лице Пилсудского пыталась реализовать свои экспансионистские планы. Но замечательным в данной ситуации является то, что как польское, так и советское руководство ошибалось, подчеркивается в работе, оценивая свои политические шансы выше, чем они были в действительности. Промах Пилсудского заключается в том, что его призывы, обращенные к населению Украины, не имели здесь того воздействия, на кото-

рое он рассчитывал. Польские войска на украинской территории воспринимались не только как борцы против большевизма, но и как сторонники и защитники ненавистных украинскому населению польских помещиков, вследствие чего "украинское национальное самосознание вступило в противоречие с польскими устремлениями" (с. 24).

Ленин, по мнению автора, также допустил определенного рода политический просчет. В тот момент, когда советские войска вступили на исконно польские земли, пишет он, вся "привлекательность коммунистической пропаганды исчезла" (с. 24). Советам не удалось привлечь на свою сторону промышленный пролетариат Польши.

"Сходство ошибок с обеих сторон, — говорится в работе, — озадачивает". Это привело к тому, что польская сторона не смогла использовать свою победу. Советские же иллюзии разбились под Варшавой. Ход событий и главным образом окончательное поражение советских войск создавало впечатление, что Советская Россия — побежденный, а Польша — победитель. Но, считает автор, это впечатление обманчиво, если исходить из поставленных перед руководителями обеих стран целей. Окончание войны за столом переговоров в Риге означало для Польши, особенно для Пилсудского с его планами восстановления польских границ 1772 г., явное поражение. Мир в Риге соответствовал определенному соотношению сил, а вернее, здесь налицо было истощение сил с обеих сторон, да еще в преддверии зимы. Советская историография указывает на то, что границы Польши были отодвинуты несколько западнее, чем было предложено советской стороной до начала переговоров. Вагнер полагает, что в такой трактовке сознательно затушевывается тяжесть русского поражения под Варшавой. С другой стороны, если исходить из того, что Советская Россия потерпела полное поражение, то граница проходила действительно благоприятно для России и неблагоприятно для Польши. В действительности же все дело было в том, что в Риге Польша пережила дипломатическое поражение из-за своих внутри- и внешнеполитических осложнений. Внутриполитическая ситуация в Польше в тот момент харак-

теризовалась острыми противоречиями между национал-демократами и сторонниками Пилсудского, который последовательно выступал за расширение польской территории на востоке и западе. В области внешней политики ситуация осложнялась тем, что польские дипломаты, ведущие переговоры в Риге, испытывали нажим со стороны Антанты, предлагавшей умерить польские претензии. Таким образом польские надежды на восстановление Польши в исторических границах 1772 г., как и федеративные планы Пилсудского, были погребены в Риге. Планы Польши были обречены на провал даже в случае ее победы, потому что страны, которые в будущем она планировала включить в федеративное польское государство, уже заключили мир с Москвой.

Вследствие неудачной Варшавской операции, заключает автор, Советская Россия проиграла войну. Это несколько испортило впечатление, которое сложилось в результате ее побед в гражданской войне, и рассеяло "надежды на скорую революционизацию Европы" (с. 26). Еще в августе 1919 г. Зиновьев предсказывал: "Движение идет вперед столь головокружительно, что можно с определенностью сказать, что через год мы уже начнем забывать, что в Европе была борьба за коммунизм, так как через год вся Европа будет коммунистической"¹⁾. Эти надежды, отмечает автор, разбились у ворот Варшавы. А провозглашенный позднее Сталиным лозунг о возможности построения "социализма в одной стране", явился именно следствием военных событий 1920 г.

Для Советской России поражение в войне было не больше, чем потерянная битва или временная неудача, впечатление от которой было смягчено победоносным установлением советской власти в ходе гражданской войны. В результате поражения советские руководители изменили тактику, но не содержание своей внешней политики.

Пилсудский и его сторонники сознавали также, что реанимация политики, предусматривающей отделение белорусских

1) Коммунистический интернационал. — М., 1919. — Т.1.

и украинских земель и создание противовеса восточному соседу в лице федеративного объединения Восточной Европы, в будущем невозможна.

Таким образом, заключает автор, битва за Варшаву ни в военном, ни в политическом отношении не стала решающей битвой исторического значения. Ее значение определялось расстановкой политических сил в послевоенной Европе (с. 26).

Германия, которая не принимала участия в войне 1920 г., тем не менее, как уже говорилось, была заинтересована в ее результатах. Понятие "добровольного нейтралитета", которым характеризовалась позиция Германии в этот период, по смыслу и содержанию, говорится в работе, отличалось от собственно нейтралитета и охватывало широкий спектр всевозможных точек зрения, отражающих отношение различных слоев немецкого общества. Немецкая политика определялась как внешнеполитической конъюнктурой, так и внутривнутриполитической ситуацией в Германии в это время. Только с их учетом становится понятной позиция Германии во время польско-советской войны 1920 г.

Немецкая точка зрения в отношении Польши вытекала из положений Версальского договора. Польша возникла в результате немецкого поражения в первой мировой войне, и договор, в котором зафиксированы последствия поражения Германии, был в то же самое время манифестом государственного возрождения для Польши. Тяжесть немецкого поражения была особенно ощутима в договорах, связанных с Польшей. Правда, первоначальные претензии Польши были сокращены почти наполовину, но и в таком виде они не были приведены в соответствие ни с обещаниями справедливого мира, ни с принципами провозглашенного права наций на самоопределение. "Для развития немецко-польских отношений это должно было иметь особое значение" (с. 27).

Положение немецкого населения в областях, отошедших к Польше по условиям Версальского договора, и связанные с ним проблемы (в том числе сообщение с Восточной Пруссией и Верхней Силезией, особый статус Данцига), осложняли на длительное время атмосферу немецко-польских

отношений. И если бы польское государство применило в отношении немецкого меньшинства ограничительную практику, подобную той, которую в прошлом осуществляли прусаки, будущее этого меньшинства, считает автор, было бы далеко не розовым.

Для германского рейха отсутствие военной силы указывало иной путь. Политика, направленная на преодоление этих сложностей без опоры на собственные силы, должна была прежде всего избегать создания новых сложностей, т.е. идти по пути взаимопонимания с Польшей.

Польское государство в этот момент находилось в таком положении, которое "вполне можно было бы назвать войной на два фронта: военные противоречия на Востоке и в общем-то экономическая война на Западе" (с. 39). Скорее всего именно эти причины обусловили столь неблагоприятную для Польши конъюнктуру в Берлине, а не только опасения быстрого продвижения советских войск.

Немецко-советские отношения в интересующий нас период исследованы значительно лучше, чем немецко-польские. Они не были осложнены территориальными претензиями, но были проблемы другого порядка. Руководство Советской России не скрывало своих надежд на скорую революционизацию Германии, считая ее одной из наиболее подготовленных к мировой революции стран. Поэтому, констатирует автор, немецко-советские отношения в первую половину 1920 г. трудно было назвать хорошими, хотя и чувствовалась отчетливая тенденция к их улучшению.

"Относительно рано, когда военные столкновения в пограничных областях между Польшей и Советской Россией ограничивались стычками патрулей и пути урегулирования этих споров еще не были выработаны Москвой и Варшавой, в Германии возникло соображение относительно того, сколь сильным может быть влияние этих событий на немецкую политику" (с. 45). Раньше всех свою точку зрения на военные события высказали представители рейхсвера. В конце января 1920 г., безотносительно к конкретной ситуации на польско-советском фронте, генерал фон Зеект, через несколько месяцев назначенный командующим сухопутными

войсками рейхсвера, дал оценку этим событиям в одном частном письме, которую автор считает нужным привести в книге: "Я предвижу будущее политическое и экономическое сотрудничество с Великороссией; в качестве стабильной цели нашей политики мы должны попытаться сделать по крайней мере Россию не враждебной нам... Я отклоняю идею поддержки Польши из-за угрозы быть съеденной большевизмом. И если в настоящее время мы не можем способствовать восстановлению границ рейха, то мы не должны этому в какой-то мере хотя бы препятствовать. Большевизм вряд ли отречется от идеи мировой революции, и сопротивление в таком случае должно быть оказано у наших собственных границ. Мы готовы создать преграду большевизму в своих собственных интересах и в интересах Антанты, но в этом случае Антанта должна нам предоставить необходимое оружие"¹⁾ Позднее он еще сильнее выразил свою позицию: "военные успехи Советской Армии в последние недели столь трудно отрицать, что в них содержится военная угроза для Германии"²⁾. Автор считает, что точка зрения руководства рейхсвера на польско-советскую войну исходила из несколько ошибочных представлений. Автор показывает, как вырабатывалось и из чего складывалось отношение рейхсвера к польско-советской войне 1920 г. Так, одни представители рейхсвера считали, что Польша не заслуживает внимания и следует сосредоточиться на решении немецко-советских проблем; другие представители, напротив, не скрывая враждебного отношения к Польше, откровенно желали ее поражения. Что же касается Советской России, то, с одной стороны, заинтересованность в наступлении советских войск была обусловлена ненавистью к Польше, с другой стороны, благожелательное к ней отношение объясняется тем, что Германия искала в ее лице противовес политике Антанты. Тем не менее идеи союза Германии с Советской Россией

1) Das politische Denken des Generals von Seeckt. Lübeck; Hamburg, 1971.-S. 39-47.

2) Ibid.

рассматривались как преждевременные, чему в немалой степени способствовали антипатии к большевизму.

В отношении Антанты, отмечает автор, Германия вела двойную игру. Она не принимала всерьез предупреждения Антанты об опасности советского нападения на Германию, понимая, что та с помощью Германии собирается создать решительный заслон против большевизма. Вместе с тем Германия справедливо рассчитывала, что "угрозу советского нападения" можно использовать для ослабления столь тяжелых для Германии положений Версальского договора.

Таким образом, заключает автор, отношение рейсвера к польско-советской войне характеризовалось, с одной стороны, враждебностью к Польше, с другой стороны, прагматизмом в отношении Советской России и Антанты. Угроза большевизма, подчеркивается в работе, должна была дать Германии возможность ревизовать Версальский договор, скорректировать восточные границы. При этом немецкие военные одинаково ненавидели и империализм Антанты, и большевизм русских, с той только разницей, что в отношении Антанты это было чувство абсолютной беспомощности. "Руководство рейсвера было готово пойти на риск сотрудничества с Советской Россией, утверждает автор, чтобы достичь большей цели - ревизии Версальского договора. Польско-советская война рассматривалась как средство для достижения этой цели" (с. 52).

Касаясь отношения парламента и правительства Германии к польско-советской войне, автор отмечает, что они были обеспокоены последствиями потенциальной войны между Россией и Польшей задолго до того, как конфликт между этими странами приобрел серьезные формы. "Хотя, - как указывал генерал фон Зеект, - пока нет директив правительства в отношении восточной политики" (с.45). Выказывались мнения, что как "тактическое средство немецкой политики в отношении Антанты, польско-советская война была по существу благоприятна для Германии" (с. 52). Здесь, отмечает автор, был определенный расчет на то, что Польша проиграет в этой войне, вероятность того, что Польша может выстоять или даже выиграть почти не принималась в расчет немецкими правительственными кругами,

как и рейхсвером. Во всяком случае и правительство и парламент всячески пытались использовать польско-советскую войну для облегчения жестких условий Версальского мира. В министерских кругах Германии в отношении польско-советской войны, напротив, высказывалось опасение, что "любое соглашение с русским большевизмом будет способствовать определенной поддержке немецкого большевизма" (с. 61). Один из компетентнейших представителей правительства (министр транспорта) охарактеризовал создавшееся положение так: "... я знаком с советскими войсками и их способом ведения войн и исходя из собственного опыта предлагаю не привлекать столь пристального внимания к успехам советских войск, так как битвы на Востоке происходят теперь большей частью небольшими войсковыми соединениями" (с. 61). Пытаясь определить принципы, на которых строилась политика правительства и парламента в отношении польско-советской войны, автор указывает на два постулата: по общему мнению, исключалась поддержка Польши, но в то же самое время отклонялась помощь Советской России. Другими словами, суть немецкой политики в отношении польско-советской войны заключалась в невмешательстве, что при внешнеполитической изоляции и внутривнутриполитической разобщенности и слабости, считает автор, — было единственно возможной политикой для германского рейха.

Что же касается общественного мнения, то в немецкой прессе комментарии польско-советской войны начали появляться лишь в начале мая 1920 г. Оценки польско-советской войны в немецкой периодике в значительной степени были обусловлены общественно-политической борьбой в Германии в этот период. Пресса левых радикалов увидела в польском нападении на Советскую Россию "наступление международного капитала на форпост пролетарской революции" (с. 62). Каждый удар, направленный против Советской России они рассматривали как удар по немецкому революционному пролетариату. В начале мая газета Независимой социал-демократической партии (USPD) "Freiheit" и орган Коммунистической партии Германии (KPD) "Rote Fahne" призвали

немецкий пролетариат выйти на демонстрации протеста против польской агрессии. Характеризуя демонстрации, состоявшиеся в Берлине, газета "Berliner Tageblatt" писала: "В этой демонстрации... берлинский пролетариат выразил свои симпатии к Советской России и свое негодование в отношении тех реакционных сил, которые не оставляют Советскую Россию в покое" (с. 62). В.И. Ленин высоко оценил эти симпатии к Советской России, назвав их проявлением пролетарской солидарности. Точка зрения немецких социалистов также выразилась в осуждении польского нападения на Советскую Россию и нежелании поддерживать Польшу в этой войне.

Печатные органы буржуазного центристского и правого направления ограничились лишь выражением своих сомнений по поводу успешности военных акций Польши. "Vorwärts" (орган социал-демократической партии Германии) охарактеризовал польское наступление на Украину "как в высшей степени рискованное предприятие" (с. 63). Она писала: "Мы противники любого вмешательства Германии в польско-советскую войну. Мы не такие ура-патриоты, как коммунисты... Мы не будем радоваться, если Россия будет диктовать Польше условия мира" (с. 73). Причем подобная точка зрения базировалась, конечно же, не на симпатиях к Польше, а была продиктована скорее заботой о внутреннем положении Германии, боязнью усиления "большевистской пропаганды" "Germania" (орган центристов) осудил развязанную войну, указав при этом на слабость Польши и вероятность ответного советского удара. Главное, в чем сходились представители немецкой прессы правого и центристского направлений — это отказ как от поддержки Польши, так и Советской России в этой войне. Подобной точке зрения, говорится в книге, способствовало во многом враждебное отношение германской буржуазии, как правого, так и центристского толка, к большевизму.

Политика нейтралитета, которой придерживалась Германия в отношении польско-советской войны, считает автор, была продиктована также боязнью каких-то действий со стороны Антанты на Западе. Любая другая позиция, кроме

нейтралитета, с точки зрения германских политических кругов, могла привести к внутри- и внешнеполитическим осложнениям (с. 74-75). И даже левые радикалы, питавшие симпатии к Советской России, видели в политике нейтралитета наиболее приемлемое средство для прорыва внешнеполитической изоляции Германии. Поэтому в своей пропаганде они и не шли дальше требований о невмешательстве в польско-советскую войну на чьей-либо стороне (с. 75).

Польско-советская война завершилась подписанием мира в Риге, которое позволило "восточноевропейскому миру" развиваться независимо в течение двух последующих десятилетий даже в условиях растущей напряженности между Германией и Советской Россией. В этом и заключается, считает автор, историческое значение польско-советской войны 1920 г. Эта война, по мнению автора, предопределила расстановку сил в послевоенной Европе. Вместе с тем ни одна из сторон в этой войне не достигла поставленных целей, так как ни федеративного переустройства Восточной Европы при польской гегемонии, ни восстановления Польши в границах 1772 г. в этот момент имеющимися средствами добиться было не реально. Автор полагает, что "и ленинское видение Польши как первого звена в цепочке революционных преобразований в Европе происходило из области желаемого" (с. 274). Эта война привела Европу в волнение не из-за ее "военного значения", а скорее вследствие политических условий, в которые она поставила страны послевоенной Европы, из-за изменения расстановки сил. В этой войне решалась судьба не только Польши, но всей системы Версальского договора, т.е. судьба Европы (с. 274).

В своей часто цитируемой речи на VIII съезде советов В.И. Ленин писал: "Когда русские войска подходили к Варшаве, вся Германия кипела"¹⁾, но продиктовано это было, как указывал Ленин, не симпатиями к большевизму как политической системе, а экономическими причинами,

¹⁾ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 31. - С. 109.

так как "победа Антанты и Версальский мир поставили гигантское большинство немецкой нации в положение невозможности так жить дольше"¹⁾. В этом смысле окончание советско-польского конфликта, заключает автор, было одновременно "концом немецких ожиданий и надежд" (с. 277).

Р.Я. Мусина

¹⁾ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 31. - С. 109.

ГИЛАРДИ Ф.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

GHILARDI F.
Aspetti delle relazioni anglo-sovietiche,
1919-1921.-Pisa: Pacini, 1975.-100 p.

Реферируемая книга принадлежит перу итальянского историка, специализирующегося по внешнеполитическим проблемам Европейских стран.

В первой главе автор анализирует отношение стран-союзников к Октябрьской революции в России. Победа над Германией, пишет он, позволила им уделить больше внимания событиям в России. Несмотря на то, что Ллойд Джордж, Вудро Вильсон и Жорж Клемансо проводили много времени за обсуждением этой проблемы в Париже, единства мнения они не достигли. В этот период (декабрь 1917 г.) "существовали две альтернативы: переговоры с красными с участием белых или же военная интервенция и помощь белогвардейцам" (с. 7). Франция делала ставку на белых генералов и готова была предоставить им помощь. По мнению начальника французского генштаба Фоша, это не влекло никаких затруднений, поскольку США также были готовы к такой акции. Однако англичане проявляли более реалистический подход. Ллойд Джордж, не питая симпатии к большевикам, довольно скептически оценивал реальные возможности таких генералов, как Деникин и Колчак, опасался быть вовлеченным в несбыточную авантюру. Как и президент Вильсон, Ллойд Джордж внимательно следил за разворачи-

вающимися событиями и не торопился принимать окончательных решений. В отличие от последних, начальник английского генштаба Г. Вильсон и военно-морской министр У. Черчилль были согласны с Фошем относительно необходимости проведения антибольшевистской интервенции и помощи белогвардейцам.

Характеризуя отношение различных общественно-политических сил Великобритании к установлению советской власти в России, автор отмечает, что консерваторы выступали против признания Советской России, в то время как либералы и лейбористы, отвергая всякую идею интервенции, были готовы к ее признанию. Всячески противодействуя мирным переговорам с Советской Россией, политика консерваторов оставляла за собой тем самым право военного вмешательства во внутренние дела России.

Переходя к вопросу об интервенции на юге России, автор пишет, что эта интервенция "была в прямой зависимости от тех благоприятных перспектив, которые открылись для британцев на Ближнем Востоке" (с. 39). Еще во время англо-французских переговоров в декабре 1917 г. Великобритания настаивала на признании ее политики в отношении Закавказья. В то время как в сферу влияния Франции были включены Бессарабия, Украина и Крым, в сферу английского влияния вошли Кавказ, Армения, Грузия и Курдистан. Так, к концу января 1919 г. английские гарнизоны были расположены вдоль железнодорожной линии Батум-Баку, контролируя побережье Черного и Каспийского морей. Присутствие здесь английских войск У. Черчилль оправдывал необходимостью держать большевиков подальше от этих регионов, а также от Архангельска и Сибири до созыва мирной конференции. Уже контролируя район Месопотамии, Великобритания полагала, что с укреплением ее позиций на Кавказе она сможет вынудить Россию перейти в этом регионе к оборонительной политике. "В конечном счете, — отмечает автор реферируемой книги, — интервенция в помощь Деникину против большевистской России в сущности преследовала вполне объективную цель, эта цель, возможно, являлась во всем этом предприятии самой главной: воспрепятствовать объединению Закавказья с Россией" (с. 40).

На проведении такой политики настаивал Г. Аллен, президент четырех крупных нефтяных компаний на Кавказе, который указывал, что с созданием сферы влияния Великобритании на Кавказе, у английской короны появится вторая Индия или второй Египет. Политическая линия Англии в отношении интервенции расходилась с линией Франции, которая ставила перед собой задачу восстановления монархии как главного бастиона против германского реванша. Командующий английскими войсками на севере генерал Айронсайд настаивал на аренде русских портов и предоставлении англичанам монопольного права на эксплуатацию богатств Советского Севера. На Балтике англичане побуждали Финляндию, Эстонию и Латвию принять активное участие в походе Юденича на Петроград. Однако англичанам не удалось сгладить противоречия между белогвардейскими генералами и ориентаций прибалтийских стран на признание их независимости. Так, Ллойд Джордж, отмечая эти противоречия, жаловался, что они являются препятствием к созданию единого интервенционистского фронта.

Особую роль в английских планах расчленения России играли Кавказ и Туркестан. Поддерживая правительства Армении, Грузии и Азербайджана, Великобритания предполагала создание на Северном Кавказе и Закавказье "Юго-Восточного союза" под английским протекторатом. Однако и в этом регионе, как и в Прибалтике, имелись противоречия между генералами Деникина и закавказскими правительствами. Для улаживания конфликтов сюда был назначен бывший английский генеральный консул в Москве Уордроп. Определенная роль в этом регионе отводилась также Италии, однако итальянское правительство не спешило принять участие в интервенции на Кавказе. Это давало повод англичанам не топочиться с эвакуацией своих войск.

В самой Великобритании печать консерваторов выступила за сохранение английского присутствия в этом регионе, поддерживая мнение, что эвакуация англичан нанесет существенный урон английскому престижу и может явиться дестабилизирующим фактором для Индии и всего Ближнего Востока. В свою очередь меньшевистское правительство

Грузии "рассматривало присутствие англичан как единственную гарантию своей безопасности от Деникина и просило Великобританию оставить свои войска в этом районе. Со своей стороны правительство Грузии для сохранения английских оккупационных войск готово было пойти на значительные экономические уступки" (с. 43).

Во время переговоров в Париже между вновь созданным мусаватистским правительством Азербайджана и Великобританией (30 октября – 1 ноября 1919 г.) англичане выдвинули проект военно-политической унии между Азербайджаном и Персией. Последняя к этому времени превратилась фактически в английский протекторат.

Содержание предполагаемого соглашения сводилось к следующему: 1) Азербайджан навсегда отделяется от России; 2) между Азербайджаном и Персией устанавливается политико-экономическая связь; 3) Англия дает Азербайджану и Персии гарантии неприкосновенности и оказывает им военную поддержку; 4) внешняя политика Персии и Азербайджана контролируется английским правительством (с. 43).

Поощряя территориальное расширение Грузии, английское командование установило разграничительную линию между меньшевистской Грузией и деникинской армией: Кизил-Бурун-Закаталы-Туапсе, передвинув ее затем от Кизил-Буруна до Петровска. Южнее этой линии находилась зона английской армии. Дагестан был включен в английскую зону, что послужило поводом для конфликта между Грузией и Добрармией, а также между англичанами и белогвардейцами. В Батуми был запрещен въезд деникинским офицерам, деникинцам разрешалось также формировать какие-либо военно-морские силы на Каспии. К началу апреля 1919 г., когда появились признаки явной дестабилизации в этом регионе, которым сопутствовал ряд поражений белых армий, Великобритания решила передать мандат на Кавказ итальянцам. В середине мая командующий английскими войсками в Азербайджане генерал Томпсон сообщил о готовящемся выводе английских войск и о замене их итальянскими. В Тифлис прибыла итальянская военная миссия во главе с полковником Габба. Как свидетельствовал бывший премьер-министр Италии Ф. Нитти,

в июне 1919 г. 12-й итальянский армейский корпус был готов к отплытию на Кавказ. Но этот проект вызвал мощную оппозицию в Италии. Правительство В. Орландо вскоре ушло в отставку, и соглашение о замене английского мандата на Кавказ итальянским не состоялось.

Великобритания поддерживала одновременно Деникина и кавказские правительства на юге России, и антибольшевистские силы генерала Юденича и Прибалтийских стран на западе. Следует отметить, пишет автор, что призыв Юденича к объединению всех сил против большевизма не нашел ожидаемого отклика у правительства Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, стремящихся к нейтралитету и отрицательно относящихся к белогвардейским лозунгам о "неделимости" России. Как на юге, так и здесь англичане пытались закрепить свои позиции. Они вели переговоры с Эстонией об уступке Эзеля и Даго для устройства английских морских баз и даже захвата Кронштадта (с. 50).

Поражение Колчака, Юденича и Деникина означало крах интервенционистской политики. Желая хотя бы закрепить отделение Закавказья и Прибалтики от России, Великобритания поспешила с официальным признанием их правительств. Попыталась она выступить и в качестве примирителя между Врангелем и Красной Армией. Поскольку интервенционистские планы провалились, необходимо было искать другие пути, и английское правительство возобновляет контакты с советским правительством. Еще 24 января 1919 г. советское правительство предложило начать переговоры о соглашении по вопросу о военнопленных. Англичане сначала затягивали с ответом, однако 7 ноября 1919 г. Керзон выразил согласие на переговоры, и уже 25 ноября состоялась встреча Литвинова с О'Грэди в Копенгагене.

Начатые в конце мая 1920 г. в Лондоне торговые переговоры, прерванные затем в связи с советско-польской войной, были возобновлены в конце октября 1920 г. К этому времени Советская Россия уже вела переговоры об установлении торговых отношений с Италией, Германией, Францией и другими странами.

Экономическое положение Англии было в это время исключительно трудным. Послевоенный бум к концу 1920 г. сменился острым экономическим кризисом, проблема рынков выдвинулась на передний план. Великобритания надеялась, что русский рынок поможет им выйти из надвигающегося экономического кризиса. В этой связи политику "advancing ring of fire", по иной версии "санитарный кордон", применить стало невозможным. К тому же РСФСР подписала мирные договоры с Эстонией, Латвией, Литвой. "С другой стороны, — отмечает автор, — ни Великобритания, ни США, ни другие союзники не имели ни средств, ни желания к организации нового крестового похода" (с. 62). И поскольку было невозможно усмирить Россию силой, настал момент, по мнению английского правительства, "спасти" ее путем торговли.

Английские правящие круги надеялись также, что восстановление торговых отношений с Советской Россией приведет к признанию советским правительством царских долгов и к возмещению национализированной собственности иностранных владельцев в России. Установление торговых отношений сопровождалось выдвижением политических требований со стороны Великобритании в проекте торгового договора, предложенного Ллойд Джорджем в декабре 1920 г. Он требовал от Советского правительства отказа от всякой враждебной интересам Британской империи пропаганды, особенно это касалось политики в Персии, Афганистане и на Кавказе. Английская дипломатия продолжала считать дашнакскую Армению и меньшевистскую Грузию сферой своего влияния. В дальнейшем Великобритания отказалась от части своих притязаний, оставив в договоре лишь упоминание об Индии и Афганистане.

16 марта 1921 г. был заключен англо-советский торговый договор, являющийся, как указывалось в нем, предварительным соглашением, за которым должен последовать формальный договор, регулирующий все экономические и политические отношения между обеими странами.

Н.А. Виленский

СОВЕТСКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ
(ШВЕДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)
(Обзор)

В последние годы в скандинавской историографии наблюдается пристальное внимание к теме советско-шведских отношений в различные периоды советской истории. Это обусловлено не только академическим интересом, но и желанием взглянуть с позиции сегодняшних реалий на итоги и перспективы советско-скандинавского сотрудничества. Не случайным является также обращение и к самому раннему периоду советской истории. Именно тогда, в первые годы советской власти, закладывались основы отношений Советского государства с окружающими его странами, определялись роль и место его в системе международных отношений.

С 1985 г. Правление Юбилейного фонда государственного банка Швеции открыло финансирование исследовательского проекта "Экономические и политические отношения между Швецией и СССР в 1917-1934 гг." В связи с этим проектом были подняты проблемы, относящиеся к периоду 1917-1921 гг., как своего рода переходному периоду в отношениях Швеции с Россией.

Частично проблемы советско-шведских отношений были затронуты уже на симпозиуме "Прибалтика в международных отношениях между двумя войнами", состоявшемся в 1986 г. по инициативе Центра прибалтийских исследований Стокгольмского университета (А. Лойт). В его дискуссиях

приняли участие и советские специалисты из Риги, Вильнюса, Таллина.

Проблема советско-шведских отношений в период гражданской войны и иностранной интервенции в СССР — это проблема отношений Страны Советов с нейтральными государствами. Немногочисленные работы западных историков, относящиеся к концу 50-х — 70-м годам, отличаются негативной оценкой политики Советского государства, недоверием к деятельности его дипломатов, направленной на установление мира между народами, поиски мирных путей урегулирования разногласий с капиталистическими странами. Наиболее консервативные западные историки попытались даже приписать советскому государству планы овладения Западной Европой с помощью ее нейтрализации (6, 13).

Новейшая западная историография в целом отказалась от крайностей идеологизации политики Советской России в рассматриваемый период. Определенная заслуга в этом принадлежит также шведским историкам, которые обратились к конкретно-историческим исследованиям различных аспектов советско-скандинавских отношений. В их работах поставлены вопросы, интересующие и советских специалистов: каково место этого периода в истории взаимоотношения скандинавских стран с Россией? Какое влияние проблемы, возникшие в этот период, оказали на последующее развитие советско-скандинавских отношений?

На эти и другие вопросы и попытались ответить участники симпозиума "Прибалтика в международных отношениях между двумя войнами". В период иностранной интервенции Швеция должна была выработать свою позицию как в отношении Советской России, так и в отношении отдельных частей бывшей Российской империи. Определенное место в ее политике занимали проблемы, связанные с появлением новых государственных образований в Прибалтике. Дискуссия на симпозиуме развернулась вокруг вопроса, какую роль играла Прибалтика в отношениях между Советским государством и Западом — роль барьера или моста? Имея в виду стратегическое значение этого региона, авторы вступительной статьи к публикации материалов симпозиума А. Лойт и

Дж. Хайден так выразили суть проблемы: "Они (прибалтийские государства – реф.) были в равной степени как окном на Восток, так и окном на Запад; они находились на самом острие контактов между капитализмом и коммунизмом после 1917 г." (3, с. 8).

В выступлениях советских историков на симпозиуме прозвучала критика позиции западных держав, и прежде всего Великобритании, которые, по их мнению, рассматривали Прибалтику как инструмент своей антисоветской политики. В частности, они указывали на антисоветскую направленность идеи о создании альянса прибалтийских государств, зародившейся в Лондоне в 1919 г. (2, 14).

Точка зрения советских историков встретила возражение американских исследователей Э. Андерсона и Р. Мизюнаса (1, 11), которые считают, что политика создания блока прибалтийских государств была обусловлена прежде всего соображениями их собственной безопасности. Английский историк Дж. Хайден и финский К. Хови полагают, что политика западных держав в этом регионе диктовалась в значительной степени и стремлением противостоять распространению влияния Германии, которая, по замечанию Дж. Хайдена, пыталась навести мосты с Россией через Прибалтику. Р. Мизюнас высказал также мнение, что не только Франция отводила Прибалтике роль "санитарного кордона", но и само Советское государство смотрело на нее, как на барьер, отделяющий его от Запада.

Промежуточную позицию на симпозиуме, заняли шведские историки К. Кангерис и Х. Карлбек-Исотало (10, 5), которые показали, что капиталистические державы не составляли единого лагеря, противостоящего Советской России, а в их взглядах на будущее устройство прибалтийских государств отразились противоречивые интересы стран, входящих в различные враждующие между собой блоки. В частности, не отрицая роль антисоветизма, шведские историки вместе с тем отмечают, что политика Антанты, как в отношении Советской России, так и в отношении других частей бывшей Российской империи, была обусловлена в значительной степени стремлением противостоять распростра-

нению влияния Германии. "Интервенция союзников в Россию, начавшаяся весной 1918 г., — пишет, например, Х. Карлбек-Исотало, — уже с самого начала имела двойственный характер — антигерманский и антибольшевистский. Эти две цели трудно было отделить одну от другой" (5, с. 215).

В такой же степени, по ее мнению, это касалось и Прибалтики. Под таким углом зрения она и рассматривает политику Швеции в этом регионе. Выяснение же вопроса о роли Швеции в урегулировании "прибалтийского кризиса" является важным в связи с тем, что именно ей в планах западных держав о создании блока прибалтийских государств отводилась лидирующая роль.

Для оценки позиции Швеции необходимо проследить, насколько последовательно она проводила в жизнь политику нейтралитета в период иностранной интервенции против Советской России. Этот вопрос стоит в центре внимания шведских историков К. Кангериса, Х. Карлбек-Исотало, Л.Т.Нормана (10, 5, 12). Среди других фактов Х. Карлбек-Исотало обращает внимание на то, что уже в июне 1918 г. в Копенгагене на встрече лидеров трех скандинавских стран, где Швецию представляли премьер-министр Н. Эден и министр иностранных дел, Й. Хеллнер, было решено "продолжать политику" беспристрастного нейтралитета" в дипломатических отношениях и в вопросе о признании новых государств, неожиданно появившихся (особенно в России) в результате мировой войны" (5, с. 220-221).

После поражения Германии в первой мировой войне встал вопрос о выводе ее войск из Прибалтики. В этой связи между эстонскими и в меньшей степени латвийскими националистами, с одной стороны, и прибалтийскими немцами, с другой, возобновилась борьба, в которой каждая из сторон пыталась заручиться поддержкой шведского правительства. По существу и те и другие выдвигали угрозу большевизма как повод для оправдания иностранного вмешательства. С сентября 1918 г. до начала 1919 г. представители эстонских и латвийских националистов, а также правительство Великобритании неоднократно обращались к шведскому правительству с предложением послать регулярные войска и

оружие в прибалтийские государства для защиты от большевизма. На это министр иностранных дел Швеции Хеллнер ответил через британского посланника Роберта Клайва, что шведский парламент никогда не санкционирует отправку войск в прибалтийский регион.

Такое решение, отмечает Х.Карблек-Исотало, отчасти вытекало из понимания того, что не только угроза большевизма заставляла Великобританию обращаться к Швеции за помощью. Хеллнер был убежден, "что Антанта решила поддержать эстонских и латвийских националистов против той части населения, которая ориентируется на Германию, и что союзники желают использовать малые нейтральные страны в своих политических целях в Прибалтике (5, с. 224). Среди других аргументов, мотивирующих отказ Швеции послать свои войска либо оружие в Прибалтику, фигурировало и опасение, что это будет способствовать гражданской войне, как уже было в Финляндии.

В дальнейшем вопрос об активном участии Швеции в урегулировании "прибалтийского кризиса" ставился еще не раз. В феврале 1919 г. шведский министр иностранных дел отправил меморандум своим миссиям в Европе, Буэнос-Айресе, Токио, Вашингтоне, в котором раскрывалась позиция Швеции в отношении Прибалтики. Это было связано с тем, что вопрос о судьбе "русских прибалтийских провинций" рассматривался в тот момент как один из самых острых вопросов, поднятых Парижской мирной конференцией (январь 1919 - январь 1920 г.). Как представители царского правительства, так и бывшего правительства Керенского выступали за возвращение прибалтийских провинций России. Однако после поражения Германии в 1918 г. Латвия и Эстония провозгласили свою независимость. Среди других предложений о будущем устройстве Прибалтики представителем прибалтийских немцев фон Стрыком был высказан план о создании государственного образования по образцу Швейцарской конфедерации, которое было бы подчинено Российскому правительству, признанному, конечно, западными державами. В противовес этой концепции эстонскими и латвийскими националистами было выдвинуто предложение о

создании прибалтийской федерации, охватывающей скандинавские страны; Финляндию, Эстонию, Латвию и, возможно, Польшу и Литву. Роль лидера в ней отводилась Швеции.

"Для Швеции, — пишет Х. Карлбек-Исотало, — тут был шанс вновь стать лидирующей державой в Северной Европе, не говоря уже о великолепном поле деятельности для шведской экспортной продукции, которое могут предложить новые государства на берегу Балтийского моря" (5, с. 226). Однако она таким шансом не воспользовалась.

Касаясь мотивов такого решения, Х. Карлбек-Исотало объясняет его тем, что Швеция опасалась быть вовлеченной в рискованную ситуацию, в случае если она возьмет на себя ответственность за политику балтийских государств. Согласно полученным инструкциям; шведская миссия в Париже заявила, что шведское правительство "ни при каких обстоятельствах не желает брать на себя обязательств, которые сопряжены с присоединением к такой федерации" (5, с. 227).

Коротко позицию Швеции во время урегулирования "прибалтийского кризиса" Х. Карлбек-Исотало выразила так: "Никаких военных обязательств!" — такой была реакция дважды в 1918 г., когда финны запросили военную помощь в январе и когда эстонцы и латвийцы сделали то же самое осенью. В целом шведское правительство не обнаружило интереса к предложениям, сделанным в 1919 г. о северном прибалтийском альянсе с военным подтекстом" (с. 5, с. 229).

До сих пор как в советских, так и в западных исследованиях недостаточно внимания обращалось на позицию собственно прибалтийских государств. Этот вопрос нашел частичное освещение в работах шведских исследователей. Уже с первых своих шагов, добываясь признания независимости, как отмечает Х. Карлбек-Исотало, они определили свое место в международных отношениях как нейтральные страны, играющие роль своего рода моста между Востоком и Западом. Так, в конце октября 1918 г. представители Латвии передали министру иностранных дел Швеции Хеллнеру меморандум, в котором содержались аргументы в пользу созда-

ния независимых государств, "играющих специфическую роль в коммерческой жизни Европы как транзитного региона" (5, с. 222). В ноябре 1918 г. представитель пронемецких кругов Эстонии фон Стрык в обращении к шведскому правительству определил политическую ориентацию прибалтийских государств, добывающихся признания, как "зону коммерческого обмена между Востоком и Западом" (5, с. 223).

В работах того же автора получил освещение также малоизученный вопрос о политике Швеции в отношении других частей бывшей Российской империи и ее взаимоотношениях с небольшевицскими правительствами, возникшими в них в период иностранной интервенции. При этом Х. Карлбек-Исотало указывает, что активность Швеции в этих направлениях вызвала прежде всего ее экономическими интересами, а не какими-либо другими причинами. Среди районов России, которым еще до революции Швеция придавала исключительное значение, была Украина. Швеция была заинтересована в экономическом обмене с центральными областями России, особенно Украиной, вследствие чего она пристально следила за политическими переменами в этом регионе.

Попытки возобновить торговые связи с Украиной весной 1918 г. не удалась, считает автор, частично из-за того, что немецкие оккупационные власти были сами заинтересованы в украинском сырье. В целом в своих отношениях с Украиной Швеция отчетливо почувствовала, что конкурирует с Германией по части получения сырья. По русско-германскому дополнительному договору от 27 августа 1918 г. Украина была вынуждена осуществлять очень тяжелые экономические поставки Германии.

В сентябре 1918 г. к шведской дипломатической миссии в Берлине обратились представители украинского правительства с просьбой об официальном признании Украинской Республики. Автор показывает, что Швеция была готова пойти на это, учитывая всю важность признания независимости Украины для развития украинско-шведских экономических связей. "Развернулась обширная переписка между шведским министром иностранных дел и шведскими миссиями в Берлине, Копенгагене и т.д., с одной сторо-

ны, и шведским министром иностранных дел и датским и норвежским правительствами, с другой, в которой рассматривалась возможность официального признания украинской республики" (5, с. 220).

В мае 1919 г. в Стокгольме вновь был поднят вопрос о признании новых государственных образований в Восточной Европе, в числе которых наряду с Эстонией, Латвией, Грузией, Азербайджаном, Литвой и Польшей называлась также Украина. Накануне конференции в меморандуме, выпущенном министерством иностранных дел Швеции, отмечалось, что "Шведское правительство вместе с правительствами Дании и Норвегии извещают представителей новых "государственных образований", что неофициальные отношения, "де-факто могут быть открыты"... (5, с. 227).

На установлении отношений с Украиной настаивала Государственная Шведская комиссия торговли. Еще весной и летом 1918 г. шведские торговые и финансовые круги выражали свое пожелание о создании официальной миссии в Киеве. Позднее в дискуссиях, имевших место в течение лета 1919 г. в шведском министерстве иностранных дел по поводу необходимости назначения шведского консула в Киеве; отчетливо прозвучало мнение, "что Украинская республика в большей степени, чем какое-либо другое государственное образование, возникшее на месте бывшей Российской империи, отвечает интересам Швеции как в смысле ее значения в политическом отношении, в связи с переменами, произошедшими в последние годы, так и вследствие ее важности для шведской экономики как поставщик зерна и импортер сельскохозяйственного машиностроения" (5, с. 220). Однако решение вопроса о назначении шведского консула в Киеве принято не было.

Другим регионом, привлекающим внимание Швеции, была Сибирь. Уже летом 1918 г., как отмечает автор, были предприняты первые попытки установить прямой обмен товарами с Сибирью. Они были продолжены, когда в Сибири установилась контрреволюционная власть.

"С разных сторон в шведской промышленной и коммерческой жизни слышались предложения послать шведского ге-

нерального консула в Сибирь "для защиты экономических интересов шведов в районе, который по своему значению более важный, чем Европейская Россия, для которой необходимо более продолжительное время, чтобы условия там стали приемлемыми для экономического проникновения" (5, с. 229).

В мае 1919 г. шведский министр иностранных дел Хеллер информировал Гульневича, главу русской делегации в Стокгольме, направленной сюда в марте 1917 г. еще временным правительством, что вопрос с назначением консула решен и он на пути в Омск.

Летом 1919 г. в Сибирь отправилась шведская экспедиция для закупки товаров, а осенью была послана комиссия для исследования возможностей развития торговых связей. Одновременно шведское правительство обратилось к странам Антанты, которые участвовали в оккупации Сибири, с просьбой оказать содействие работе комиссии. Комиссия пришла к заключению, что возможности экспорта традиционных товаров, на которых специализируется Швеция, в этом регионе неограниченные. Однако наладить сколько-нибудь заметный торговый обмен так и не удалось из-за неустойчивости политической ситуацией в Сибири.

Исключительный интерес представляет вопрос о торгово-экономических отношениях между Швецией и Советской Россией в период иностранной интервенции.

В исследованиях шведских специалистов, основанных на материалах шведских архивов, эта проблема отражается преимущественно со шведской точки зрения. При этом внимание сосредоточивается не только на тех особенностях, которые привнесла во взаимоотношения между двумя странами иностранная интервенция против Советского государства, но и на том, в какой степени они были продолжением экономических связей предшествующего периода, в чем выразилась их преемственность.

Вопрос о шведском экспортном и инвестиционном контингенте был одновременно поставлен в работах А. Йоханссона и Х. Карлбек-Исотало (9, 15). Исследуя прибалтийский регион, А. Йоханссон приходит к заключению об

определенной преемственности в прибалтийско-шведских экономических связях, заложенных еще в период существования Российской империи, которые после признания независимости прибалтийских республик расширяются. Х. Карлбек-Исотало также отмечает некоторую преемственность в советско-шведских экономических связях в рассматриваемый период, которые, однако, имеют тенденцию к сокращению. В ее работах, в частности, в контексте русско-шведских экономических отношений подробно освещается предыстория заключения советско-шведского торгового соглашения 1918 г.

Интенсивный торгово-экономический обмен между Швецией и Россией, как показывает автор, наблюдается уже в годы первой мировой войны, в результате чего Россия к 1916 г. вышла на третье место среди покупателей шведских товаров (9% всего шведского экспорта). Причем особо возрос экспорт продукции станкостроительной и металлургической промышленности. Некоторые шведские компании, специализирующиеся в этой отрасли, выпускали продукцию, предназначенную исключительно для русского рынка. Вместе с тем росла и потребность шведской промышленности в русском сырье (зерно, лен, пенька, смазочные масла и т.д.).

После революции деловые круги Швеции, как показывает автор, по-прежнему проявляли интерес к возобновлению торгово-экономических контактов, несмотря на то, что вскоре начавшаяся иностранная интервенция очень затруднила такие отношения. Шведский торгово-промышленный мир хорошо осознавал, что в лице Советской России он столкнулся с партнером совершенно нового типа. Но вместе с тем, как подчеркивает Х. Карлбек-Исотало, новый экономический курс Советского правительства был встречен в Швеции до известной степени с пониманием. В его экономической политике и практике, особенно в 1918 г., имелись особенности, обусловленные, по мнению автора, военным временем и напоминающие предыдущие годы. Тенденция на жесткую централизацию народного хозяйства Советской России в какой-то мере имела даже сходство с регулируемой шведской экономикой военного времени.

За переговоры о заключении торгового соглашения, отмечает автор, решительно выступала Государственная шведская комиссия торговли. В Меморандуме относительно мер по восстановлению торговых отношений между Швецией и Россией, написанном в феврале 1918 г., заведующий русским отделом Комиссии торговли Я. де Лаваль указывал, что шведским государственным властям пора взять дело в свои руки, чтобы наладить получение импортных товаров из России. Вмешательство государственных органов он считал необходимым в связи с тем, что отдельным предпринимателям трудно работать на российском рынке вследствие неясности имущественных условий.

Видную роль в развитии советско-шведских торговых отношений играл "красный банкир" Ашберг (так его называли за связи со шведским рабочим движением в 1910-е годы), не раз выступавший в качестве связующего звена в контактах между советским и шведским правительствами как по политическим, так и по экономическим вопросам.

Определенным препятствием для возобновления торгово-экономических отношений, по мнению Х. Карлбек-Исотало, являлись меры Советского правительства по ограничению частного предпринимательства, национализация крупных предприятий, арест, наложенный на банковские вклады. Именно этими, а не другими причинами, объясняется то, что торговые круги Швеции временно заняли выжидательную позицию. Вместе с дипломатическими представителями других нейтральных государств шведский посол в Петрограде вручил Советскому правительству 26 февраля 1918 г. ноту протеста против введения декрета о рабочем контроле на предприятиях, о национализации банков, аннулировании иностранных долгов царского правительства. Члены шведской торговой делегации считали также совершенно неприемлемым требование ввести рабочий контроль на шведских предприятиях, получающих сырье из России, предъявленное советской стороной во время переговоров о советско-шведском торговом договоре.

Ввиду этих и других ограничительных мер Советского правительства, а также разрухи на железнодорожном транс-

порте, затрудняющей перевозку товаров, Шведский экспортный союз даже советовал шведским торговым фирмам ограничить свою деятельность на российском рынке.

Определенное недоумение у шведской стороны, как замечает автор, вызвало несоответствие действий центральных и местных органов власти, в частности попытка Совета Народных Комиссаров Северного района наложить арест на шведские корабли, прибывшие в Петроград с первой партией сельскохозяйственных машин, заказанных Советским правительством. Возникли также затруднения в расчетах за советские поставки. Советское правительство требовало, чтобы они производились в шведских кронах, часть которых Советское правительство желало расходовать по своему усмотрению на закупку промышленных товаров непосредственно на шведском внутреннем рынке.

Летом 1918 г. на требование шведов, чтобы товары и другая собственность, принадлежащие шведскому правительству или шведским подданным, пользовались неприкосновенностью и не подлежали конфискации или реквизиции, советская сторона отвечала уже не так категорично, обещая всеми способами облегчить ввоз и вывоз товаров, куплю или продажу в соответствии с договорами, а также охрану их от конфискации.

В сентябре 1918 г. Советское государство предприняло шаг, который развязал многие узлы, мешавшие, по мнению шведов, заключению торгового договора: обязалось возместить стоимость всех товаров, которые были конфискованы советскими властями на Гутуевской таможне, разрешив также вывоз с нее в Швецию уже оплаченных льна и пеньки. В результате 28 октября 1918 г. в Петрограде был подписан советско-шведский торговый договор.

Однако уже в январе 1919 г. отношения между Советской Россией и Швецией были разорваны по инициативе шведского правительства после нажима со стороны Антанты. Подготовка к разрыву, отмечает автор, велась втайне шведским МИД уже начиная с октября 1918 г. В ноябре была проведена секретная конференция с участием ответственных представителей МИД скандинавских стран, смысл которой

состоял в том, чтобы сформулировать мотивировку разрыва отношений с Советским правительством. Само же решение об этом уже было принято. "Формально Швеция не приняла участия в экономической блокаде, предпринятой Антантой против Советского государства. В действительности же это было так главным образом вследствие того, что провезти корабли через Балтийское море в 1919 г. было физически невозможно" (5, с. 229, см. также 4, 199).

После разрыва отношений с Советской Россией, отмечает Х. Карлбек-Исотало, шведский экспортный союз рекомендовал своим членам обращаться в Северную Россию, Прибалтийские провинции, Южную Россию и на Кавказ, т.е. районы, контролировавшиеся иностранными интервентами. "Швеция была одной из первых стран, кто осенью 1919 г. начал торговать с теми территориями России, которые находились под властью белого генерала Деникина" (4, с. 197). Из официальной шведской торговой статистики видно, что в 1919 г. из всех районов бывшей Российской империи наибольшая часть шведского экспорта шла в Южную Россию. Экспорт только в этот район в 1919 г. был примерно такого же объема, как экспорт следующего года в Советскую Россию в целом, когда экономическая блокада была уже снята Антантой.

Однако было бы неправильно считать, что экономическая блокада, объявленная Антантой Советской России, не затронула интересов Швеции, ее торгово-промышленных кругов, которые только накануне заключили торговое соглашение с Советским правительством. Именно это подчеркивает в своих работах Х. Карлбек-Исотало. Иначе как объяснить то, что даже в условиях иностранной интервенции и экономической блокады шведский пароход "Эскильстуна Ш" в мае и августе 1919 г. предпринял рейсы, совершенные, по существу, нелегально, которые были почти единственными связями Советского государства с внешним миром.

Официально экономические отношения Швеции с Советской Россией возобновились в начале 1920 г., в результате чего уже 15 мая 1920 г. шведские компании подписали с Центросоюзом (а в действительности с Советским государ-

ством) соглашение о закупке шведской продукции на сумму 100 млн. шведских крон (в том числе крайне необходимые для восстановления хозяйства локомотивы и оборудование для железных дорог) (4, с. 204).

В заключение необходимо добавить, что обсуждение всего комплекса вопросов, связанного с советско-шведскими отношениями в первые годы советской власти, в котором приняли участие шведские историки, будет продолжено на симпозиуме по теме "Контакты или изоляция? Отношения СССР с Западом в межвоенный период", организатором которого выступает Центр прибалтийских исследований Стокгольмского университета (А. Лойт). В его работе примут участие наряду со скандинавскими учеными американские, западноевропейские и советские историки.

Список литературы

1. Anderson E. The Baltic Entente, 1914-1640: Its strength and weakness // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. - Stockholm, 1988. - P. 79-100.
2. Arumäe H. Der diplomatische Kampfum die Schaffung des Baltischen Bundes, 1919-1925 // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. - Stockholm, 1988. - P. 25-42.
3. The Baltic in international relations between the two world wars; Symp. organized by Centre for Baltic studies, Nov. 11-13, 1986, Univ. of Stockholm, Frescati / Ed.: Hiden J., Loit A. - Stockholm, 1988. - 389 p. - (acta Univ. Stockholmiensis. Studia baltica Stockholmiensia; 3). - Bibliogr.: p. 375-389.
4. Carlback-Isotalo H. Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Sovjet, 1917- 1924 // Historisk tidskrift. - Stockholm, 1985. - N 2. - P. 187-234.
5. Carlback-Isotalo H. Sweden and Russia in dissolution 1918-1919: Some political and economical aspects of the Swedish government policies towards the Baltic provinces,

- the Ukraine and other new states // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 209–234.
6. Fiedler H. Der sowjetische Neutralitätsbegriff in Theorie und Praxis: Ein Beitrag zum Problem des Disengagement. – Köln: Politik und Wirtschaft 6, 1959. – 302 S. – Bibliogr.: p. 278–288.
 7. Hiden J. Weimar revisionism and Baltic security // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 145–156.
 8. Hovi K. Die französische Baltikumpolitik in den Jahren 1918–1921 // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 137–144.
 9. Johansson A. Swedish transnational enterprise in the Baltic countries: The aspect of continuation of the prerevolutionary process of direct investment in the Russian market // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 253–280.
 10. Kangeris K. Die schwedische Baltikumpolitik, 1918–1925: Ein Überblick // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 187–208.
 11. Misiunas R. The role of the Baltic states in Soviet relations with the West during the interwar period // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 171–186.
 12. Norman L.T. A foreign policy other than old neutrality”: Aspects of Swedish foreign policy after the first world war // The Baltic in international relations between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 235–250.
 13. Strauß Fr.J. Herausforderung und Antuort: Ein Programm für Europa / Vom. von J.-J. Servan-Schreiber. – Stuttgart; Seewald, 1968. – 232 S.

14. Varslavans A. Baltic alliance and international politics in the first part of the 1920s// The Baltic in international relation between the two world wars / Ed.: Hiden J., Loit A. – Stockholm, 1988. – P. 43–58.
15. Карлбек–Исотало Х. Сотрудничество или бойкот?: К вопросу об отношении шведов к Советской России // Скандинавский сборник. – Таллин, 1988. – № 22.

Е.Б. Кудрякова

**ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ
СТРАНЫ СОВЕТОВ
(Зарубежная историография)
Реферативный сборник**

Сдано в набор 13.07.89 Подписано к печати 23.11.89
Формат 60x84/16
Печ.л. 8,4 Уч.-изд.л. 10,5
Тираж 500 экз. Цена 1 руб. Заказ № 5519

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул. Красикова, д 28/21
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г. Люберцы, Октябрьский пр.,
403
042(02)9

1 руб.